…етическая …кономия в отрывках

под редакцией А. С. Мендельсона и И. А. Трахтенберга

Деньги

Издательство „Плановое Хозяйство"
Москва — Госплан СССР — 1926

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ОТРЫВКАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. С. МЕНДЕЛЬСОНА и И. А. ТРАХТЕНБЕРГА

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО"

МОСКВА ГОСПЛАН СССР 1926

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ОТРЫВКАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

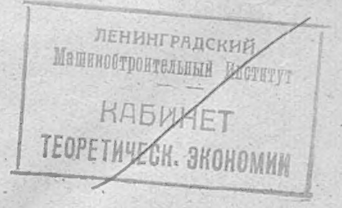
А. С. МЕНДЕЛЬСОНА и И. А. ТРАХТЕНБЕРГА

ДЕНЬГИ

СОСТАВИЛ Л. ЭВЕНТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

МОСКВА ГОСПЛАН СССР 1926

★

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
Гл. Упр. Р.-К.К.А.
Пл. Урицкого, 10.
Ленинградский
Гублит № 19255.
Тираж 5.100—17.
Заказ № 700.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Деньги принадлежат к тем социально-экономическим явлениям, которые издавна привлекают к себе наибольшее внимание как ученых теоретиков, так и широких масс населения. Не только экономист, но и философ, этнограф, социолог и историк в равной мере делают объектом своего изучения это сложное, но вместе с тем важнейшее общественное явление. Работ, посвященных деньгам, насчитывается в настоящее время больше десяти тысяч.

Не менее велик интерес к проблеме денег и со стороны широкой публики. Этот интерес особенно обостряется в эпоху „валютных кризисов", в эпоху расстройства денежного механизма (какую, например, переживает почти вся Европа в течение последнего десятилетия); но и в периоды „благополучного" состояния денежного обращения проблема денег не перестает привлекать к себе внимание.

Эта постоянная актуальность денежной проблемы едва ли случайна. Она объясняется тем, что та двоякая значимость, теоретическая и практическая, которая вообще свойственна всякой экономической проблеме, особенно обнаруживается в деньгах. С одной стороны, познание системы товарного хозяйства, установление его закономерностей невозможно без отчетливого представления о деньгах, ибо,—как верно выразился Н. Бухарин,—„деньги являются той вещно-общественной связью, тем узлом, которым завязана вся развитая товарная система производства", ибо в деньгах „наиболее очевидным образом происходит объективирование многосложных человеческих отношений". С другой стороны, как раз вследствие того, что деньги являются центральным узлом товарного хозяйства, они приобретают огромное практическое значение. Денежный механизм является одним из сильнейших рычагов воздействия господствующего класса на экономическую жизнь, безразлично, будет ли это воздействие ставить себе целью защиту аграрных интересов, или интересов промышленной крупной буржуазии, или же интересов пролетариата.

Деньги являются узлом товарной системы, и проблема денег, непосредственно связанная с проблемой стоимости, является центральной проблемой теоретической экономии. Этим и объясняется ее сложность, трудность ее разрешения. А так как при разрешении проблемы денег особенно явственно проявляются социальные интересы, то естественно, что здесь проявляется разноречие точек зрения и резкость их столкновений.

При обозрении литературы о деньгах, на первый взгляд нам может показаться, что существует большое количество школ и направлений. Каждый буржуазный ученый, внося те или иные, большей частью незначительные, модификации, склонен почитать себя творцом новой теории. Из тех тысяч книг, которые посвящены проблеме денег, не одна сотня претендует на оригинальность и новизну. Но надо сказать, что количеству работ о деньгах далеко не соответствует их качество.

История экономической мысли после классиков (конца XVIII и начала XIX века) двигалась в двух направлениях. С одной стороны, классическая школа дала истоки марксистской мысли; с другой,—эта же школа чрез вульгарную экономику, выродившуюся до историзма (т. наз. историческая школа), заменяется различными субъективно-психологическими направлениями.

Выступивший на арену мировой истории новый класс, буржуазия, борясь с феодализмом и средневековьем, создал свою идеологию, экономическую теорию в лице классической школы. Выполнение буржуазией в то время прогрессивной роли, ее положение, как класса, преобразующего мир, давало ей возможность создать последовательную и законченную экономическую теорию, с помощью которой она побеждала все реакционное, стоявшее на пути экономического прогресса. Теория восходящего класса всегда отличается цельностью, глубиной. Восходящий класс находится, так сказать, в положении нападающего. Уже это одно дает ему преимущество и придает его теории размах и широту. Такова—классическая школа политической экономии. В теории денег в это время уже выявляются два основных направления: номинализм и количественная теория. Первая теория характерна для XVIII столетия, для эпохи торгового капитала, для эпохи, когда складывается сильная государственная власть, когда кажется, что государственная власть всесильна, что областью денежных отношений она может полностью овладеть. Вторая—характерна для начала XIX столетия, эпохи либерализма, эпохи laissez faire laissez passer, когда в соответствии с интересами промышленного капитализма, господствует убеждение, что мир устрояется наилучшим образом при свободном проявлении стихийно складывающихся отношений.

Представителями номинализма этой эпохи можно назвать Юма, Монтескье, епископа Беркли, Джемса Стюарта. Классическим представителем квантитативной теории является Д. Рикардо.

Марксову критику первого направления читатель найдет в отрывке из „К критике...“, помещенном под заглавием „Идеальная единица денежной меры“. Критику квантитативного направления—в отрывке „Исторический обзор учений о деньгах“.

Уже к началу второй половины XIX столетия, буржуазия из класса, преобразующего мир, превращается в класс, охраняющий установленные основы, из класса революционного—в класс консервативный. Соответственно и ее экономическая

теория вырождается в вульгарную экономику, а затем в историзм. Последний уже является выражением старчества буржуазной мысли, полного ее бесплодия. Теория исторической школы есть в сущности теория отчаяния, теория, если можно так выразиться, отрицавшая возможность и необходимость экономической теории. Чем же, как не бесплодием, можно объяснить господство исторической школы? В области теории денег эта эпоха характеризуется господством так называемой теории металлистов, ярким представителем которой является Книс, в позднейшее время Лексис, Диль и др. В этой школе идеология товарного фетишизма, блестящую характеристику которой дал Маркс, достигла своего апогея.

В середине XIX столетия на мировую арену выдвигается новый класс, пролетариат, которому суждено преобразовать мир. Новый восходящий класс создает свою теорию, теорию марксизма. Буржуазия становится уже классом реакционным; обреченная на поражение. она становится в положение обороняющегося; историческая школа не годна для борющегося класса, даже обороняющегося; теории восходящего класса—пролетариата надо противопоставить свою теорию. Возникают различные субъективно-психологические теории, теории обороны нисходящего класса, реакционного с исторической точки зрения. Если теория классиков была теорией буржуазии творческой, себя утверждающей, то новые теории являются уже теориями класса, становящегося паразитическим—теориями рантье. В области теории денег вновь всплывают, в новой обстановке, старые направления: номинализм и квантитативная теория. Наиболее яркими представителями первого являются Киани и его последователь Бендиксен, представителями второго—И. Фишер и Г. Кассель.

Если говорить об оригинальных направлениях в области теории денег, то, в сущности, можно ограничиться тремя вышеназванными: марксистской школой и двумя буржуазными—номинализмом и квантитативной теорией.

Мы не будем останавливаться на разборе этих основных направлений экономической мысли. В этом тем более нет необходимости, что в предлагаемом сборнике, рядом с отрывками из работ представителей буржуазных школ, приводятся по возможности и отрывки из работ их критиков.

Одно только следует подчеркнуть. Любое проявление экономической жизни находит различную трактовку в пролетарской науке (марксизме) и науке буржуазной. Какую бы экономическую категорию мы ни взяли, приходится резко противопоставить точку зрения марксистской политической экономии точке зрения политической экономии буржуазии. Но особенно резко это противопоставление приходится подчеркнуть в теории денег.

Больше того. Если по многим другим экономическим проблемам возможен все же спор и спор, так сказать, „по существу“ между марксистами и их противниками, то в общей теории денег такой спор бывает и труден и большей частью

даже невозможен. Дело не только в том, что обе стороны неодинаково разрешают денежную проблему, приходят к различным выводам, прибегают к различной аргументации. Теории тех и других просто несопоставимы. Без преувеличения можно сказать, что в проблеме денег язык марксистской и буржуазной школы совершенно различен. Различно само понимание существа денег, различен подход к проблеме, различен метод разрешения, различен способ изучения.

Дело не только в исторической, социологической, объективной постановке вопроса, свойственной марксистской школе.

По крайней мере, некоторым представителям буржуазной политической экономии также иногда свойственна историческая, объективная точка зрения; не всем также чуждо понимание общественного содержания категории денег. Самое существенное заключается в том, что вся без исключения буржуазная политическая экономия в конце-концов сбивается на рассмотрение денег, как категории вещно-технической; марксистская же школа рассматривает деньги как вещное выражение общественных отношений. „Деньги не вещь, но общественное отношение".

Теория товарного фетишизма является базой экономической теории Маркса. Эта теория особенно важна при изучении денег; без нее ничего абсолютно не понять в проблеме денег. Кто не усвоил идей Маркса о товарном фетишизме, тому остается недоступной его теория денег, а надо сказать, что даже для лучших, наиболее талантливых, представителей буржуазной экономической науки идеи, развитые Марксом о товарном фетишизме, остаются непонятыми, недоступными.

Только полным непониманием, вернее неспособностью понять идеи Маркса, можно объяснить постоянные и многочисленные попытки уложить теорию Маркса в прокрустово ложе классификации буржуазных учений. А некоторые ученые „умники" договариваются даже до того, что объявляют теорию Маркса эклектической. Маркса не уложить в общую классификацию денежных теорий. Его теорию надо поставить особо, в противопоставление всей буржуазной науке.

Настоящий сборник построен на выделении Марксовой теории. Первая глава посвящена изложению теории Маркса. Вторая глава дает представление об уклонах в марксистской же школе, об учении Гильфердинга; здесь же приводится и критика его учения, данная Каутским. Глава третья посвящена квантитативной теории; глава четвертая—номинализму. И, наконец, глава шестая—теории металлистов. Глава пятая дает представление о так называемой функциональной теории Гельффериха, в седьмой—приводится статья—рецензия Гильфердинга о субъективной теории денег. Таким образом сборник дает первоначальную ориентировку в общей проблеме денег.

И. Трахтенберг.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К. Маркс

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ[1]

Товары не могут сами отправляться на рынок и обмени- I—53
ваться между собой. Мы должны, следовательно, обратиться к их хранителям, к товаровладельцам.

Для товаровладельца товар не представляет непосредст- I—54
венной потребительной стоимости. Иначе он не вынес бы его на рынок. Он имеет потребительную стоимость для других. Для владельца вся его непосредственная потребительная стоимость заключается в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена.[2] Поэтому вла- I—55
делец стремится отчуждать свой товар в обмен на другие, в потребительной стоимости которых он нуждается. Все товары не имеют потребительной стоимости для всех владельцев и представляют потребительную стоимость для своих невладельцев. Поэтому они должны постоянно перемещаться из рук в руки. Этот переход из рук в руки и представляет их обмен.

Первая предпосылка, необходимая для того, чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится к тому, что данный предмет утрачивает свою потребительную стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца. При наличности этого условия, желающие произвести обмен должны только молчаливо относиться друг к другу, как к частным собственникам отчуждаемых предметов. Однако, такое отно- I—57
шение не существует между членами естественно выросшей общины, будет ли это патриархальная семья, старо-индийская община, государство инков и т. д. Обмен товаров возникает там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи

[1] Капитал т. I., гл. 2 и 3. Цифры сбоку обозначают: первые—том, вторые—страницу. В основу настоящего очерка положены сокращения Борхардта, ср. Борхардт—„Капитал К. Маркса“, изд. „Моск. Рабочий“.

[2] „Ибо двояко употребление каждого блага.—Первое присуще вещи, как таковой, второе—нет. Так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое—потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо, в чем он нуждается, напр., на пищу, пользуется сандалией, как сандалией. Но это не есть ее естественный способ употребления, ибо она существует не для обмена“ (Аристотель „Республика“, кн. I, гл. 9).

превратились в товары для внешних отношений, такое же превращение совершается путем обратного действия и для внутренней жизни общины. Количественная сторона меновых отношений вначале совершенно случайна. Между тем потребность в чужих предметах потребления мало-по-малу укрепляется. Постоянное повторение процесса обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени, по крайней мере, часть продуктов начинает производиться преднамеренно для обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещей для непосредственного потребления и полезностью их для обмена. Их потребительная стоимость отделяется от меновой. С другой стороны, количественное отношение, в котором обмениваются вещи, становится зависимым от самаго их производства. Обычай фиксирует эти отношения, как величины стоимости.

I—55 Каждый товаровладелец хочет обменять свой товар лишь на такие товары, потребительная стоимость которых удовлетворяет его потребности. Однако, он хочет реализовать свой товар в любом из других товаров той же стоимости, независимо от того, имеет ли его собственный товар потребительную стоимость для владельцев других товаров или нет. Это было бы невозможно, потому что другие владельцы товаров никогда не согласились бы принять в обмен товар, для потребительной стоимости которого они не имеют никакого применения. Если вообще становится обычным явлением обменивать товары, то требуется такой товар, который имел бы потребительную стоимость не только для того или другого товаровладельца, — товар, который представлял бы возможность обменивать на него любой товар; другими словами, требуется всеобщее средство обмена.

I—58 Задача эта возникает одновременно со средствами ее разрешения. Как только устанавливаются меновые отношения, при которых владельцы товаров обменивают свои собственные продукты на различные другие и приравнивают их друг к другу, то постепенно входит в обыкновение, что различные товары различных товаровладельцев обмениваются на один и тот же третий товар и приравниваются ему, как стоимости. Такой третий товар, становясь меновым средством для различных других товаров, непосредственно приобретает, хотя и в узких пределах, характер всеобщего (или общественного) эквивалента. Последний появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным соприкосновением (контактом), который вызвал его к жизни. Попеременно эта роль выпадает на долю то одного, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно и исключительно срастается лишь с определенными видами товаров, т. е. кристаллизуется в денежную форму. Товар, кото-

рый принимается и применяется всеми товаровладельцами, как эквивалент для всех их различных товаров—есть деньги. С каким именно видом товара этот характер эквивалента раньше всего срастается, вначале чисто случайно. Однако, в общем и целом два обстоятельства здесь играют решающую роль. Денежная форма срастается или с наиболее важными предметами ввоза, или же с предметом потребления, представляющим главный элемент туземного отчуждаемого имущества, каков, напр. скот. Кочевые народы первые развивают у себя денежную форму, потому что все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как их образ жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами, и тем поощряет обмен продуктов. Люди нередко превращали самого человека, в образе раба, в первоначальный денежный материал, но никогда этим материалом не была земля. Такая идея могла возникнуть только в буржуазном обществе, достигшем уже значительного развития. Она появилась лишь в последнюю треть 17-го века, а попытка ее осуществления в национальном масштабе была сделана впервые сто лет спустя во время буржуазной французской революции.

По мере того, как обмен товаров разрывает свои локальные границы и вместе с тем товарная стоимость вырастает в материализацию (воплощение) человеческого труда вообще, денежная форма переходит на товары, которые по своей особенной природе пригодны для выполнения функции всеобщего эквивалента, а именно на благородные металлы. Для того, чтобы деньги могли замещать другой товар в любом количестве и чтобы они поэтому могли представлять любую меновую стоимость, для этого требуется лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством. С другой стороны, так как различие I—59
стоимости по величине носит чисто количественный характер,— денежный товар должен быть по произволу делим на мелкие части и вновь составляем из этих частей. Золото и серебро от природы обладают этими качествами.

Если мы знаем только, что золото — деньги, т. е. непо- I—61
средственно обмениваемо на все другие товары, то мы еще отнюдь не знаем, какую стоимость представляет, напр., 10 ф. золота. Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей стоимости лишь относительно, в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, небходимым для его производства и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько-же рабочего времени. Такое установление I—62
относительной величины стоимости золота совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле.

Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана.

Уже в самом простом выражении стоимости: x товара A = y товара B, та вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает, повидимому, своей эквивалентной формой независимо от этого отношения, обладает ею как некоторым от природы присущим ей общественным свойством. Возникающая отсюда иллюзия достигает наивысшего развития, когда форма всеобщего эквивалента срастается с естественной формой определенного товарного вида, или откристаллизовывается в денежную форму. При этом создается впечатление, что не данный товар становится деньгами, потому что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, эти последние выражают в нем свои стоимости, потому что он—деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого его содействия товары находят воплощение своей стоимости как нечто готовое, как существующее вне их и наряду с ними особое товарное тело. Данные вещи—золото и серебро—в том самом виде, как они выходят из недр земных, оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда. Отсюда магический характер денег. Чисто атомистические отношения между людьми в их общественно-производственном процессе приводят прежде всего к тому, что их собственные производственные отношения, стоящие вне их контроля и их сознательной индивидуальной деятельности, принимают вещный характер, вследствие чего все продукты их труда принимают форму товаров. Таким образом, загадка денежного фетиша есть загадка товарного фетиша вообще; в деньгах она лишь сильнее бросается в глаза, слепит взор своим металлическим блеском.

I—63 В этой работе я для простоты везде предполагаю, что денежным товаром является только золото.

Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения стоимости, т. е. чтобы выразить стоимости товаров, как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. Оно функционирует, таким образом, как всеобщая мера стоимостей, сначала только благодаря этой функции золото делается деньгами.

Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что товары, как стоимости сами по себе соизмеримы,—являясь, как стоимости ничем иным, как овеществленным человеческим трудом,—именно поэтому они и могут измерять свои стоимости одним и тем же товаром, превращая, таким образом, этот последний в общую меру своих стоимостей, т. е. в деньги.

I—64 Выражение стоимости товара в золоте есть денежная форма товара или его *цена*. Теперь достаточно одного урав-

нения, напр.: 1 тонна железа=2 унцам золота, чтобы представить стоимость железа в общественно-значимой форме, это значит, чтобы представить стоимость железа по отношению ко всем другим товарам, потому что стоимость всех других товаров также представлена в золоте. Но зато деньги не имеют цены; иначе они должны были бы выразить свою стоимость в самих себе.

Цена или денежная форма товаров, как и всякая форма их стоимости, есть нечто отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесности, следовательно, лишь идеальная, лишь существующая в представлении форма. Стоимость железа, холста, пшеницы и т. д. существует, хотя и невидимо, в самих этих вещах; она выражается в их равенстве с золотом. Стоимость, т. е. количество человеческаго труда, I—65
содержащегося, напр., в одной тонне железа,—выражается в мысленно представляемом количестве золота, содержащем столько же труда.

Товары, цены которых определены, все принимают такую I—66
форму: а товара А=х золота; в товара В=у золота; с товара С=z и т. д. где а, в, с представляют определенные массы товарных видов А. В. С., а х, у, z—определенные массы золота. Товарные стоимости превратились, таким образом, в мысленно представляемые количества золота различной величины, т. е. несмотря на пестрое разнообразие своих товарных тел, превратились в величины одноименные, в величины золота. Как такие различные количества золота, они сравниваются между собой и соизмеряются друг с другом, причем возникает техническая необходимость сводить их к какому-либо фиксированному количеству золота, как единице измерения. Сама эта единица измерения путем дальнейшего деления на кратные части развертывается в масштаб.

Как мера стоимостей и как масштаб цен, деньги выпол- I—67
няют две совершенно различные функции. Мерой стоимостей они являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен—как фиксированный вес металла. Как мера стоимости, они служат для того, чтобы превращать стоимости безконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен, они измеряют эти количества золота. Мерой стоимостей измеряются товары, как стоимости; напротив, масштаб цен измеряет различные количества золота данным его количеством, а не стоимость данного количества золота весом других его количеств. Для масштаба цен определенный вес золота должен быть фиксирован как единица измерения. Здесь, как и при всяком другом измерении одноименных величин, решающее значение имеет устойчивость единицы измерения. Следовательно, масштаб цен выполняет свою функцию тем лучше, чем неизменнее одно и то же количество золота служит еди-

ницей измерения. Мерой стоимостей золото может служить лишь потому, что оно само представляет продукт труда, следовательно, стоимость потенциально переменную.

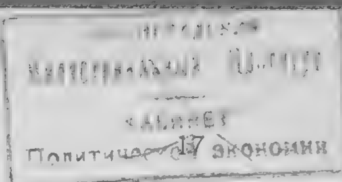
Очевидно, прежде всего, что изменение стоимости золота никоим образом не может помешать его функции в качестве масштаба цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, стоимости определенных количеств его сохраняют между собой одно и то же отношение. Если бы стоимость золота упала даже на 1000%, 12 унций золота попрежнему обладали бы в двенадцать раз большей стоимостью, чем один унц золота, а при определении цен дело идет лишь об отношениях различных количеств золота друг к другу. Так как с другой стороны при понижении или повышении стоимости золота вес одного унца его остается неизменным, то остаются неизменными и отдельные части унца; следовательно, золото как фиксированный масштаб цен всегда оказывает одни и те же услуги, как бы ни изменялась его стоимость.

I Изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому, при прочих равных условиях, не изменяет их взаимных относительных стоимостей, несмотря на то, что эти последние выражаются то в более низких, то в более высоких золотых ценах, чем выражались раньше.

I—75 Последуем теперь за каким либо товаровладельцем, ткачем холста, напр., на арену менового процесса, на товарный рынок. Товар его, 20 арш. холста, имеет свою цену, скажем 2 ф. ст. Он обменивает его на 2 ф. ст. и, как человек старого закала, снова обменивает эти 2 ф. ст. на семейную библию той же цены. Холст, который для него только товар, носитель стоимости, отчуждается в обмен на золото, воплощение его стоимости, и из этой формы воплощения снова превращается в другой товар, в библию, которая, однако, направится в дом ткача уже в качестве предмета потребления и будет удовлетворять там потребность в душеспасительном чтении.

Процесс обмена товара осуществляется, таким образом, в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфоз (превращений):—превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар. Для товаровладельца это представляет два акта: продажу и покупку, а единство этих двух актов это—продажа ради покупки.

Если ткач обратит свое внимание лишь на конечный результат торговли, то окажется, что он обладает вместо холста библией, вместо первоначального товара другим товаром той же стоимости, но иной полезности. Аналогичным же путем он присвояет себе и все другие необходимые ему средства существования и средства производства. С его точки зрения весь процесс лишь обслуживает обмен продукта его труда на продукт чужого труда.

Итак, процесс обмена товара совершается в виде сле- I—76
дующего превращения формы:

Товар — деньги — товар
Т — Д — Т

Со стороны своего материального содержания это движение представляет Т—Т, обмен товара на товар, обмен веществ общественного труда, в конечном результате которого погашается и самый процесс.

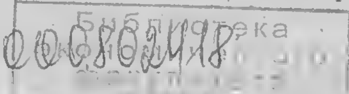
Деньги, служащие для покупки товара, добыты раньше
продажей другого товара. Допустим, что те два золотых, за I—79
которые наш ткач отдал свой товар, представляют превращенную форму квартера пшеницы. Продажа холста, Т—Д, есть в то же время купля его, Д—Т. Но продажа холста есть начало процесса, заканчивающегося противоположностью этого акта—куплей библии. Наоборот, рассматриваемый, как купля холста, тот же процесс заканчивает этим актом свое движение, начавшееся с его противоположности, с продажи пшеницы, Т—Д (холст—деньги), эта первая фаза процесса Т—Д—Т (холст—деньги—библия) есть в то же время Д—Т (деньги — холст), т. е. последняя фаза другого процесса
Т — Д — Т (пшеница—деньги—холст). Превращение товара I—80
в деньги всегда является в то же время противоположным превращением какого либо другого товара из денежной формы в товар. [1]

То же самое и в другом направлении. С точки зрения нашего ткача жизненный путь его товара заканчивается библией, в которую он превратил свои 2 ф. ст. Но продавец библии превращает полученные от ткача 2 ф. ст. в водку. Д — Т — заключительная фаза процесса Т — Д — Т (холст—деньги—библия) есть в то же самое время Т—Д первая фаза Т—Д—Т (библия—деньги—водка). Так как производитель товара доставляет на рынок лишь односторонний продукт, он продает его обыкновенно значительными массами; между тем его разносторонние потребности заставляют его постоянно раздроблять реализованную денежную сумму между многочисленными покупками. Продажа приводит, таким образом, ко многим актам купли различных товаров. Итак, заключительный метаморфоз (превращение) одного товара образует сумму первых метаморфоз других товаров.

Таким образом, кругооборот, описываемый каждым то- I—82
варом—продажей его и следующей затем покупкой других товаров,—неразрывно сплетается с кругооборотом других

---

[1] Исключение составляет, как уже было упомянуто, производитель золота или серебра, который обменивает свой продукт в первый же раз, как непосредственный продукт труда, без предварительной продажи его.

товаров. Процесс в целом представляет **обращение товаров**.

Товарное обращение не только формально, но и по существу отлично от непосредственного обмена продуктами. В самом деле, присмотримся к описанному только что процессу. Ткач несомненно обменял холст на библию, собственный товар на чужой. Но это явление, как таковое, существует только для него самого. Продавец библии, предпочитающий горячительный напиток холодной святости, вовсе не думал о том, что на его библию обменивается холст. Равным образом, ткач совершенно не подозревает, что на его холст обменена пшеница и т. д. Товар лица Б замещает товар лица А, но А и Б не обмениваются взаимно своими товарами. С одной стороны, мы видим здесь, как обмен товаров разрывает индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами и развивает обмен веществ человеческого труда вообще. С другой стороны, здесь развивается сложный клу-
I бок общественных связей, которые находятся вне контроля действующих лиц. Ткач может продать свой холст лишь потому, что крестьянин уже продал свою пшеницу; любитель водки может продать свою библию лишь потому, что ткач продал холст; водочный заводчик может продать свой живительный напиток лишь потому, что другой продал напиток живота вечного и т. д.

I—83 Вследствие этого процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости обменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают, вследствие того, что они, в конце концов, выпадают из ряда превращений данного товара. Они все снова и снова осаждаются в тех пунктах обращения, которые освобождаются тем или иным товаром. Благодаря заме-
I щению одного товара другим к рукам третьего лица прилипает денежный товар. Обращение непрерывно источает из себя денежный пот.

I—84 Как посредник в процессе обращения товаров, деньги выполняют функцию **средства обращения**.

Изменение формы, при помощи которого совершается обмен веществ между продуктами труда (Т—Д—Т) представляет кругооборот, так как он предполагает, что одна и та же стоимость, образуя в качестве товара исходный пункт процесса, снова возвращается к этой точке в виде товара. Движение же денег, наоборот, не представляет кругооборота и таковым быть не может. Деньги все удаляются от своего
I—85 исходного пункта и к нему не возвращаются. До тех пор, пока товар в руках продавца сохраняет свою первоначальную форму, форму денег,—товар этот осуществил лишь первую половину своего обращения. Когда процесс—продажа ради купли—закончен, то деньги уже удалились из рук своего

первоначального владельца. Правда, если ткач, купив библию, снова продаст холст, то и деньги опять вернутся в его руки. Но они вернутся не вследствие обращения первых 20 аршин холста, которое, наоборот, удалило их из рук ткача в руки продавца библии. Они могут вернуться лишь благодаря обращению нового товара, которое заканчивается тем же результатом, что и первое. Следовательно, форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет постоянное удаление их от исходной точки, переход из рук одного товаровладельца в руки другого,— или их обращение. Тот факт, что эта односторонняя форма движения денег возникает из двусторонней формы движения товара, остается замаскированным. Самая природа товарного обращения создает как раз противоположную картину. Первый метаморфоз превращения товара (Т—Д) представляется не только, как движение денег, но и как собственное движение самого товара; наоборот, второе превращение (Д — Т) представляется лишь движением денег. В первой половине своего обращения товар меняется местом с деньгами. Вместе с тем его потребительная плоть выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления. (Даже в том случае, I—86
если товар все снова и снова продается,—то все же с момента своей окончательной продажи, он переходит из сферы обращения в сферу потребления). Место потребительной плоти занимает плоть стоимости или денежная куколка. Вторую половину обращения товар пробегает уже не в своем натуральном виде, а в своем золотом облачении. Таким образом, движение является непрерывным только с точки зрения денег; то же самое движение, которое для товара распадается на два противоположных процесса,—есть один, всегда неизменный процесс, если его рассматривать, как собственное движение денег, а именно процесс, в котором деньги меняются местами все с новыми и новыми товарами. Результат товарного обращения, замещение одного товара другим, создается, таким образом, не только изменением его собственной формы, но и функцией денег. Получается впечатление, что товары сами по себе—неподвижны, а что они приводятся в движение деньгами, и при том всегда в направлении, противоположном их собственному. Хотя движение денег лишь выражает собой движение товаров, с внешней стороны обращение товаров кажется, наоборот, лишь результатом движения денег.

Каждый товар при первом своем шаге в процессе обра- I—87
щения, при первой же смене формы, выпадает из сферы обращения, в которую на его место вступает новый товар. Наоборот, деньги, как средство обращения, постоянно пребывают в сфере обращения, постоянно рыщут в ней. Отсюда возникает вопрос, сколько денег требуется постоянно для обращения?

2*

В каждой стране ежедневно совершаются многочисленные
одновременные превращения товаров. Так как рассмотренное
здесь обращение товаров всегда вещественно противопоста-
вляет друг другу товары и деньги,—то масса средств обра-
щения (денег), необходимых для одновременного обращения
товаров, уже определена суммой цен последних. (Если по ка-
ким либо причинам стоимость золота меняется, то следствием
этого является изменение цен,—и отсюда также массы тре-
I—88 бующихся для обращения денег).Одностороннее наблюдение
фактов, следовавших за открытием новых месторождений зо-
лота и серебра, привело в 17 и особенно в 18 веке, к лож-
ному заключению, что товарные цены возросли, потому что
большее количество золота и серебра стало функционировать
в качестве средства обращения. На самом же деле понизи-
лась стоимость золота и серебра, благодаря более легкому
добыванию их, вследствие чего и возросли цены товаров, ко-
I- торые и потребовали больших масс денег для своего обра-
щения. В дальнейшем мы будем принимать стоимость денег
за величину данную.

Если мы допустим далее, что дана цена каждого товар-
ного вида, то сумма цен товаров, очевидно, будет зависеть от
количества товаров, находящихся в обращении. Не требуется
особенно ломать голову, чтобы понять, что раз 1 квартер
пшеницы стоит 2 ф. ст., то 100 квартеров стоят 200 ф. ст.,
200 кварт. 400 ф. ст. и т. д., следовательно, с массой пше-
ницы должна возрастать и масса тех денег, которые при ее
продаже обмениваются с ней местами.

Итак, если мы предположим, что масса товаров дана, то
масса находящихся в обращении денег будет увеличиваться
и уменьшаться вместе с колебаниями товарных цен. Она рас-
тет и падает в зависимости от того, повышается или пони-
I· жается сумма цен товаров при изменении величины цен.
Отражает ли изменение цен товаров действительное измене-
ние стоимости их, или представляет просто колебания рыноч-
ных цен,—влияние этого на массу средств обращения в обоих
случаях одинаково.

Это относится к одновременному обращению. Иначе
обстоит дело с обращениями, следующими друг за другом.

Если четыре различных товара, напр. 10 пудов пшеницы,
20 арш. холста, библия и 2 ведра водки стоят по 2 ф. ст.
каждый, и все продаются одновременно, то для этого тре-
буется 8 ф. ст. денег. Если же эти продажи следуют одна
за другой, приблизительно, в знакомом уже нам ряде пре-
вращений: 10 пудов пшеницы—2 ф. ст., 20 арш. холста—
2 ф. ст., библия—2 ф. ст., 2 ведра водки—2 ф. ст., то одни
и те же 2 ф. ст. приводят в обращение все эти товары один
за другим, и требуется лишь $1/4$ той денежной массы, кото-
рая была необходима при единовременном обращении всех

этих товаров. Чем больше оборотов сделает та же сумма денег в данное время, т. е. чем скорей она обращается, тем I-90 меньше денег требует обращение товаров. Таким образом, масса денег, функционирующих в качестве средств обращения, равна сумме цен товаров деленной на число оборотов одноименных монет.

т. е. $$\frac{\text{Сумма цен товаров}}{\text{Число оборотов одноименных монет}} = \left\} \text{массе циркулирующих в качестве средства обращения денег.} \right.$$

Этот закон имеет всеобщее применение. I—91 Поэтому, с увеличением числа оборотов монет, уменьшается циркулирующая масса их и, наоборот, с уменьшением числа оборотов—увеличивается эта масса. Так как при данной средней быстроте обращения масса денег,—которые могут функционировать, как средство обращения,—дана, то стоит бросить в обращение определенное количество билетов, напр. однофунтового достоинства, чтобы извлечь из него ровно столько же золотых соверенов (монет в 1 ф. ст.) того же достоинства,—фокус, хорошо известный всем банкам.

Обращение денег вообще является, таким образом, отражением обращения товаров и находится в полной зависимости от него. Так же точно и скорость денежного обращения зависит от скорости обращения товаров, а не наоборот. В замедлении денежного обращения сказывается приостановка товарного обращения. Из обращения самого по себе, конечно, нельзя видеть, откуда возникла эта приостановка. Обыденное представление,—замечая, что с замедлением денежного оборота деньги начинают все реже появляться и исчезать во всех пунктах обращения,—естественно приходит к выводу, что самый этот факт объясняется недостаточным количеством средств обращения.[1]

Таким образом, общее количество денег, функционирую- I—92 щих в данный промежуток времени в качестве средств обращения, определяется, с одной стороны, суммой цен всех обращающихся товаров, а с другой стороны—более или менее быстрым потоком их обращения. Сумма цен товаров, в свою очередь, зависит как от массы, так и от цены каждого отдельного товарного вида. Эти три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег могут изменяться в различных направлениях и в различных

[1] Если, таким образом, приписывать приостановку производства и обращения недостатку денег есть—иллюзия, то из этого нисколько не следует, что действительный недостаток в средствах обращения,—вследствие, напр. официальных махинаций в области „регулирования средств обращения“,—не может с своей стороны вызвать застоя.

I—93 пропорциях. Поэтому, особенно при рассмотрении сравни-
тельно продолжительных периодов, масса денег, обращаю-
щаяся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо бо-
лее постоянный средний уровень и (за исключением пе-
риодов сильных потрясений, которые большей частью выте-
кают из кризисов) гораздо менее значительные отклонения
от этого уровня, чем можно было бы ожидать с первого
взгляда.

I—94 Иллюзия, — будто товарные цены определяются массой
средств обращения, а эта последняя, в свою очередь, опреде-
ляется массой находящегося в данной стране денежного ма-
териала,—коренится у ее представителей в той нелепой ги-
потезе, что товары входят в процесс обращения без цены,
а деньги без стоимости, и что в этом процессе известная
часть товарной мешанины обменивается на соответственную
часть металлической горы.

I—95 Из функции золота, как средства обращения, вытекает
его монетная форма. Весовая часть золота, идеально суще-
I—96 ствующая в цене товаров, должна противостать последним,
как одноименный кусок золота или монета. Следовательно,
золото в слитках и золотая монета различаются между собой
только по внешности, причем золото постоянно может быть
превращаемо из одной формы в другую. Путь, на который
вступает золото, выйдя из монетного двора, ведет его,
в конце концов, к плавильному тиглю. А именно: в обраще-
нии золотые монеты стираются—одна больше, другая—меньше.
Номинальная и реальная величина начинают мало-по-малу
расходиться. Одноименные золотые монеты приобретают раз-
личную стоимость, так как их вес стал различным. Вместе
с этим золото перестает быть действительным эквивалентом
товаров, цены которых оно реализует. Обращение приводит,
таким образом, к тому, что золотая сущность монеты пре-
I—97 вращается в золотую видимость, и монета становится лишь
символом ее официального содержания. Этим создается
возможность заместить металлические деньги — в их функ-
ции монеты—знаками из другого материала или симво-
лами. Роль серебряных и медных знаков в качестве заме-
стителей золотой монеты объясняется исторически, с одной
стороны, техническими трудностями чеканить совершенно
ничтожные весовые количества золота или серебра и, с дру-
гой стороны, тем обстоятельством, что низшие металлы
раньше высших—серебро раньше золота, медь раньше се-
ребра—служили мерой стоимости и, следовательно, уже об-
ращались в качестве денег в тот момент, когда более бла-
городный металл низверг их с трона. Они замещают золото
в тех областях товарного обращения, где монета циркули-
рует наиболее быстро,—а следовательно, наиболее быстро
снашивается,—т. е. там, где акты купли и продажи постоянно

возобновляются в самом мелком масштабе. Чтобы помешать этим спутникам золота утвердиться на месте самого золота, законом устанавливаются очень низкие размеры платежей, в границах которых их обязательно принимать взамен золота.

Металлическое содержание серебряных и медных знаков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются еще скорее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно независимой от их веса, т. е. от всякой стоимости. Монетное суще- I—98
ствование золота окончательно отделяется от субстанции его стоимости. Благодаря этому, вещи, не имеющие относительно никакой стоимости,—напр. бумажки,—получают возможность функционировать вместо него в качестве монеты. В металлических денежных знаках их символический характер еще более или менее скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью.

Мы имеем здесь в виду лишь государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Они вырастают непосредственно из металлического обращения. Наоборот, кредитные деньги предполагают условия, которых мы здесь еще совершенно не исследовали.

Бумажные знаки, на которых напечатаны их денежные названия, как напр., 1 ф. ст., 10 ф. ст. и т. д., бросаются в процесс обращения государством. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. Закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное I—99
ими золото. Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то спускаясь ниже известного среднего уровня. В каждой данной стране оно никогда не может опуститься ниже известного минимума, устанавливаемого опытом. То обстоятельство, что минимальная масса постоянно меняет свои составные части, т. е. составляется все из новых и новых золотых монет,—конечно, нисколько не влияет на ее размеры и на устойчивость ее функции в сфере обращения. Следовательно, она легко может быть замещена бумажными символами. Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их полного насыщения, то завтра вследствие каких нибудь колебаний в товарном обращении они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Если же бумажки превысили свою меру,—т. е.

то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы находиться в обращении,—то, не говоря уже об опасности их общего дискредитирования, они теперь представляют в товарном мире лишь то количество золота, которое вообще может быть ими представлено, т. е. количество, определяемое внутренними (имманентными) законами товарного мира.

крит. пол. к. 121—125

Количество бумажных денег определяется количеством золотых денег, которые они заменяют в обращении; а так как они являются знаками стоимости лишь постольку, поскольку заменяют золотые деньги, то стоимость бумажных денег определяется просто их собственным количеством. Следовательно, в то время, как количество золота, находящееся в обращении, зависит от цен товаров, ценность бумажек, находящихся в обращении, напротив, зависит исключительно от их собственного количества.

I-

Вмешательство государства, которое выпускает бумажные деньги с принудительным курсом,—а мы сейчас говорим только об этого рода бумажных деньгах,—повидимому, нарушает этот экономический закон. Государство, которое в цене монеты давало определенному весу золота только крестное имя, и которое при чеканке выбивало на золоте только свою печать, теперь, повидимому, делает, при помощи магической силы своей печати, из бумаги золото. Так как бумажные деньги имеют принудительный курс, то никто не может помешать государству втиснуть в обращение произвольное количество билетов, дав им произвольные монетные названия: 1 ф. ст., 5 ф. ст., 20 ф. ст. Билеты, раз попавшие в обращение, нет возможности выбросить из него, потому что пограничные столбы страны ограничивают их движение, и вне обращения они теряют всякую ценность,—как меновую, так и потребительную. Оторванные от своей функции, они превращаются в ничего не стоющие клочки бумаги. Однако,

I

в действительности это могущество государства только фикция. Оно может бросить в обращение произвольное количество бумажных денег с произвольными названиями, но вместе с этим механическим актом кончается его контроль. Захваченные обращением знаки ценности или бумажные деньги, попадают во власть законов, присущих обращению.

Если бы 14 миллионов ф. ст. были суммой необходимой для обращения товаров, а государство выпустило в обращение 210 миллионов билетов по 1 ф. ст., то эти 210 миллионов ф. ст., превратились бы в представителей золота на сумму 14 миллионов ф. ст. Вышло бы то же самое, как если бы государство 1-фунтовые билеты сделало представителями в 15 раз более дешевого металла или в 15 раз меньшего веса золота, чем прежде. Ничто не изменилось бы, кроме названия масштаба цен, которое, по самой природе

своей, условно, все равно, происходит ли его изменение прямым путем, от того, что изменится самый масштаб, или же косвенно—через увеличение количества бумажных денег в размере, требуемом новым, более низким масштабом. Так как название фунт стерлингов означало бы теперь в 15 раз меньшее количество золота, то все цены повысились бы в 15 раз и, таким образом, 210 мил. однофунтовых билетов были бы совершенно так же необходимы как раньше 14 мил. В том самом отношении, в котором увеличилась бы общая сумма знаков ценности, уменьшилось бы количество золота, представляемое каждым из них. Возрастание цен было бы только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки ценности тому количеству золота, вместо которого они обращаются.

Возрастание или падение товарных цен, с увеличением или уменьшением суммы бумажных денег—если последние составляют единственное орудие обращения—является, таким образом, только насильственным осуществлением в процессе обращения закона, механически нарушенного извне,—закона, в силу которого количество обращающегося золота определяется ценами товаров, а количество обращающихся знаков стоимости—количеством золотых монет, которое они заменяют в обращении. Поэтому, с другой стороны, какая угодно масса бумажных денег может быть поглощена и одинаково переварена процессом обращения, так как знак стоимости, независимо от того с каким золотым титулом он вступает в обращение, в сфере последнего сводится к знаку того количества золота, которое бы обращалось вместо него.

В обращении знаков стоимости все законы действительного обращения денег кажутся перевернутыми, поставленными на голов . Если золото обращается потому, что имеет стоимость, то бумага имеет стоимость потому, что она обращается. В то время, как при данной меновой стоимости товаров, количество обращающегося золота зависит от его собственной стоимости, стоимость бумаг зависит от их количества, находящегося в обращении. В то время, как количество обращающегося золота повышается или падает, с возрастанием или падением цен товаров, цены товаров возрастают или падают вместе с изменением количества бумажных знаков, находящихся в обращении. Тогда как обращение товаров может поглотить только определенное количество золотых монет, вследствие чего сокращение и расширение количества обращающихся денег, представляется необходимым законом, бумажные деньги, по-видимому, входят в обращение во всякой пропорции. Между тем, как государство портит золотую и серебряную монету и препятствует ее функции, как орудия обращения, если оно выпускает монету, хотя бы только на $^1/_{100}$ грана ниже ее номинального содержания, оно совершает вполне правильную

операцию, выпуская не имеющие стоимости бумажные знаки, у которых с металлом общего только их монетное имя. Если золотая монета, очевидно, представляет стоимость товаров лишь постольку, поскольку последняя сама выражена в золоте и представлена, как цена, знак стоимости, повидимому, непосредственно представляет стоимость товаров. Отсюда ясно, почему исследователи, изучившие явления денежного обращения односторонне, на обращении бумажных денег с принудительным курсом, не могли понять основных законов денежного обращения. В действительности, эти законы выступают в обращении знаков стоимости не только превратно, но и скрытно, так как бумажные деньги, выпущенные в соответственном количестве, совершают движения, которые не свойственны им, как знакам стоимости, между тем как свойственное им движение вместо того, чтобы вытекать непосредственно из метаморфозы товаров, происходит вследствие нарушения их нормального отношения к золоту.

I—102 Товарное обращение уже с самых первых зачатков своего развития вызывает к жизни необходимость и страстное стремление удержать у себя продукт продажи товара,—его золотую куколку. Товар продается не для того, чтобы купить другие товары, но для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью. Деньги окаменевают вместе с тем в виде сокровища,[1] и продавец товаров становится собирателем сокровищ.

Именно в начальный период обращения товаров—в деньги превращается лишь избыток потребительных стоимостей. Таким образом, золото и серебро сами собой становятся общественным выражением избытка или богатства.

I—103 При дальнейшем развитии товарного производства каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе—„нерв вещей“, известный „общественно признанный залог“. Его потребности непрерывно вновь и вновь заявляют о себе и непрерывно заставляют его покупать чужие товары, в то время, как производство и продажа его собственного товара стоит времени и зависит от случайностей. Чтобы купить, не продавая, он должен сначала продать не покупая. Таким образом, во всех пунктах обращения накопляются золотые и серебряные сокровища самых различных размеров. Вместе с возможностью удерживать товар, как меновую стоимость, или меновую стоимость, как товар,—пробуждается жажда денег. С расширением товарного обращения растет власть денег. Для вар-
I—105 варски примитивного товаровладельца, даже напр., для западно-европейского крестьянина, стоимость неотделима от

[1] Тезаврируются.

формы стоимости, отсюда накопление сокровищ в форме золота и серебра совпадает для него с накоплением стоимости.

Чтобы удержать у себя золото, как деньги, надо воспре- I—106
пятствовать его обращению, его растворению, как покупательного средства в средствах потребления. Следовательно, созидатель сокровища приносит потребности своей плоти в жертву золотому фетишу.[1] Он берет в серьез евангелие отречения. Но, с другой стороны, он может извлечь из обращения в виде денег лишь то, что он дает обращению в виде товара. Чем больше он производит, тем больше он может продать. Трудолюбие, бережливость и скупость—вот, следовательно, его основные добродетели. Много продавать, мало покупать—в этом вся его экономическая мудрость.

Наряду с непосредственной формой сокровища развивается его эстетическая форма,—обладание золотыми и серебряными товарами, как предметами роскоши. Последнее растет вместе с ростом богатства буржуазного общества. Таким образом, с одной стороны, возникает все более и более расширяющийся рынок для золота и серебра, независимо от их денежных функций, с другой стороны—скрытый источник предложения денег, функционирующий особенно сильно в периоды общественных бурь.

Созидание сокровищ выполняет различные функции. Его ближайшая функция следующая: мы уже видели, что постоянные колебания размеров товарного обращения, цен и быстроты его—связаны с непрерывными приливами и отливами находящейся в обращении массы золота. Следовательно, последняя должна обладать способностью к расширению и сокращению. Порою деньги должны притягиваться как монета и вступать в обращение, порою монета должна отталкиваться как деньги и покидать сферу обращения.

Для того, чтобы циркулирующая денежная масса наполняла всегда сферу обращения до надлежащей насыщенности,—количество золота, находящегося в данной стране, должно превышать часть золота, исполняющую функцию монеты. Это условие выполняется, благодаря превращению денег в сокровища. Резервуары, в которых деньги накопляются как сокро- I—107
вища, служат в то же время отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег, которые благодаря этому никогда не переполняют каналов самого обращения.

С развитием товарного обращения развиваются условия, при которых отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены. Здесь достаточно будет отметить лишь наиболее элементарные из этих условий. Один вид товаров требует более долгого, другой более короткого времени для

[1] Кумиру, идолу.

своего производства. Производство различных товаров связано с различными временами года. Один товар рождается у самого своего рынка, другой должен совершить путешествие на отдаленный рынок. Поэтому один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя. При частом повторении одних и тех же сделок между одними и теми же лицами условия продажи товаров регулируются условиями их производства. С другой стороны, пользование известным видом товаров, напр., домом, может быть продано на известный промежуток времени. В таких случаях лишь по истечении этого срока покупатель данной потребительной стоимости может фактически получить
I—108 ее в свое распоряжение. Он покупает поэтому товар раньше, чем оплачивает его. Продавец становится кредитором, покупатель должником. Таким образом, деньги получают еще одну функцию. Они становятся *платежным средством*.

Отношение между кредитором и должником возникает здесь из простого товарного обращения. Его формальное изменение накладывает эту новую печать на продавца и покупателя. Следовательно, первоначально это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же лицами роли, как и роли продавца и покупателя. Однако, их противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер. Но те же самые отношения могут возникнуть и независимо от товарного обращения. Так, напр., в античном мире классовая борьба разыгрывается преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором, и в Риме кончается гибелью должника—плебея, на место которого становится раб. В средние века та же борьба оканчивается гибелью должника—феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса.

Однако, денежная форма лишь отражает в себе противоречие (антагонизм) глубже лежащих экономических условий жизни.

Но возвратимся к области товарного обращения. Одновременное появление эквивалентов,—товара и денег, прекратилось. Деньги функционируют теперь, во 1-х, как мера стоимости при определении цены продаваемого товара. Установленная цена последнего измеряет собою обязательство покупателя, т. е. ту денежную сумму, которую он должен уплатить к определенному сроку. Во 2-х, деньги функциони-
I—109 руют, как идеальное покупательное средство. Хотя они существуют лишь в виде денежного обязательства покупателя, они осуществляют переход товара из рук в руки. Только по наступлении срока платежа, платежное средство действительно вступает в обращение, т. е. переходит из рук покупателя в руки продавца. Средство платежа вступает в процесс обра-

щения, но лишь после того, как товар уже выступил из него. Деньги не являются более посредником в процессе. Они самостоятельно завершают его.

Продавец превратил товар в деньги, чтобы удовлетворить при помощи последних какую нибудь потребность; созидатель сокровищ—чтобы консервировать товар в денежной форме, должник—покупатель,—чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже. Следовательно, превращение товара в образ его стоимости, в деньги, становится теперь общественной необходимостью, вынуждаемой у товаропроизводителя независимо от его потребностей и его личных склонностей.

За каждый данный период процесса обращения—обяза- I—110
тельства, по которым наступает срок платежа, представляют сумму цен тех товаров, продажа которых вызвала к жизни эти обязательства, масса денег, необходимая для реализации такой суммы цен, зависит прежде всего от быстроты обращения средств платежа. Она определяется двумя обстоятельствами: взаимной связью между должником и заимодавцем, так что А, напр., получая деньги от своего должника Б, уплачивает их своему кредитору В и т. д.—и продолжительностью промежутков между различными сроками платежа. Цепь платежей существенно отличается от ранее рассмотренного сплетения покупок и продаж. В движении средств обращения не только выражается связь между продавцами и покупателями; самая связь эта возникает лишь в денежном обращении и вместе с ним. Напротив, обращение средств платежа выражает собой известную общественную связь, существовавшую в готовом виде еще до обращения денег.

Наряду с концентрацией платежей в одном и том же месте естественно развиваются особые учреждения и способы для их взаимного погашения. Такую роль играли, напр., virements (обоюдные зачеты) в средневековом Лионе. Стоит только сопоставить между собой долговые обязательства А на Б, Б на В, В на А, чтобы они в известных пределах могли взаимно быть погашены. Выплатить пришлось бы остающийся после таковой операции „баланс“ долгов (излишек долгов). Чем обширнее концентрация платежей, тем относительно меньше баланс, тем меньше, следовательно, масса обращающихся средств платежа.

Если мы теперь рассмотрим общую сумму денег, находя- I—112
щихся в обращении в течение известного промежутка времени, то окажется, что она при данной скорости обращения равна:

Сумме подлежащих реализации товарных цен
плюс сумма подлежащих погашению платежей
минус взаимно уравновешивающиеся платежи
минус число оборотов той же монеты, функционирующей, как средство обращения и как платежное средство.

Напр., крестьянин продает хлеб за 2 ф. ст., которые, таким образом, служат средством обращения. С наступлением срока платежа он отдает эту сумму за холст, который доставил ему ткач. Те же самые 2 ф. ст. функционируют здесь, как платежное средство. Затем ткач покупает библию на наличные деньги,—опять они функционируют, как средство обращения и т. д. Таким образом, масса денег, находящихся в обращении в течение известного периода, напр., одного дня, не совпадает уже с массой обращающихся товаров. Обращаются деньги, представляющие такие товары, которые давно уже извлечены из процесса обращения. Обращаются товары, денежный эквивалент которых появится лишь впоследствии. С другой стороны, ежедневно заключаемые и ежедневно погашаемые обязательства представляют совершенно несоизмеримые величины.

I—113 Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег, как платежного средства, причем долговые расписки за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое. С другой стороны, функция денег, как платежного средства, расширяется параллельно с расширением кредита.

Развитие функции денег, как платежного средства, вызы-
I—115 вает необходимость накоплять деньги перед сроками уплат. В то время, как собирание сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает вместе с развитием буржуазного общества,—оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда платежных средств.

К. Маркс

ЗАКОНЫ ОБРАЩЕНИЯ БАНКНОТ[1]

Подобно тому, как взаимные авансирования производителей и купцов друг другу образуют собственно основание кредита, так и орудие их обращения, вексель, образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим основанием не денежное обращение металлических денег или государственных кредитных билетов, а вексельное обращение...

Банкнота есть ни что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель во всякое время может получить деньги, и которым банкир замещает частные векселя...

При рассмотрении простого денежного обращения („Капитал" книга I, гл. III. 2) было показано, что количество действительно обращающихся денег, предполагая быстроту обращения и степень экономии в платежах величинами данными, определяется ценами товаров и количеством сделок. Тот же самый закон имеет место и при обращении банкнот...

От произвола эмиссионных банков отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот, раз должен быть всегда обеспечен размен их на деньги. [О неразменных бумажных деньгах здесь вообще нет речи; неразменные банкноты лишь в том случае могут стать всеобщим средством обращения, если они фактически обеспечиваются государственным кредитом, как, например, в настоящее время в России. Они подпадают, таким образом, под власть указанных в „Капитале" (книга I, гл. III, 2 с: монета, знак стоимости) законов. управляющих движением неразменных государственных бумажных денег.—Ф. Энгельс].

Количество циркулирующих банкнот регулируется потребностями оборота и каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению...

Обращение банкнот, не завися от воли Английского банка, является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых банка, который обеспечивает размен этих банкнот...

Следовательно, влияние на количество обращающихся денег—банкнот и золота—оказывают лишь потребности самого торгового оборота. Здесь прежде всего следует отметить периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы

[1] См. Капитал III [2], 33 глава.

ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет „в определенный месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц стоит низко, в третий определенный месяц занимает среднее место“ (Newmarch, B. A. 1857, № 1650).

Так, каждый год в августе несколько миллионов, по большей части золотом, извлекаются из Английского банка и поглощаются обращением внутри страны; деньги эти идут на оплату издержек урожая; так как здесь на первом плане стоит выдача заработных плат, то в Англии банкноты в данном случае мало применимы. До окончания года эти деньги снова притекают затем в банк...

Обращение билетов Английского банка испытывает кроме того четыре раза в год преходящее колебание вследствие того, что каждую четверть года уплачиваются „дивиденды“, то есть проценты по государственному долгу; при этом банкноты сначала извлекаются из обращения, а потом снова выбрасываются в публику; но очень быстро они опять притекают в банк...

Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах средств обращения, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла...

В период затишья после кризиса размеры обращения всего меньше, с новым оживлением спроса наблюдается также увеличенная потребность в средствах обращения, и потребность эта возрастает вместе с ростом расцвета; высшей точки количество средств обращения достигает в период чрезмерного напряжения производства и чрезмерной спекуляции,—тогда разражается кризис и немедленно исчезают с рынка еще накануне столь обильные банкноты, исчезают вместе с ними дисконтеры векселей, заимодавцы под залог ценных бумаг, покупатели товаров...

Как только разражается кризис, дело идет лишь о платежных средствах. Но так как в поступлении этих платежных средств каждый зависит от других, и никто не знает, будут ли в состоянии другие уплатить в назначенный срок, то наступает всеобщая погоня за платежными средствами, находящимися на рынке, то есть за банкнотами. Каждый старается сберегать в виде сокровища все банкноты, которые ему удается получить, и, таким образом, банкноты исчезают из обращения в тот самый момент, когда потребность в них всего острее...

Независимое от фаз промышленного цикла расширение или сокращение обращения—притом осуществляющееся без изменения той общей суммы, которая требуется публикой,—имеет место лишь вследствие чисто технических причин, например, при наступлении срока уплаты налогов или процентов по государственному долгу. Когда уплачиваются налоги, банкноты и золото притекают в Английский (как и всякий эмиссионный)

банк в количестве, превышающем обычные размеры, и фактически сокращают обращение независимо от потребностей последнего. Обратное происходит, когда выплачиваются дивиденды по государственному долгу. В первом случае делаются займы в банке с целью добыть средства обращения. Во втором случае уровень процента в частных банках падает вследствие временного увеличения их резервов. Это не имеет никакого касательства к абсолютной сумме средств обращения; дело касается только банковой фирмы, которая фактически пускает эти средства в обращение; с точки зрения такой фирмы этот процесс представляет отчуждение ссудного капитала, следовательно, дает возможность положить в карман прибыль от этой операции.

В одном случае происходит просто временное перемещение обращающихся средств, и Английский банк уравновешивает его таким образом, что незадолго до срока платежа налогов или выдачи дивидендов за четверть года выдает краткосрочные ссуды по пониженному проценту; эти выброшенные, таким образом, в избытке банкноты сначала восполняют ту недостачу, которая получается вследствие уплаты налогов, а вслед затем их обратный приток, погашающий краткосрочные обязательства, уравновешивает тот избыток банкнот, который является результатом выдачи дивидендов публике.

В другом случае, низкий или высокий уровень обращения означает всегда лишь иное распределение той же самой массы средств обращения между активным обращением и вкладами, то есть орудием займов.

С другой стороны, если, например, благодаря притоку золота в Английский банк увеличивается число выданных за него банкнот, то эти последние облегчают учет вне банка и притекают назад в виде уплаты по займам, так что абсолютная масса банкнот, находящихся в обращении, увеличивается лишь на короткий срок.

Если обращение полно вследствие расширения дел (что возможно и при сравнительно низких ценах), то размер процента может стоять сравнительно высоко благодаря спросу на ссудный капитал, обусловленному растущей прибылью и открытием новых сфер приложения капитала. Если размеры обращения незначительны вследствие сокращения дел или вследствие большей текучести кредита, то размер процента может стоять низко даже и при высоких ценах (см. Hubbard)

Абсолютная величина обращения оказывает определяющее влияние на размер процента только в периоды угнетения. При этом спрос на расширенное обращение выражает собой или спрос на средства накопления сокровищ (мы оставляем в стороне уменьшение скорости, с которою обращаются

деньги и с которою один и тот же денежный знак снова и снова превращается в ссудный капитал), обнаруживающийся вследствие отсутствия кредита, как это было в 1847 году, когда приостановка банкового акта не вызвала расширения обращения, но оказалась достаточной для того, чтобы снова извлечь на свет божий накопленные в виде сокровища банкноты и бросить их в обращение, или же, при известных обстоятельствах, может потребоваться действительно бо́льшее количество средств обращения как в 1857 году, когда после приостановки банкового акта обращение на некоторое время действительно возросло.

В других случаях абсолютная величина обращения не влияет на размер процента, так как она—предполагая экономию и быстроту обращения постоянными—во-первых, сама определяется ценою товаров, количеством сделок (причем обыкновенно один из этих моментов парализует действие другого) и состоянием кредита, а отнюдь не определяет эти последние факторы; так как, во-вторых, цены товаров и размер процента не находятся ни в какой необходимой зависимости.

К. Маркс

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР УЧЕНИЙ О ДЕНЬГАХ[1]

В противоположность взглядам монетной и меркантильной системы, которые знают деньги только в форме кристаллического продукта обращения, классическая экономия понимала их в подвижной их форме, как созидающуюся внутри самой метаморфозы товара и опять исчезающую форму меновой стоимости. Если, следовательно, товарное обращение принимается исключительно в форме Т—Д—Т, а эта последняя исключительно, как последовательное единство продажи и покупки, то деньги определяются, как орудие обращения, в противоположность их форме как денег. Если же орудие обращения обособляется в своей функции, как монета, то оно превращается в знак стоимости. Так как, однако, для классической экономии металлическое обращение представлялось господствующей формой обращения вообще, то она понимала металлические деньги, как монету, а металлическую монету, как простой знак стоимости. Соответственно закону обращения знаков стоимости, устанавливается, таким образом, положение, что цены товаров зависят от количества обращающихся денег, а не наоборот—что количество обращающихся денег зависит от цен товаров. Мы находим этот взгляд более или менее ясно выраженным у итальянских экономистов XVII столетия; Локк то принимает его, то отвергает; далее мы находим его вполне развитым в Spectator'е (в № от 18 ноября 1711 года) и, наконец, у Монтескье и Юма. Так как на Юма можно вообще смотреть, как на самого значительного представителя этой теории в XVIII столетии, то с него мы и начнем наш обзор.

При некоторых предположениях кажется, будто увеличение или уменьшение количества находящихся в обращении металлических денег или находящихся в обращении знаков стоимости одинаково влияет на цены товаров. Если падает или поднимается стоимость золота или серебра, в которых меновые стоимости товаров определяются, как цены, то и цены возрастают или падают, потому что мерило их стоимости изменилось; и большее или меньшее ко

---

[1] „К критике политической экономии", 3 изд. русского перевода, Петроград, 1922 г. Здесь приведены только те учения, которые необходимы в связи с построением настоящего сборника. *Л. Э.*

личество серебра и золота обращается в виде монеты, потому что цены возросли или упали. Однако, видимое явление есть изменение цен, при неизменившейся стоимости товаров, вместе с возрастанием или уменьшением количества орудий обращения. Если, с другой стороны, количество обращающихся знаков стоимости поднимается над необходимым уровнем или падает ниже его, то оно насильственно приводится к нему падением или возрастанием цен товаров. В обоих случаях кажется, будто один и тот же результат был вызван одной и той же причиной,—и этого взгляда настойчиво держится Юм.

Всякое научное исследование отношения между количеством орудий обращения и движением цен товаров должно принять стоимость денежного материала за данную. Юм, напротив, рассматривает исключительно эпохи революции в стоимости самих благородных металлов, т. е. революции в мериле стоимости. Возрастание цен товаров одновременно с приливом металлических денег, со времени открытия американских рудников, составляет историческое основание его теории; равно как полемика с монетной и меркантильной системами указывает на ее практический мотив. Прилив благородных металлов, естественно, может увеличиться при неизменных издержках их производства. С другой стороны, уменьшение их стоимости, т. е. рабочего времени, необходимого для их производства, обнаруживается лишь путем увеличивающегося их привоза. Поэтому,— говорили позднейшие ученики Юма,— уменьшение стоимости благородных металлов проявляется в возрастании массы орудий обращения, и возрастание этой последней—в возрастании цен товаров. Однако, фактически возрастает цена только вывозных товаров, которые обмениваются на золото и серебро, как на товар, а не как на орудие обращения. Так возрастает цена тех товаров, которые оцениваются в золоте и серебре с упавшей стоимостью, в противоположность другим товарам, меновая стоимость которых и впредь оценивается в золоте или серебре, по масштабу их прежних издержек производства. Эта двоякая оценка товаров, естественно, может быть в одной и той же стране только временным явлением, и цены, выраженные в золоте или серебре, должны уравняться в пропорциях, определяемых самими меновыми стоимостями, так, чтобы, наконец, стоимости всех товаров были установлены соответственно новой стоимости денежного материала. Развитие этого процесса так же, как и способов, которыми меновая стоимость преодолевает колебания рыночных цен, не подлежит здесь рассмотрению. Новые критические исследования движения товарных цен в XVI ст. доказали блестящим образом, что уравнение в менее развитые эпохи буржуазного производства совершается, однако, очень постепенно и в продолжение длинных периодов, и что оно, во всяком случае, не прои

сходит одновременно с возрастанием количества обращающихся наличных денег. Совершенно неправильны излюбленные учениками Юма ссылки на возрастание цен в древнем Риме, вследствие завоевания Македонии, Египта и Малой Азии. Свойственные древнему миру быстрые и насильственные перенесения собранных денежных сокровищ из одной страны в другую, временное понижение издержек производства благородных металлов в какой-нибудь стране, вследствие простого грабежа, не касаются внутренних законов денежного обращения так же, как, например, даровая раздача египетского и сицилийского хлеба в Риме не касалась общего закона, который регулировал цены хлеба. Юму, как и всем другим писателям XVIII столетия, не доставало материала, необходимого для подробного анализа денежного обращения: во-первых, порядочной истории товарных цен, во-вторых, оффициальной текущей статистики увеличения и уменьшения орудий обращения, прилива и отлива благородных металлов и т. п., одним словом, материала, который появляется вообще лишь вместе с полным развитием банкового дела. Теория обращения Юма заключается в следующих положениях: 1) Цены товаров в данной стране определяются массой находящихся в ней денег (реальных или символических). 2) Деньги, обращающиеся в какой нибудь стране, представляют все находящиеся в ней товары; в том отношении, в каком возрастает количество представителей, т. е. денег, на каждого из них приходится больше или меньше предоставляемых вещей. 3) Если количество товаров увеличивается, то цена их падает, или возрастает стоимость денег. Если же увеличивается количество денег, то, обратно, цены товаров возрастают, а стоимость денег падает.

„Дороговизна всех вещей", говорит Юм, „вследствие излишка денег, вредна для всякой существующей торговли, так как позволяет более бедным странам взять верх над более богатыми на всех иностранных рынках. [1] Если мы будем рассматривать один народ независимо от других, то заметим, что большое или малое количество существующей монеты для счета или представительства товаров не оказывает ни хорошего, ни дурного влияния, совершенно так же, как не изменится баланс какого-нибудь купца, если он станет употреблять в своей бухгалтерии, вместо арабской системы исчисления, требующей мало цифр, римскую, которая требует их гораздо больше. Можно даже сказать, что большое количество денег, точно так же, как и римская система счисления, неудобно и требует больше труда как для их сохранения, так и для транспорта. [2] Чтобы вообще что-нибудь доказать, Юм должен был бы выяснить, что, при данной

[1] David Hume „Essays and treatises on sev. sub." Ed. Lond. 1777, v. I, p. 300.
[2] David Hume l. c. p. 303.

системе счетных знаков, количество употребляемых цифр не зависит от числовой величины, но что эта последняя, наоборот, зависит от количества употребляемых знаков. Совершенно справедливо, что определять или „считать" стоимости товаров в золоте или серебре упавшей стоимости не представляет никакой выгоды, и поэтому, вместе с возрастанием суммы стоимости обращающихся товаров, народы всегда находили более выгодным их оценивать в серебре, чем в меди, и в золоте, чем в серебре. По мере того, как богатство народов возрастало, металлы меньшей стоимости превращались в вспомогательную монету, и металлы большей стоимости— в деньги. С другой стороны, Юм забывает, что для исчисления стоимости в золоте или серебре, ни золото, ни серебро не должны быть „на-лицо". Счетные деньги и орудие обращения совпадают у него, и оба являются монетой (coin). Так как изменение в мериле стоимости или благородных металлах, служащих счетными деньгами, повышает или понижает товарные цены, а поэтому и сумму обращающихся денег, то Юм заключает, что возрастание или падение цен товаров зависит от количества обращающихся денег. По закрытии европейских рудников Юм мог заметить, что в XVI и XVII столетиях не только увеличилось количество золота и серебра, но и уменьшились издержки их производства. В XVI и XVII столетиях цены товаров возросли в Европе вместе с массой ввезенного из Америки золота и серебра; поэтому цены товаров в каждой стране определяются массой находящегося в них золота и серебра. Это было для Юма первым „необходимым выводом". [1] В XVI и XVII столетиях цены возрастали не одновременно с приливом благородных металлов; прошло более, чем полвека, прежде чем обнаружилось какое-либо изменение цен товаров, даже и потом еще прошло много времени, прежде чем меновые стоимости товаров повсеместно были определены соответственно пониженной стоимости золота и серебра, т. е. пока революция не охватила все цены. Поэтому, — заключает Юм, — который в противоположность основам своей философии, односторонне наблюдаемые факты превращает без критики в общие положения,—цена товаров, или стоимость денег определяется не абсолютной массой находящихся в какой-либо стране денег, а скорее количеством золота или серебра, которое действительно входит в обращение: но, в конце концов, все находящееся в данной стране золото и серебро целиком должно быть поглощено обращением, как монета. [2] Очевидно, что,

---

[1] Hume D. l. c. p. 303.

[2] Очевидно, что цены зависят не столько от абсолютного количества товаров, которые могут быть вывезены на рынок, и денег, которые находятся у нации, сколько от товаров, которые могут попасть на рынок, и денег, которые находятся в обращении. Если деньги будут заперты в сундуки, то

если золото и серебро имеют свою собственную стоимость, то независимо от всех других законов обращения, только некоторое определенное количество золота и серебра может обращаться, как эквивалент для данной суммы стоимости товаров. Следовательно, если каждое случайно находящееся в данной стране количество золота и серебра, безотносительно к сумме стоимости товаров, должно входить в товарный обмен, как орудие обмена, то золото и серебро не имеют никакой присущей им стоимости и не являются поэтому действительными товарами. Это—третий „необходимый вывод“ Юма. Он пускает в процесс обращения товары без цены, а золото и серебро без стоимости. Поэтому-то он и не говорит нигде ни о стоимости товаров, ни о стоимости золота, но единственно об их количествах по отношению друг к другу. (К критике политической экономии стр. 156—160).

ДЖЕМС СТЮАРТ

Сэр Джемс Стюарт начинает свои исследования о монете и деньгах с подробной критики Юма и Монтескье. [1] Он, действительно, является первым, который ставит вопрос, количество ли находящихся в обращении денег определяется ценами товаров или же, обратно, цены товаров определяются количеством обращающихся денег? Хотя его представления затемнены фантастическим взглядом на мерило стоимостей, смутным представлением о стоимости вообще и воспоминаниями о меркантильной системе, однако, он открывает самые важные определения формы денег и общие законы денежного обращения, так как не ставит товары механически на одной стороне, а золото—на другой, но действительно, развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена. „Употребление денег для внутреннего обращения может быть представлено в двух основных пунктах: уплата того, что кто-либо должен, покупка того, что кому-либо требуется; оба эти пункта, вместе взятые, составляют спрос на наличные деньги (ready money demands)... Состояние торговли, ремесла, образ жизни и обычные расходы жителей, вместе взятые, определяют и регулируют размеры спроса на наличные деньги, т. е. массу отчуждений. Чтобы осуществить эти разнообразные уплаты, необходима некоторая пропорция денег. Пропорция эта может, с своей стороны, увеличиваться

влияние их на цены будет такое же, как если бы они были уничтожены. Если товары будут сложены в магазины и склады, действие их будет такое же, так как деньги и товары в этих случаях никогда не встретятся, то они не могут влиять друг на друга. В общем, все цены, в конце концов, достигают правильной пропорции соответственно изменившемуся количеству денег в государстве (l. c. p. 307, 308, 303).

[1] Stewart „An Inquiry into the principles of Political Econ.“ q. 394 sq.

или уменьшаться, в зависимости от условий, хотя число актов отчуждения остается неизменным... Во всяком случае, обращение какой-либо страны может поглотить только определенное количество денег".[1]

„Рыночная цена товаров определяется сложной операцией спроса и конкуренции (demand and competition), которая совершенно не зависит от массы золота и серебра, находящейся в какой-либо стране. Что же делается с золотом и серебром, которое не может быть потреблено в виде монеты? Оно собирается, как сокровище, или же переделывается в предметы роскоши. Если масса золота и серебра падает ниже уровня, необходимого для обращения, то они заменяются символическими деньгами или другим способом. Если благоприятный вексельный курс приносит в страну излишек денег и вместе с тем прекращает заграничный спрос на них, то золото обыкновенно попадает в сундуки, где оно настолько же бесполезно, как если бы лежало в рудниках".[2] Другой, открытый Стюартом, закон заключается в возврате обращения, опирающегося на кредит, к его исходной точке. Наконец, он выясняет, какое действие оказывает на международный отлив и прилив благородных металлов различие процента в разных странах. Оба последние вопроса мы отмечаем здесь только ради полноты, так как они стоят вне нашей темы,—простого обращения.[3] Символические деньги, или кредитные деньги—Стюарт еще не различает этих двух видов—могут заменять благородные металлы, как покупательное и платежное средство во внутреннем обращении, но не на всемирном рынке. Бумажные знаки являются, поэтому, общественными деньгами (money of the society), тогда как золото и серебро—мировыми деньгами (money of the world).

---

[1] Yames Stewart. I. c. t. 2 p. 377—379 passim.

[2] L. c. s. 379—380 passim.

[3] „Лишние монеты будут заперты или превращены в изделия. Бумажные деньги после того, как они удовлетворят своей первоначальный цели, исполнив спрос того, кто брал их взаймы, вернутся к заимодавцу и будут реализованы. Следовательно, в какой бы степени ни увеличивались и ни уменьшались денежные знаки в стране, товары будут подниматься или падать в цене на основании принципа спроса и предложения, и это будет зависеть от желания тех, кто имеет собственность, или что либо равноценное ей для обмена, но никогда не от количества денег, находящихся у этих лиц. Пусть количество денежных знаков будет весьма незначительно в стране, но пока в ней имеется какая-либо недвижимая собственность и спрос на потребление со стороны тех, кто владеет ею, цены будут высоки, благодаря обмену, символическим деньгам, векселям и тысяче других изобретений. Если эта страна находится в сношениях с другими нациями, то должно существовать соотношение между ценами на многие виды товаров в этой стране и в других местностях, и внезапное увеличение или уменьшение денежных знаков, если мы предположим, что оно может само произвести поднятие или падение цен, будет сдерживаться в своем влиянии иностранной конкуренцией". (l. c. t. 1 p. 400—402) „Обращение в каждой стране должно быть пропорционально промышленности

Особенность народов с „историческим“ развитием, как понимает его историческая школа права, заключается в том, что они постоянно забывают свою собственную историю. Поэтому, хотя спорный вопрос об отношении цен товаров к количеству орудий обращения в продолжение половины настоящего столетия постоянно волновал парламент и вызвал в Англии появление тысяч больших и малых памфлетов, тем не менее, Стюарт остался „мертвым псом“ в еще большей степени, чем Спиноза для Моисея Мендельсона, во время Лессинга. Даже новейший историк вопроса об обращении (currency), Макларен, превращает Адама Смита в изобретателя стюартовской теории, а Рикардо—в изобретателя теории Юма. („К критике политической экономии“, стр. 161—164).

РИКАРДО

Рикардо, как и его предшественники, сваливает в одно: обращение банковых билетов, или кредитных денег, и обращение простых знаков стоимости. Самым важным для него фактом является обесценение бумажных денег и одновременное возрастание цен товаров. Чем американские рудники были для Юма, тем печатные станки банковых билетов в Thread-needle street являются для Рикардо, и он сам ясно отождествляет в одном месте оба эти фактора. Первые его сочинения, посвященные денежному вопросу, относятся к периоду, когда велась оживленная полемика между Английским банком, на стороне которого находились министры и военная партия, и их противниками, вокруг которых группировалась парламентская оппозиция, лиги и партия мира. Они явились, как предшественники знаменитого доклада комитета о слитках

жителей, производящих товары, которые поступают на рынок. Поэтому, если монета в стране упадет, относительно, ниже цены промышленных изделий, предлагаемых в продажу, то изобретения, в роде символических денег, восполнят этот недостаток. Но если денежные знаки превысят количество промышленных изделий, они не повысят цен, они даже не войдут в обращение, но будут как сокровища... Каково бы ни было количество денег у нации, в сравнении со всем остальным миром, в обращении может остаться только количество, приблизительно пропорциональное потреблению богатых или работе и предприимчивости бедных жителей“, и эта пропорция не определяется „количеством денег, находящихся в это время в стране“. „Все нации будут стремиться ввести свои наличные деньги, не нужные для их собственного обращения, в ту страну, в которой процент на деньги выше, чем в их стране.“ (l. c. t. 2 p. 6) „Самая богатая страна в Европе может быть самой бедной по количеству денежных знаков, находящихся в обращении“. (Ibid, См: полемику против Стюарта у Артура Юнга. Примеч. ко 2 немецк. изд. В „Капитале“ т. I, отд. I, прим. 78, 4-го нем. изд. Маркс говорит: „теорию Юма против Стюарта и других защищал А. Юнг в своем сочинении: „Political Arithmetic“, London 1744 г., в котором есть глава: „Prices depend on quantity of money“ (Цены зависят от количества денег), p. 112 S. 92.

в 1810 г., в котором приняты взгляды Рикардо. [1] То странное явление, что Рикардо и его последователи, считающие деньги простым знаком стоимости, назывались „бульонистами“ (людьми золотых слитков), происходит не только от названия этого комитета, но и из самой сущности рикардовского учения. В своем сочинении о политической экономии Рикардо повторил и развил дальше те же самые взгляды, но нигде, однако, не исследовал сущности денег, самих по себе, как он сделал это относительно вопросов о меновой стоимости, прибыли, ренте и т. д.

Рикардо определяет стоимость золота и серебра так же, как и стоимость всех других товаров, количеством рабочего времени овеществленного в них. [2] При помощи их, как товаров с определенной стоимостью, измеряется стоимость других товаров. [3] Следовательно, количество орудий обращения определяется стоимостью единицы денежной меры, с одной стороны, и суммой меновых стоимостей товаров — с другой. Это количество изменяется экономией в способах расплат. [4] Следовательно, так как количество, в котором могут обращаться деньги известной стоимости, составляет определенную величину, так как их стоимость в сфере обращения проявляется только в их количестве, то поэтому простые знаки стоимости, будучи выпущены в пропорции, определенной по стоимости денег, могут заступить их в обращении, и действительно: „обращающиеся деньги находятся в самых совершенных условиях, состоя исключительно из бумаг, которые имеют ту же самую стоимость, что и золото, которое они должны представлять“. [5] Таким образом, до сих пор Рикардо определяет количество орудий обращения, предполагая, что стоимость денег дана ценами товаров, и деньги, как знаки стоимости, являются для него знаком определенного количества золота, а не лишенным стоимости, — как у Юма, — представителем товаров.

---

[1] Ricardo David, „The high price of Bullion, a proof of the Depreciation of Banknotes“ 4 edition. London 1811. (Первое издание появилось в 1809 г.) Далее: „Reply to Mr. Bosanquets practical observations on the Bullion committee“, London 1811.

[2] „David Ricardo, „On the principles of political economy etc“. p. 71. „Стоимость благородных металлов, как и всех других товаров, зависит, в конце концов, от совокупного количества труда, необходимого, чтобы их добыть и доставить на рынок“.

[3] l. c. p. 77, 180, 181.

[4] Ricardo l c. 421. „Количество денег, которые могут употребляться в какой нибудь стране, зависит от их стоимости. Если обращается одно золото, то его нужно в пятнадцать раз меньше, чем серебра, если бы употреблялось только последнее“. Смотри также Ricardo „Proposals for an economical and secure currency“, London 1816, p. 17, 18, где он говорит: „Количество обращающихся знаков зависит от суммы, которая требуется для обращения страны, а эта последняя регулируется стоимостью денежной единицы, суммой платежей и экономией в их реализировании“.

[5] Ricardo „Principles of political economy“, p. 432, 433.

Там, где Рикардо внезапно сворачивает с прямого пути своего изложения и переходит к противоположному взгляду, он сейчас же направляет свое внимание на международное обращение благородных металлов и, таким образом, вносит путаницу в задачу введением чуждых точек зрения. Следя за внутренним развитием его мысли, мы отбросим в сторону все искусственные, случайные обстоятельства и поэтому перенесем золотые и серебряные рудники внутрь тех стран, в которых обращаются благородные металлы. Единственное положение, вытекающее из изложенного до сих пор воззрения на дело, это—что, при данной стоимости золота, количество обращающихся денег определяется простой меновой стоимостью обращающихся товаров. Предположим теперь, что сумма этих меновых стоимостей уменьшается, потому ли, что производится меньше товаров с прежней стоимостью, или потому что вследствие увеличения производительности труда, та же самая масса товаров заключает меньшую меновую стоимость. Или же обратно: допустим, что сумма меновых стоимостей увеличивается потому, что при неизменных издержках производства увеличивается масса товаров, или же, потому, что вследствие уменьшения производительности возрастает количество труда. Что сделается, в таком случае, с *данным* количеством обращающегося металла? Если золото— деньги только потому, что оно обращается как орудие обращения, если оно принуждено оставаться в обращении, как выпущенные государством бумажные деньги с принудительным курсом (а Рикардо имеет в виду именно их), тогда количество обращающихся денег в первом случае будет выше по отношению к меновой стоимости металла, во втором—ниже ее нормального уровня. Следовательно, хотя золото одарено собственной стоимостью, но в первом случае оно стало бы знаком металла с более низкой стоимостью, чем его собственная, во втором — металла с более высокой стоимостью. В первом случае, как знак стоимости, оно будет постоянно ниже, во втором—выше своей собственной стоимости (опять отвлечение от бумажных денег с принудительным курсом). В первом случае происходит то же самое, как если бы товары оценивались металлом более низкой, во втором—более высокой стоимости. Поэтому, в первом случае цены товаров возросли бы, во втором—упали. В обоих случаях движение цен товаров, их возвышение или падение, было бы следствием увеличения или уменьшения массы обращающегося золота выше или ниже уровня, соответствующего его собственной стоимости, т. е. нормального количества, которое определяется отношением между его собственной стоимостью и стоимостью находящихся в обращении товаров.

Тот же самый процесс имел бы место, если бы сумма цен товаров, находящихся в обращении, оставалась неизменной,

но в то же время масса обращающегося золота упала ниже или поднялась выше настоящего уровня: первое—в том случае, если бы изношенные обращением монеты не замещались соответственным производством рудников, второе—если бы новый привоз из рудников перерос потребность обращения. В обоих случаях предполагается, что издержки производства золота или его стоимость остаются неизменными.

Резюмируем. Деньги, находящиеся в обращении, держатся на нормальном уровне, если их количество, при данной меновой стоимости товаров, определяется их собственной металлической стоимостью. Они поднимаются выше этого уровня, причем золото падает ниже его собственной металлической стоимости, а цены товаров возрастают, если сумма меновых стоимостей массы товаров уменьшается, или если прилив золота из рудников увеличивается. Деньги падают ниже своего нормального уровня, причем золото поднимается выше собственной его металлической стоимости, а товарные цены падают, если сумма стоимости товаров увеличивается, или если прилив золота из рудников не замещает потребленного золота. В обоих случаях золото, находящееся в обращении, представляет знак большей или меньшей стоимости, чем та, какую оно действительно заключает в себе. Оно может стать переоцененным или недооцененным знаком самого себя. Лишь только товары повсюду начнут определяться этой новой стоимостью денег и повсюду цены товаров, соответственно, возрастут или упадут, количество находящегося в обращении золота снова будет соответствовать потребностям обращения (это—вывод, который Рикардо делает с особенным удовольствием), но это количество будет находиться в противоречии с издержками производства благородных металлов, а поэтому и с отношением их, как товара, к другим товарам. Соответственно теории Рикардо о меновой стоимости вообще, возрастание стоимости золота выше его меновой стоимости, т. е. стоимости, определяемой заключенным в нем рабочим временем, вызвало бы увеличение его производства до тех пор, пока увеличившийся прилив не свел бы его к нормальной величине стоимости. Обратно, падение стоимости золота ниже его меновой стоимости вызвало бы уменьшение его производства, которое продолжалось бы до тех пор, пока стоимость его не была бы приведена к нормальному уровню. Этими противоположными движениями уничтожалось бы противоречие между металлической стоимостью золота и стоимостью его, как орудия обращения, опять установился бы нормальный уровень обращающейся массы золота, и высота цен товаров опять стала бы соответствовать мерилу стоимости. Эти движения стоимости находящегося в обращении золота, вместе с тем, одинаково касались бы и золота в слитках, так как предположено, что все золото, кроме употре-

бленного на предметы роскоши, находится в обращении. Так как золото, в виде монеты или слитка, может быть знаком большей или меньшей стоимости, чем та, какую оно само заключает в себе, то, разумеется, обращающиеся разменные банковые билеты подвергаются той же участи. Хотя банковые билеты разменны, а поэтому их реальная стоимость соответствует номинальной, тем не менее, общая сумма находящихся в обращении денег, золота и банковых билетов (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes) может быть оценена выше или ниже своей стоимости, соответственно тому, поднимается ли их общее количество, вследствие указанных уже причин, выше, или падает ниже уровня, определенного меновой стоимостью обращающихся товаров и металлической стоимостью золота. Неразменные бумажные деньги имеют с этой точки зрения только то преимущество перед разменными, что могут быть вдвойне обесценены. Они могут упасть ниже стоимости металла, который они должны представлять, потому что выпущены в слишком большом количестве, или же могут упасть, потому что представляемый ими металл упал ниже своей собственной стоимости. Это обесценение не одних бумаг относительно золота, но одновременно бумаг и золота, или общей массы орудий обращения известной страны,—одно из главных открытий Рикардо, которым воспользовались лорд Overstone and C⁰ (Оверстон и К⁰), сделавши его основным принципом законодательства о банках сэра Роберта Пиля в 1844—45 годах.

Следовало доказать, что цена товаров или стоимость золота зависит от количества находящегося в обращении золота. Доказательство основывается на допущении того, что должно быть еще доказано, именно, что всякое количество благородного металла, который служит деньгами, в каком бы отношении к своей внутренней стоимости он ни находился, должно служить орудием обращения, монетой, и, таким образом, знаком стоимости для находящихся в обращении товаров,—знаком, который должен представлять общую сумму их стоимости. Иначе говоря, доказательство основывается на абстракции всех других формальных предназначений, которые имеют деньги, кроме формы орудия обращения. Притиснутый к стене, как, например, в полемике с Бозанкетом, Рикардо, находившийся совершенно под влиянием факта обесценения знаков стоимости благодаря их количеству, прибегает к догматическим утверждениям. [1]

Если бы Рикардо построил эту теорию совершенно абстрактно, как это сделали мы, не присоединяя конкретных отношений и случайных явлений, отвлекающих от самого вопроса, то ничтожность этой теории обнаружилась бы пора-

[1] David Ricardo, „Reply to Mr. Bosanquets practical observations ets", p. 49. Что товары поднимутся или упадут в цене пропорционально увеличению или уменьшению денег, я признаю как неопровержимый факт".

зительным образом. Но он придает всему делу *международный* характер. Однако, очень легко можно доказать, что видимая грандиозность масштаба не изменяет ничтожности основной идеи. Первое положение следующее: количество обращающихся металлических денег нормально, если оно определяется суммой стоимостей обращающихся товаров, выраженной в металлической стоимости этих денег. При международных условиях это положение гласит: при нормальном состоянии обращения, каждая страна имеет количество денег, соответствующее ее богатству и промышленности. Деньги обращаются по своей действительной стоимости или по стоимости, соответствующей издержкам их производства, т. е. во всех странах они имеют одну и ту же стоимость.[1] Следовательно, они никогда не должны были бы вывозиться и ввозиться из одной страны в другую.[2] Таким образом, существовало бы равновесие между currencies (общими массами обращающихся денег) в различных странах. Итак, уровень народного currency выражается как международное равновесие currencies и в действительности ничего иного не говорится, как только то, что народность ничего не изменяет во всеобщем экономическом законе. Мы снова пришли к тому же фатальному пункту, как и раньше. Каким образом нарушается нормальный уровень, т. е. каким образом нарушается международное равновесие currencies, или каким образом деньги перестают иметь одну и ту же стоимость во всех странах, или, наконец, каким образом они теряют в каждой стране свою собственную стоимость? Как раньше нормальный уровень нарушался благодаря тому, что масса обращающегося золота увеличивалась или уменьшалась, при неизменной сумме стоимостей товаров, или, благодаря тому, что количество обращающихся денег оставалось неизменным, тогда как меновые стоимости товаров увеличивались или уменьшались,—так точно и теперь международный уровень, определенный самой стоимостью металла, нарушается благодаря тому, что масса золота, находящегося в известной стране, возрастает вследствие открытия в ней новых рудников,[3] или благодаря тому, что сумма стоимостей товаров, находящихся в обращении в той или другой стране, увеличилась или уменьшилась. Если раньше производство благородных металлов уменьшалось или увеличивалось соответственно тому, нужно ли было сузить или расширить currency и пропорционально понизить или повысить цены товаров, то теперь то же самое производят ввоз и вывоз из од-

---

[1] Ricardo, „The high price of Bullion ets". „Money would have the s a m e v a l u e in all countries", p. 4. В своей политической экономии Рикардо изменил это место, но не так, чтобы это имело значение в настоящем случае.

[2] L. c. p. 3, 4.

[3] L. c. p. 4.

ной страны в другую. В стране, в которой поднялись бы цены, и стоимость золота вследствие усилившегося обращения упала бы ниже его металлической стоимости, золото обесценилось бы относительно других стран, и поэтому цены товаров возросли бы, в сравнении с другими странами. Золото вывозилось бы, товары ввозились. Как раньше производство золота, так и теперь его ввоз и вывоз и соответствующеее возрастание или падение цен продолжались бы до тех пор, пока не установилось бы снова равновесие международных currencies, подобно тому, как раньше устанавливалось истинное отношение между металлом и товаром. Как в первом случае, производство золота увеличивалось или уменьшалось потому, что золото стало ниже или выше своей стоимости, точно также международное переселение золота происходило бы исключительно по той же причине. Как в первом случае каждое изменение в его производстве касалось количества обращающегося металла, а вместе с тем и цен, точно такое же влияние оказывал бы теперь международный ввоз и вывоз. Если бы относительная стоимость золота и товара, или нормальное количество орудий обращения было снова установлено, то в первом случае прекратилось бы дальнейшее производство, во втором—ввоз и вывоз, за исключением того количества золота, которое необходимо для замещения изношенной монеты и для производства предметов роскоши. Из этого вытекает, что „попытка вывозить золото, как эквивалент товаров, или неблагоприятный торговый баланс, может иметь место только в случае чрезмерного количества орудий обращения". [1] Происходило бы только то, что металл оценивался бы выше или ниже своей стоимости, вследствие возвышения или падения массы орудий обращения выше или ниже нормального уровня, и это вызывало бы ввоз или вывоз металла. [2] Далее должно было бы произойти следующее: так как в первом случае производство золота увеличивается или уменьшается, а во втором золото только ввозится или вывозится, потому что количество его выше или ниже своего нормального уровня, потому что оно выше или ниже своей металлической стоимости, а, поэтому, и цены слишком низки,—то каждое такое движение действует, как исправительное средство: [3] путем увеличения или уменьшения обращающихся денег оно приводит к их нормальному уровню, в первом случае—к равновесию между стоимостью золота и товаров, во втором—к международному равновесию currencies. Иначе говоря, деньги обращаются в различных странах лишь

---

[1] Ricardo l. c. p. 11, 12. Неблагоприятный торговый баланс всегда является следствием чрезмерного обращения.

[2] l. c. p. 14. Вывоз монеты происходит вследствие ее дешевизны и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса.

[3] L. c. p. 17.

настолько, насколько они обращаются в каждой стране, как монета. Деньги—только монета, и количество золота, находящегося в какой-либо стране, должно, поэтому, войти в обращение и может, следовательно, как знак своей собственной стоимости стоять выше или ниже ее. Так окольным путем этой международной путаницы мы благополучно достигли того простого догмата, который составлял исходный пункт.

Как искусственно представляет Рикардо действительные явления с помощью своей абстрактной теории, покажут нам несколько примеров. Он утверждает, например, что во времена неурожаев, часто повторявшихся в Англии в период 1800—1820 годов, золото вывозится не потому, что нужен хлеб, а золото является деньгами и, поэтому, действительным средством покупки и продажи на всемирном рынке, но потому, что стоимость золота ниже стоимости других товаров, а потому currency страны, в которой имеет место неурожай, обесценено относительно currencies других народов. Именно потому, что неурожай уменьшил массу обращающихся товаров, данное количество обращающихся денег поднялось выше нормального своего уровня, и, поэтому, цены товаров возросли. [1] В противоположность этому парадоксальному объяснению, было доказано статистически, что с 1793 года и до последнего времени, в случае неурожаев в Англии, количество наличных орудий обращения не было чрезмерным, но, напротив, было недостаточно, а поэтому обращалось и должно было обращаться больше денег, чем прежде. [2]

Таким же образом, во время наполеоновской континентальной системы и английского декрета о блокаде, Рикардо утверждал, что англичане вывозили на континент золото вместо товаров, потому что их деньги были обесценены в сравнении с золотом континентальных стран, и цены их товаров, поэтому, стояли относительно выше, вследствие чего спекуляция по вывозу золота должна была быть более выгодной, чем по вывозу товаров. По его мнению, Англия, была рынком, на котором товары были дороги, а деньги дешевы, тогда как на континенте товары были дешевы, а деньги дороги. „Что цены наших фабрикатов и колониальных продуктов,—

---

[1] Ricardo l. c. p. 74. 75. „Если предположить, что после неблагоприятного урожая, когда Англии требуется необычный ввоз зерна, другая страна обладает избытком этого продукта, но не нуждается ни в каких товарах, то бесспорным следствием этого будет, что подобная нация не станет вывозить свой хлеб в обмен на товары; она не станет также вывозить его за деньги“, так как это—товар, в котором народы нуждаются не абсолютно, а относительно“. Пушкин в своей поэме представляет отца своего героя не понимающим, что товар—деньги. Однако, русские давно уже поняли что деньги—товар, как это показывает не только английский ввоз зерна, с 1838—42 г.г., но и вся история их торговли.

[2] Took (Thomas) „History of prices“ и James Wilson „Capital, currency and banking“. (Последняя книга состоит из ряда статей, помещенных в London Economist за 1844, 1845 и 1847 годы).

говорит один английский писатель,—были раззорительно низки, под влиянием континентальной системы, в продолжение последних шести лет войны—это факт. „Например, цены сахара и кофе в золоте были на континенте в 4 или 5 раз выше, чем те же цены в Англии, выраженные в банковых билетах. Это было время, когда французские химики изобрели свекловичный сахар и заменили кофе цикорием, между тем как одновременно английские фермеры делали опыты откармливания быков сиропом и патокою: когда Англия завладела Гельголандом, чтобы устроить там товарный склад для облегчения контрабандного провоза на север Европы, и откуда более легкие сорта британских фабрикатов искали себе путь в Германию через Турцию... Почти все товары света собирались в наших складах и лежали здесь недвижимо, за исключением того случая, когда небольшое их количество было отпущено французской лицензией, за что гамбургские и амстердамские купцы уплатили Наполеону сумму от 40 до 50 тысяч фунтов ст. Это, должно быть, были странные купцы, если они платили такие суммы за позволение перевезти транспорт товаров с более дорогого рынка на дешевый. Какая альтернатива стояла перед купцом? Или купить кофе по 6 пенсов банковыми билетами и отправить его в такое место, где можно продавать непосредственно по 3—4 шиллинга золотом, или же покупать золото на банковые билеты, по 5 ф. ст. за унцию, и посылать его в такое место, где оно стоило 3 ф. ст. 27 шилл. $10^1/_2$ п. Следовательно, нелепо утверждать, что отдавать золото за кофе было выгодной торговой операцией... На целом свете не было страны, где бы можно было получить тогда такое большое количество нужных товаров, как в Англии. Бонапарт постоянно и неуклонно следил за английскими прейс-курантами. До тех пор, пока он находил, что в Англии золото дорого, а кофе дешево, он был доволен действием своей континентальной системы.[1] Собственно, в то самое время, когда Рикардо выставил свою денежную теорию, и когда комитет о слитках воплотил ее в свой парламентский доклад, в 1810 году произошло разорительное падение цен всех товаров, в сравнении с 1808—1809 г.г., тогда как деньги, относительно, поднялись в стоимости. Земледельческие продукты составляли исключение, так как ввоз их извне встречал препятствия, а масса их, находившаяся в стране, стала в десять раз дороже, вследствие неурожая.[2] Рикардо до такой степени не понимал роли благородных металлов, как международного платежного средства, что мог в своей речи, перед комитетом палаты лордов (1819 г.), произнести следующее: „требования монеты для вывоза совер-

[1] James Deacon Hume: „Letters on the Cornlaws". London 1834, p. 29—31.
[2] Tooke (Thomas). „History of prices" etc. London 1818, p. 110.

шенно прекратятся, как только будут восстановлены платежи наличностью, и обращение будет снова доведено до его металлического уровня". Он умер перед самым началом кризиса 1825 г., который показал ошибочность его предсказания. Период, к которому относится писательская деятельность Рикардо, вообще мало благоприятствовал исследованию функции благородных металлов, как всемирных денег. Перед введением континентальной системы торговый баланс складывался постоянно выгодно для Англии, а в период этой системы сделки с европейскими народами были слишком незначительны, чтобы могли касаться английского вексельного курса. Денежные отправления были, преимущественно, политического характера, и, повидимому, Рикардо совершенно не понимал, какую роль играли в английском денежном экспорте денежные субсидии.[1] („К критике политической экономии", стр. 166—174).

ТЕОРИЯ ОБРАЩЕНИЯ (CURRENCY—THEORY)

Торговые кризисы XIX столетия, именно большие кризисы 1825 и 1836 гг., не вызвали дальнейшего развития теории денег Рикардо, но только новое ее применение. Это уже не были единичные экономические явления, как у Юма—обесценение благородных металлов в XVII и XVIII веке, или, как у Рикардо, обесценение бумажных денег в XVIII и начале XIX века, но огромные бури всемирного рынка, в которых совершалась борьба всех элементов буржуазного производства; их причину и средство против них искали в наиболее поверхностной и отвлеченной сфере этого процесса, в сфере денежного обращения. Собственно, теоретическое предположение, из которого исходит школа этих заклинателей экономической бури, заключается, в действительности, только в догмате, что Рикардо открыл законы чисто металлического

[1] Сравни W. Blake выше цитированные „Observations" etc. В другом месте Маркс показывает связь денежной теории Рикардо с ошибками последнего в теории стоимости. „Ошибка Рикардо заключается в том, что он исследует только величину стоимости; поэтому он интересуется только относительным количеством труда, которое представляют различные товары; которое они содержат в себе, как стоимости, в воплощенном виде. Но заключенный в них труд должен быть представлен как общественный труд, как отчужденный индивидуальный труд. В цене это представлено идеально. Реализуется это лишь в продаже. Это превращение всех видов заключенного в товаре труда отдельных индивидуумов в одинаковый общественный труд, который поэтому может быть представлен во всех потребительных стоимостях, может быть обменен на любую из них; эта качественная сторона дела, которая содержится в выражении меновой стоимости в деньгах, у Рикардо не развита. Это обстоятельство—необходимость представить заключенный в них труд одинаковым общественным трудом, то есть в деньгах—Рикардо упускает из виду". („Теория приб. ценности, русский перевод", стр. III. Курсив Маркса). *Л. Э.*

обращения. Им осталось только подвести под эти законы обращение банковых билетов и кредитное обращение.

Наиболее общее и бросающееся в глаза явление торговых кризисов—это внезапное и всеобщее падение цен, наступающее после сравнительно продолжительного и всеобщего их возрастания. Всеобщее падение цен товаров может быть выражено, как относительное возрастание стоимости денег, в сравнении с другими товарами, а всеобщее возрастание цен, обратно,— как падение относительной стоимости денег. Оба эти способа выражения отмечают явление, но не выясняют его. Все равно, представить ли задачу следующим образом: выяснить всеобщее периодическое возрастание цен попеременно с всеобщим падением их, или же формулировать тот же вопрос так: выяснить периодическое падение и возрастание относительной стоимости денег, в сравнении с товарами. Несмотря на различную фразеологию, вопрос останется настолько же неразрешенным, насколько оставил бы его неразрешенным перевод с немецкого языка на английский. Поэтому, теория денег Рикардо является чрезвычайно удобной, так как она придает тавтологии вид причинного отношения. Откуда происходит периодическое и всеобщее падение цен товаров? От периодического возрастания стоимости денег. Откуда, наоборот, происходит всеобщее и периодическое возрастание цен товаров? От периодического падения относительной стоимости денег. Настолько же справедливо можно было бы утверждать, что периодическое возрастание или падение цен происходит от их периодического возрастания или падения. В самой постановке вопроса лежит предположение, что внутренняя стоимость денег, т. е. стоимость их, определенная издержками производства благородных металлов, остается н е и з м е н н о й. Если эта тавтология есть нечто большее, чем тавтология, то она покоится на извращении наиболее элементарных понятий. Если стоимость А, измеряемая при помощи В, падает, то мы знаем, что это может происходить или от падения стоимости А, или же от возрастания стоимости В. Точно так же и обратно,—если ценность А, измеряемая посредством В, возрастает. Если только признать превращение тавтологии в причинную связь, то все остальное объясняется очень легко. Возрастание цен товаров происходит от падения стоимости денег, падение же стоимости денег происходит, как известно из Рикардо, от переполнения обращения, т. е. от того, что масса обращающихся денег возрастает выше уровня, определяемого их собственной, внутренней стоимостью и внутренней стоимостью товаров. Таким же самым образом, наоборот, всеобщее падение цен товаров объясняется возрастанием стоимости денег выше их внутренней стоимости, вследствие недостаточного количества их в обращении. Следовательно, цены периодически возрастают и падают потому, что в обращении периодически находится

слишком много или слишком мало денег. Поэтому, если где-нибудь окажется, что возрастание цен происходило одновременно с сокращением денежного обращения, а падение цен с расширением его, то можно, кроме того, утверждать, что вследствие некоторого, хотя бы статистически недоказанного, уменьшения или увеличения массы находящихся в обращении товаров, количество обращающихся денег увеличилось или уменьшилось, если не абсолютно, то относительно. Мы видели, таким образом, что, по Рикардо, эти общие колебания цен должны происходить и при чисто металлическом обращении, но они уравновешиваются путем чередования, так например, недостаточное обращение вызывает падение цен товаров, падение цен товаров вызывает вывоз заграницу; но этот вывоз есть ввоз денег в страну, а последний должен вызвать опять возрастание цен товаров. Обратное происходит, при переполнении обращения, когда товары ввозятся, а деньги вывозятся. Так как, однако, несмотря на эти колебания цен, вытекающие из самой природы денежного обращения, как его понимал Рикардо, их острая и насильственная форма, форма кризисов, относится к периодам развитого кредита, то становится совершенно очевидным, что выпуск банковых билетов не регулируется в точности законами металлического обращения. Металлическое обращение находит свой корректив в вывозе и ввозе благородных металлов, которые немедленно входят в обращение, как монета и, таким образом, своим приливом или отливом поднимают или понижают цены товаров. То же самое влияние на цены товаров должны, следовательно, оказывать искусственно банки, путем подражания законам металлического обращения. Если золото приливает из-за границы, то это доказывает, что обращения недостаточно, стоимость денег слишком высока, а цены товаров слишком низки, и, поэтому, банковые билеты должны быть брошены в обращение пропорционально вновь ввезенному золоту. Они должны быть обратно вынуты из обращения в пропорции, в которой золото уходит из страны. Другими словами, выпуск банковых билетов должен регулироваться — сообразно ввозу и вывозу благородных металлов или сообразно вексельному курсу. Ложное предположение Рикардо, что деньги — только монета, и что, поэтому, все ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег и повышает через это цены, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и, поэтому, понижает цены, — это теоретическое предположение становится здесь практическим опытом, заключающимся в том, чтобы пускать в обращение столько монеты, сколько в каждом случае существует золота. Лорд Оверстон (банкир Джонс Ллойд), полковник Торренс, Норман, Клей, Арбутнот и огромное число других писателей, известных

в Англии под именем школы „currency principle“, не только проповедывали эту доктрину, но, посредством банковых актов Роберта Пиля от 1844 и 1845 годов, сделали из нее основу существующего банковского законодательства как английского, так и шотландского. Полнейшее теоретическое и практическое фиаско этой доктрины после опытов, произведенных в самом большом национальном масштабе, может быть показано лишь в отделе о кредите. Однако, уже теперь очевидно, что теория Рикардо, которая обособляет деньги в их текучей форме орудия обращения, кончает тем, что приписывает приливу и отливу благородных металлов абсолютное влияние на буржуазную экономию, о чем никогда не грезили даже предрассудки монетной системы. Таким образом, Рикардо, который провозгласил бумажные деньги самой совершенной формой денег, стал пророком „bullionist'ов“. [1] („К критике политической экономии“ стр. 177—180).

ТУК

После того, как теория Юма или абстрактное противоположение монетной системе было, таким образом, развито до конечного вывода, конкретное понятие денег Стюарта снова окончательно было введено в свои права Томасом Туком. Тук выводит свои принципы не из какой-нибудь теории, но из добросовестного анализа истории цен товаров с 1793 г. до 1856 г. В первом издании своей „Истории цен“, которая появилась в 1823 г., Тук находится еще под влиянием теории Рикардо и тщетно старается примирить факты с этой теорией. Его памфлет „On the currency“, появившийся в 1825 году, можно даже рассматривать, как первое последовательное изложение взглядов, которые Оверстон впоследствии привел в осуществление. Однако, дальнейшие исследования истории цен товаров привели Тука к взгляду, что эта непосредственная связь между ценами и количеством орудий обращения, как ее понимает теория, — простая фантазия, что расширение и сокращение орудий обращения, при неизменной стоимости благородных металлов, постоянно является следствием, а не причиной колебания цен; что денежное обращение — вообще движение второго порядка, и что деньги, в действительном

[1] Интересно еще следующее замечание Маркса о влиянии импорта и экспорта золота. „В самом деле, это старая побасенка, будто изменения в количестве наличного золота, увеличивая или уменьшая массу средств обращения в стране, тем самым неизбежно должны повысить или понизить товарные цены в пределах этой страны... На самом же деле уменьшение количества золота повышает лишь размер процента, тогда как увеличение его понижает последний; и если эти колебания размера процента не принимались в расчет при установлении издержек производства и не влияли бы на спрос и предложение, то товарные цены ими совершенно не затрагивались бы“. (Капитал, III, 2 ч., стр. 92). *Л. Э.*

процессе производства, имеют еще совершенно иные формальные назначения, кроме орудия обращения. Его подробные исследования принадлежат к другой области, чем простое металлическое обращение и, поэтому, еще не могут быть здесь изложены, точно так же, как и иследования Вильсона и Фуллартона, принадлежащие к тому же направлению. Все эти писатели понимают деньги не односторонне, но в их разнообразных моментах, однако, только материально, без всякой живой связи этих моментов между собою или же с общей системой экономических категорий. Поэтому-то они неправильно смешивают деньги, в отличие от орудия обращения с капиталом, или даже с товаром, хотя с другой стороны, они принуждены признать отличие денег от этих двух понятий. Если, например, золото посылается заграницу, то, в действительности, посылается капитал, но то же самое происходит, если вывозится железо, хлопчатая бумага, одним словом, каждый товар. И то и другое является капиталом и различается, поэтому, не как капитал, но как деньги и товар. Следовательно, роль золота, как международного орудия обращения, вытекает не из его формального назначения, как капитала, но из его специфической функции, как денег. Равным образом, если золото, или вместо него банковые билеты функционируют во внутренней торговле, как платежное средство, то, вместе с тем, они являются капиталом. Но капитал, в форме товаров, как это чувствительно доказывают, например, кризисы, не мог бы занять места денег. Таким образом, опять-таки отличие золота, как денег, от товара, а не его форма, как капитала, делает его платежным средством. Даже тогда, когда капитал вывозится непосредственно, как капитал, например, чтобы дать за границей помещение определенной сумме стоимостей за проценты, зависит от конъюнктур, будет ли он вывезен в форме золота, и если он будет вывезен в этой последней форме, то это произойдет, благодаря специфическому формальному назначению благородных металлов—служить деньгами в отличие от товара. Вышеупомянутые писатели рассматривают, вообще, деньги, не в их абстрактной форме, как они развиваются в сфере простого обращения товаров и как они вырастают из отношения обращающихся товаров. Поэтому-то, они постоянно колеблются между абстрактными формальными назначениями, какие имеют деньги в противоположность товару, и между теми назначениями, в которых скрываются более конкретные отношения, как капитал, доход и т. п. [1] („К критике политической экономии". стр. 180—182).

[1] „Следует различать золото, как товар, т. е. капитал и деньги, как орудие обращения". (Tooke, „An inquiry into the currency principle etc.", p. 10). Можно расчитывать, что золото и серебро, при своем появлении, почти вполне вы-

ГРЕЙ (Теория рабочих денег)

Учение о рабочем времени, как непосредственной единице денежной меры, впервые систематически было развито Джоном Грэем (John Cray).[1] Он предлагает национальному банку, при посредстве филиальных банков, определить количество рабочего времени, употребляемого на производство различных товаров. Взамен товара производитель получает оффициальное свидетельство его стоимости, т. е. расписку, свидетельствующую о том количестве рабочего времени, которое истрачено на производство его товара—и эти банковые билеты в 1 неделю, 1 день, 1 час труда и т. д. служат вместе с тем ассигновками на эквивалент, выраженный в каком-нибудь из товаров, сложенных в банковских складах. Это—основное положение Грея, которое он тщательно развивает в деталях и везде приспособляет к существующим английским учреждениям. „При этой системе,—говорит Грей,—было бы также легко во всякое время продавать на деньги, как легко купить на них. Производство было бы равномерным и никогда не иссякающим источником спроса. Благородные металлы утратили бы свою „привилегию, сравнительно с другими товарами и заняли бы соответствующее им место на рынке, рядом с маслом, яйцами, сукном и ситцем, и стоимость их не интересовала бы нас больше, чем стоимость алмазов.„ Итак, должны ли мы сохранить наше воображаемое мерило стоимости, золото, и, таким образом, сковать производительные силы страны, или же мы должны возвратиться к натуральному мерилу стоимости, труду, чтобы освободить эти силы".

ручат требуемую сумму... Золото и серебро обладают бесконечным преимуществом пред всеми другими товарами... вследствие того обстоятельства, что они во всем свете употребляются, как монета. Платежи долгов, как внутренних, так и внешних, обыкновенно выговариваются не на чай, кофе, сахар или индиго, а на монету; следовательно, перевод денег или в тождественных монетах, или в слитках, которые могут быть легко обращены в деньги, на монетном дворе или на рынке той страны, куда они посылаются, всегда представляются для получателя самым безопасным, простым и верным способом уплаты, не подвергающим его риску потерпеть убыток от уменьшения спроса или от колебания цен". Fullarton. „On the regulation of currencies", 2. Edition,, London 1815 г. р. 132 и 133. „Всякий другой продукт (кроме золота и серебра) может по количеству или по качеству оказаться не удовлетворяющим обычный спрос страны, в которую он посылается". („Tooke, An Inqniry zetc").

[1] J. Gray „The social System. A Treatise on the Principle of Exchange". После февральской революции Грей послал французскому временному правительству заметку, в которой об'яснил, что „Франция нуждается не в „organisation of labour", но в „organisation of exchange"; план этой организации разработан в измышленной им денежной системе. Бравый Джон не предчувствовал, что 16 лет епустя после появления „Social System" патент на такое изобретение будет получен изобретательным Прудоном.

Если рабочее время есть имманентное мерило стоимости, почему же рядом с ними существует еще другое внешнее мерило? Почему меновая стоимость развивается в цену? Почему все товары выражают свою стоимость в одном выделенном товаре, который, таким образом, становится специфической формой меновой стоимости, т. е. деньгами? Вот вопросы, которые Грей должен был разрешить. Вместо разрешения их, он вообразил себе, что товары могли бы непосредственно относиться друг к другу, как продукты общественного труда. Они могут, однако, относиться друг к другу только в качестве того, что они составляют в действительности. Товары являются непосредственным продуктом труда отдельных независимых частных лиц, который только посредством отчуждения их и процессе обмена, должен выступить, как всеобщий общественный труд: труд, совершаемый на основе товарного производства, становится трудом общественным, только вследствие всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если, однако, Грей принимает рабочее время, заключенное в товарах за непосредственно общественное, то он принимает его за общественное рабочее время, или за рабочее время непосредственно ассоциированных лиц. Тогда, действительно, один специфический товар, напр., золото, или серебро, не мог бы выступить относительно других товаров, как воплощение всеобщего труда, меновая стоимость не становилась бы ценой, но вместе с тем, потребительная стоимость не становилась бы меновой стоимостью, продукт не становился бы товаром, и, таким образом, было бы уничтожено самое основание буржуазного производства. Этого, однако, совсем не имеет в виду Грей. По его мнению, продукты должны производиться как товары, но не как товары должны вымениваться. Грей поручает исполнение этого pium desiderium Национальному банку. С одной стороны, общество, в виде банка, делает индивидуальных производителей независимыми от условий обмена, с другой,—заставляет их и впредь производить на основах менового оборота. Внутренняя последовательность побуждает Грея отбрасывать одно за другим условия буржуазного производства, хотя он хочет „реформировать“ только возникшие из обмена товаров деньги. Так, он превращает капитал в национальный капитал, частную земельную собственность в национальную, и если мы внимательно рассмотрим роль его банка, то найдем, что он не только одной рукой принимает товары, а другой выдает свидетельство на употребленный труд, но сам регулирует производство. („К критике политической экономии“ стр. 91-94).

ГЛАВА ВТОРАЯ

Р. Гильфердинг

СТОИМОСТЬ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ[1]

...Что такое деньги? Общественное отношение, выраженное в вещах. Эта вещь служит непосредственным выражением стоимости. Но в том отношении, которое мы обозначаем формулой Т—Д—Т, стоимость товаров постоянно замещается стоимостью другого товара. Следовательно, выражение товарной стоимости в деньгах представляет здесь лишь мимолетный, исчезающий момент. Оно выступает здесь просто как технический вспомогательный прием, применение которого вызывает расходы; от последних необходимо по возможности избавиться. Одновременно с деньгами развивается, таким образом, стремление обходиться без денег.[2] В сфере товарного обращения деньги первоначально появляются как твердый кристалл стоимости, а потом расплываются просто в эквивалентную форму товара.[3]

Как кристалл стоимости, деньги представляются необходимыми, как эквивалентная форма — излишними. Но необходимыми представляются только потому, что только таким образом стоимость товара может получить общественно-значимое выражение, и что только так товар может превратиться из денег снова в какой угодно другой товар. Выражение в денежной форме остается лишь мимолетным, оно приобретает важность не само по себе (как бывает в тех случаях, когда процесс Т—Д—Т прерывается, и деньги должны быть сохранены в течение более или менее продолжительного времени, чтобы как-нибудь впоследствии сделать возможным процесс Д—Т); таким образом, здесь важна исключительно общественная сторона денег, то их свойство, что как стоимость они равны товару. Эта общественная сторона осязательно, материально выражена в денежном м а т е р и а л е, напр. в золотых деньгах. Но она непосредственно может быть выражена посредством сознательного общественнного регулирования, — так как сознательный орган общества, построенного

---

[1] Финансовый капитал II гл.

[2] Только с точки зрения б у р ж у а з н о г о общества можно рассуждать так, как В и л ь с о н, который полагает, что потерю для общества представляют только праздно лежащие деньги. Напротив, весь механизм обращения, поскольку он требует затраты стоимостей, является faux frais, и даже с более развитой буржуазной точки зрения золото, поскольку оно служит орудием обращения, представляет непроизводительный (т. е. не приносящий прибыли) расход, которого следует по возможности избежать: идея, которая была бы пугалом для системы меркантилизма (см. James W i l s o n, „Capital, Currency and Banking“, London 1847, Стр. 10).

[3] М а р к с, „Капитал“, т. I, стр. 76.

на товарном производстве, есть государство, то, следовательно, посредством государственного регулирования. Государство может установить, что определенные знаки, напр., определенно отмеченные бумажные знаки, являются представителями денег, знаками денег.

Ясно, что эти знаки могут функционировать исключительно как посредник в обращении между двумя товарами. Для иных целей, для иных функций денег они непригодны. Следовательно, они должны были бы совершенно войти в сферу обращения, потому что только в ней бытие стоимости в денежной форме носит неизменно мимолетный характер, так как эта форма постоянно замещается товарною формою стоимости. Но размеры этого обращения до чрезвычайности изменчивы, потому что они, как нам известно, при неизменяющейся быстроте оборотов денег зависят от суммы цен. Последняя же подлежит постоянным колебаниям, причем особенно видную роль играют периодические колебания в течение года,—напр., когда земледельческие продукты вступают в сферу обращения и своей массой увеличивают сумму цен,—а также колебания цен в пределах цикла промышленного расцвета и депрессии. Следовательно, количество бумажных денег всегда должно оставаться ниже минимального количества денег, вообще необходимого для обращения. Но этот минимум может быть замещен бумажными деньгами, [1] и так как он всегда требуется для обращения, то его вообще не приходится заменять золотом; следовательно, государство может наделить эти бумажные деньги принудительным курсом. Значит, в пределах минимума обращения вещное выражение общественного отношения заменяется сознательно регулируемым общественным отношением. Это возможно потому, что ведь и металлические деньги представляют общественное отношение, хотя и скрытое под вещной оболочкой. Это необходимо понять, чтобы уразуметь природу металлических денег. [2] Мы уже видели, что общество, построенное

---

[1] Здесь действует тот закон, что „выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро)“. (Маркс. „Капитал“, I, стр. 92).

[2] Кнапп с самого начала впадает в иллюзию, будто деньги „первоначально“ суть ни что иное, как металл определенного веса, а потом приходит в изумление по тому поводу, что оказалось возможным заменить их просто общественно-значимым знаком. Если бы он понял (и как раз недостаток этого понимания до сих пор мешает экономистам дать исчерпывающую теорию денег), что деньги дают только вещное выражение общественному отношению, он не нашел бы ничего загадочного в том, что в определенно отграниченной сфере это вещное отношение выражается при посредстве общественно-значимого, сознательно регулируемого соглашения, представленного государственной бумажкой с принудительным курсом. Справедливо, что здесь заключается существенная проблема, именно проблема границ этого государственного, следовательно, сознательно общественного регулирования. Но как раз эту экономическую проблему Кнапп исключает из сферы исследования.

на товарном производстве, анархично, и что из этой анархии вытекает необходимость денег. Для минимума обращения эта анархия как бы устраняется: ведь минимум товаров известной стоимости, во всяком случае, должен быть продан, устранение действия произведенной анархии и обнаруживается в возможности замещения золота простыми знаками стоимости.

Но это сознательное регулирование находит свою границу в минимуме обращения. Только в этих пределах денежный знак функционирует как полноправный заместитель денег. Только в них бумага есть символ золота. А так как размеры обращения подвержены постоянным колебаниям, то необходимо, чтобы, на ряду с бумажными деньгами, золотые деньги постоянно могли притекать в обращение и уходить из него, Если этой возможности нет, то наступают уклонения номинальной стоимости бумаги от ее действительного значения: перед нами будет обесценение бумажных денег.

Чтобы понять этот процесс, представим себе прежде всего *чистое бумажное обращение* (при этом всегда подразумевается государственный принудительный курс). Предположим, что в определенный момент обращение требует 5 миллионов марок, для чего необходимо приблизительно 3.600 фунтов золота. Тогда все обращение приняло бы у нас такой вид: 5 миллионов марок в Т— 5 миллионов марок в Д—5 миллионов марок в Т. Если золото заместили бумажными знаками, что бы ни было оттиснуто на этих знаках, сумма их, во всяком случае, должна представлять сумму товарных стоимостей, следовательно, в нашем примере—5 миллионов марок. Если отпечатано 5.000 знаков равного достоинства, каждый будет равен 1.000 марок, если оттиснуто 100.000 знаков, каждый будет представлять 50 марок. Если, при прежней быстроте оборотов, сумма товарных цен удвоится, а количество знаков не изменится, то они будут равнозначащи 10 миллионам марок; если сумма цен упадет на половину, то всего $2^1/_2$ миллионов марок. Иными словами: при чистом бумажно-денежном обращении с принудительным курсом, при неизменности времени оборотов, стоимость бумажных денег определяется суммою цен тех товаров, которые должны пройти через сферу обращения; бумажные деньги здесь приобретают полную независимость от стоимости золота и непосредственно отражают стоимость товаров согласно закону, что их общее количество представляет стоимость, определяемую формулой $\frac{\text{сумма товарных цен}}{\text{число оборотов одноименных монет}}$. Из этого тотчас же видно, что возможно не только обесценение, но и повышение цены бумажных денег по сравнению с их первоначальной ценой.

Конечно, в качестве денежного знака может функционировать не только бумага, но и материал, который сам по себе обладает стоимостью. Пусть, напр., обращение обслу-

живается серебром. Если наступает обесценение серебра вследствие того, что издержки его производства понизились, то серебряные цены товаров повысятся, между тем как золотые цены, при прочих равных условиях, останутся неизменными. Обесценение самого серебра выразится в изменении его отношения к золоту. Вексельный курс страны с серебряным обращением по сравнению с вексельным курсом страны с золотым обращением выразит девальвацию. Обесценение серебряной монеты, представляющей узаконенное платежное средство, при свободной чеканке совершится в тех же точно размерах, как и обесценение металла в слитках. Иное будет в том случае, если свободная чеканка прекращена. [1] Пусть сумма цен товаров, которые в нашем примере должны были пройти через сферу обращения, повысится с 5 до 6 миллионов марок; и пусть стоимость серебра в монете, — следовательно, приспособленного к потребностям обращения, — представляет в соответствии с его металлической стоимостью всего $5^1/_2$ миллионов марок; при таких предположениях каждая серебряная монета настолько повысится по своему значению в обращении, что сумма их даст как-раз 6 миллионов марок. Следовательно, оценка монет, как таковых, превышает их металлическую стоимость. Это явление наблюдалось, между прочим, в переоценке голландского и австрийского серебряного гульдена, затем индийской рупии, выше их металлической стоимости, что представлялось необъяснимым для таких значительных теоретиков денег, как Лексис или Лотц, но после всего предыдущего не представляет никакой загадочности. [2]

Итак, стоимость бумажных денег определяется суммою стоимости товаров, находящихся в обращении. Здесь чисто-общественный характер стоимости обнаруживается в том, что

---

[1] Как известно, под свободной чеканкой разумеют право частных лиц доставить на государственный монетный двор любое количество денежного материала для того, чтобы он был перечеканен, в соответствии с установленными нормами монетного дела, в монету данной страны. Чеканка закрыта (блокирована), если государство отказывается превращать слитки в монету.

[2] Для авторов, которые писали под впечатлением английских ограничений эмиссионной деятельности банка, возможность повышенной оценки денег не представляла ничего проблематичного, потому что они с безграничной наивностью переносили законы бумажно-денежного обращения на металлическое обращение. Сравн. следующую цитату: „Ясно, что, если чрезмерный выпуск бумажных денег повышает номинальные цены товаров, то по совершенно таким же причинам сокращение выпусков, понижение их ниже того минимума, который требуется для обращения, в соответственной мере понизит номинальные цены... Золото в форме слитков будет иметь тогда на рынке меньшую стоимость, чем золото в форме монеты, и купец отправит его на монетный двор, чтобы извлечь прибыль, превратив его из слитков в монету“. William Blake, „Observations on the principles which regulate the course of exchange and on the present depreciated state of the currency“. London 1810. Стр. 40.

такая не имеющая стоимости вещь, как бумага, выполняя чисто-общественную функцию, обслуживая обращение, приобретает вследствие этого стоимость, и что величина последней определяется не собственной стоимостью бумаги, совершенно ничтожною, а стоимостью массы товаров,—представляет отражение товарной стоимости на бумажных знаках. Как луна, которая уже давным-давно охладилась, может светить только потому, что она получает свет от раскаленного солнца, так и бумажные деньги только потому имеют стоимость, что общественный характер труда сообщает товарам стоимость. Отраженная трудовая стоимость делает бумагу деньгами точно так же, как отраженный солнечный свет заставляет светиться луну. В бумаге—отблеск стоимости, именно товарной стоимости: свет луны—отблеск солнечного света.

В Австрии с 1859 года были неразменные бумажные деньги. На серебряные гульдены по сравнению с бумажными был лаж. Бумажных денег было выпущено больше, чем требовало обращение. Благодаря этому сложилось ранее описанное у нас положение: какое количество товаров мог купить гульден, это зависело уже не от стоимости серебра, а от стоимости всей массы товаров, находящейся в сфере обращения и определяющей значение всей суммы бумажных денег. Если стоимость всех товаров, находящихся в обращении, составляла 500 миллионов гульденов, а бумажных гульденов было напечатано на 600 миллионов, то бумажный гульден мог купить лишь такое количество товаров, какое раньше покупалось на $^5/_6$ серебряного гульдена. Благодаря этому сам серебряный гульден превратился в товар, потому что теперь платежи производились по большей части бумажными гульденами, а серебреные гульдены продавали, напр., за границу; за серебряный гульден получали $^6/_5$ бумажного, которым можно было оплатить свои прежние долги, заключенные в серебряных гульденах. Серебро исчезало из обращения. Перемена в отношении между серебряным и бумажным гульденом может возникнуть двояким способом. Прежде всего, при неизменяющейся стоимости серебряного гульдена товарный оборот может возрасти вследствие развития товарного обращения. Если не производится новых выпусков бумажных денег, то бумажный гульден может опять повыситься до прежней оценки, как только масса товаров, находящихся в обращении, потребует для своего передвижения 600 миллионов гульденов. Если товарная сумма все повышается, то может случиться, что бумажный гульден поднимется выше своего исходного уровня. Если сумма товарных цен требует 700 миллионов гульденов, а в обращении находится всего 600 миллионов бумажных гульденов, то бумажный гульден будет равнозначащ $^7/_6$ серебряного гульдена. Если существует свободная чеканка серебра, то частные лица до тех пор будут достав-

лять серебро для чеканки, пока в обращение не поступит такое количество серебряных гульденов, что бумажных гульденов вместе с серебряными окажется достаточно для обращения товарной массы в 700 миллионов гульденов. Тогда бумажный и серебряный гульден сравняются, и при продолжении свободной чеканки бумажный гульден будет определяться уже не стоимостью товарной массы, а стоимостью серебра, следовательно, опять сделается символом серебра.

Но те же явления могут наступить и иным способом. Размеры товарного обращения пусть остаются сначала прежние; бумажный гульден равнозначащ в таком случае всего $^5/_6$ серебряного гульдена; но пусть теперь стоимость серебра понизится, упадет на $^1/_6$. Тогда на серебряный гульден можно будет купить как-раз столько же товаров, сколько на бумажный гульден; лаж на серебро исчез, и серебро остается в обращении. Если стоимость серебра опускается еще дальше, скажем на $^2/_6$, тогда будет прибыльно скупать серебро и отправлять его в Австрию для чеканки. Такая чеканка продлилась бы до тех пор, пока сумма бумажных и серебряных гульденов не возрастет настолько, что, хотя покупательная сила последних уменьшилась на $^2/_6$, она будет достаточна для обращения. Мы предположили, что в обращении товаров находится на 500 миллионов гульденов (первоначального значения). У нас было 600 миллионов бумажных гульденов. Следовательно, гульден значил тогда $^5/_6$ первоначального гульдена. Теперь к этому присоединяются серебряные гульдены, стоимость которых упала до $^4/_6$. Чтобы сделать возможным обращение товаров, нам теперь требуется 500 миллионов $\times$ $^6/_4$, или 750 миллионов гульденов; эта сумма составляет из 600 миллионов бумажных и 150 миллионов вновь отчеканенных серебряных гульденов. Но государство желает воспрепятствовать девальвации; для этого ему стоит только прекратить свободную чеканку серебра. Тогда его гульден приобретет независимость от цены серебра; его значение останется прежнее: $^5/_6$ первоначального гульдена; понижение стоимости серебра не найдет себе выражения *в серебряных деньгах*.

Это противоречит традиционной теории, согласно которой серебряный гульден при всяких обстоятельствах представляет просто кусок серебра в $^1/_{45}$ фунта и потому должен иметь такую же стоимость. Но это совершенно понятно, если мы знаем, что, раз чеканка прекращена, значимость денег является просто отражением стоимости той суммы товаров, которая входит в сферу обращения. Так как, согласно нашему предположению, стоимость серебра упала на $^2/_6$, австрийский же гульден стоит только на $^1/_6$ ниже, чем предположено в начале нашего анализа, то австрийский серебряный гульден, еще находящийся в обращении, будет на $^1/_6$ выше, чем цена равного количества серебра. Следовательно, этот гульден под-

нялся выше своей стоимости. И, действительно, это явление наступило в Австрии с половины 1878 года. Оно было вызвано, с одной стороны, тем, что стоимость бумажного гульдена должна была повыситься вследствие развития обращения, так как сумма бумажных денег не увеличивалась или увеличивалась медленнее, а с другой стороны тем, что стоимость серебра понизилась,—это нашло себе выражение в падении лондонской цены серебра...

Что мучает теоретиков денег,—так это вопрос, что же является при закрытии чеканки мерилом стоимости? Очевидно, им не может быть серебро (совершенно такое же явление может наступить и при блокированной золотой валюте). Движение курса денег и цены металла совершенно различно. Количественная теория со времен Тука совершенно справедливо считается несостоятельной. Важно кроме того, что вообще невозможно сопоставлять количество металла на одной стороне и количество товаров—на другой. Какое отношение может существовать между X килограммов золота или серебра, или даже бумажных денег, и a) миллионами сапог, b) миллионами коробок сапожной ваксы, c) центнерами пшеницы, d) гектолитрами пива и т. д.? Сопоставление массы денег, с одной стороны, и товарной массы, с другой, уже само по себе предполагает нечто общее между ними, как-раз то самое отношение стоимости, которое требуется объяснить.

Привлечь к объяснению силу государства,—и это не поможет делу. Прежде всего, покрыто полною тайной, как такое государство оказывается способным придать клочку бумаги или одному грамму серебра покупательную силу, хотя бы всего на одну сотую грамма большую по отношению к винам, сапогам, сапожной ваксе и т. п. Притом государство при таких опытах неизменно терпело фиаско. Желание поднять курс рупии до 16 пенсов сначала нисколько не помогло правительству Индии. Рупии не было никакого дела до этого, и ближайший успех государства заключался всего лишь в том, что оно сделало курс рупии вообще совершенно неподдающимся предвидению потому, что теперь он перестал считаться и с ценой серебра. А для австрийского государства повышение курса серебряного гульдена выше его металлической стоимости наступило и совсем неожиданно, без всякого преднамеренного вмешательства с его стороны, яко тать в нощи его неведения. Что спутывает теоретиков, так это то обстоятельство, что деньги по видимости сохраняют свое свойство быть мерилом стоимости. Разумеется, как и раньше, все товары выражаются в деньгах, „измеряются“ ими. Как и раньше, деньги представляются мерилом стоимости. Но величина стоимости самого этого „мерила стоимости“ определяется уже не стоимостью того товара, из которого оно образовано, не стоимостью золота или серебра, или бумаги. Напротив, эта

„стоимость“ в действительности определяется совокупной стоимостью товаров, находящихся в сфере обращения (причем предполагается неизменная быстрота оборотов). Действительное мерило стоимости не деньги: „курс“ самих этих денег определяется тем, что я назвал бы общественно-необходимой стоимостью обращения, Мы до сих пор для упрощения не останавливались на функциях денег, как платежного средства, откладывая подробный их анализ до позднейшего времени. Но если мы примем их во внимание, то общественно-необходимая стоимость обращения выразится в формуле: $\frac{\text{сумма товарных стоимостей}}{\text{быстрота оборотов денег}}$ плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых одна и та же монета попеременно функционирует то как средство обращения, то как платежное средство. Это—масштаб, величину которого, разумеется, невозможно вычислить наперед. Единственный счетчик, который в состоянии сделать это,—общество. Величина масштаба изменяется, а с нею и курс денег. Это очень ясно показывает изменчивый курс индийской рупии в 1893—1897 г.г., равно как и колебания австрийской валюты. Эти колебания устраняются, когда в качестве мерила стоимости, в качестве денег, опять начинает функционировать какой-либо полноценный товар (серебро, золото). Как мы видели, для этого нет никакой необходимости в том, чтобы бумажные деньги или неполноценные деньги исчезли из обращения; требуется только, чтобы количество денег в обращении было сведено к минимуму обращения, а колебания за пределы этого минимума устранялись бы вступлением в сферу обращения полноценных денег.

Итак, при чисто бумажно-денежном обращении, сумма цен, представляемая бумажными деньгами, если быстрота оборотов остается неизменной, изменяется прямо-пропорционально сумме товарных цен и обратно-пропорционально количеству выпущенных бумажно-денежных единиц. Тот же закон сохраняет свою силу, если, при закрытой чеканке, обращение обслуживается неполноценным металлом. С той только разницей, что ценою металла на мировом рынке здесь дана низшая граница девальвации. Монета и при увеличенных выпусках не может упасть ниже этой границы. Впрочем, и при золотом обращении, если бы была прекращена свободная чеканка, т. е. право частных лиц во всякое время получать свое золото в виде отчеканенной монеты, могла бы наступить повышенная оценка монеты по сравнению с металлом в слитках. Во всех этих случаях средством обращения становится не символ денег, следовательно, не символ золота, а символ стоимости. Но этот последний получает свою стоимость не от стоимости какого-либо отдельного товара, как при смешанной системе, когда бумага, являясь просто представителем

золота, получает свою стоимость от золота. Напротив, здесь, при неизменяющейся быстроте оборотов денег, вся масса бумажных денег имеет такую же стоимость, как вся сумма товаров, находящихся в обращении. Следовательно, стоимость бумажных денег — только отражение всего общественного процесса обращения. В последнем во всякий данный момент все обмениваемые товары функционируют как единая сумма стоимости, как целостность, которой общественным процессом обмена вся сумма бумажных денег противопоставляется, как равная целостность.

Но уже из всего до сих пор сказанного вытекает, что такая чисто бумажно-денежная система не может устойчиво соответствовать тем требованиям, которые предъявляются к орудию обращения. Так как стоимость бумажных денег определяется суммой стоимости товаров, находящихся в сфере обращения во всякий данный момент, а эта сумма подвержена постоянным колебаниям, то и стоимость денег должна претерпевать постоянные колебания. Деньги уже не были бы мерой товарных стоимостей, а, наоборот, их собственная стоимость измерялась бы наличной потребностью обращения; следовательно, при равной неизменной быстроте обращения, стоимостью товаров. Значит, чисто бумажные деньги, в конце концов, должны оказаться невозможными, потому что при них обращение подвергалось бы постоянным пертурбациям.

Рассуждая абстрактно, состояние чистой бумажно-денежной системы можно было бы конструировать следующим образом. Представим себе замкнутое торговое государство, которое в количестве, достаточном для средних потребностей обращения, выпускает государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Сумма выпущенных бумажных денег не увеличивается. Кроме этих бумажных денег, банкноты и т. п. тоже обслуживают потребность обращения: совершенно так же, как при металлической системе. По аналогии с обычным для настоящего времени законодательством об эмиссионных банках, бумажные деньги служат покрытием банкнот, которые вообще покрываются обычными банковыми способами. Раз количество бумажных денег не подлежит увеличению, это обеспечивает их от девальвации. Тогда бумажные деньги, подобно золоту в настоящее время, смотря по обстоятельствам обращения, притекали бы в банк или припасались бы частными лицами, если бы размеры обращения сокращались, и опять приливали бы к обращению, если бы размеры его расширялись. В обращении во всякий данный момент оставался бы как-раз необходимый минимум средств обращения, колебаниям же последнего удовлетворяло бы увеличение или уменьшение количества банковых билетов. Следовательно, стоимость таких государственнных бумажных денег представляла бы величину постоянную. Только если бы рухнул

кредит, и наступил бы денежный кризис, количество наличных бумажных денег могло бы временно оказаться недостаточным, они получили бы лаж, как было с золотом и гринбеками при последнем денежном кризисе в Соединенных Штатах. Но, в действительности, такая бумажно-денежная система невозможна. Прежде всего, эти бумажные деньги были бы действительны только в пределах одного государства; для балансирования международных платежей требуется металл, деньги, обладающие собственной стоимостью. А раз так, то и стоимость денег, обращающихся внутри страны, должна поддерживаться на равном уровне с интернациональными платежными средствами,—иначе были бы неминуемы потрясения торговых сношений. Последнему требованию удовлетворяет, напр., система и политика австрийского денежного обращения, при чем, как оказывается, не представляет никакой необходимости, чтобы металл вступал во внутреннее обращение. И, как-будто, в предвидении этих новых опытов в сфере денежных систем, Маркс писал: „Вся история современной промышленности показывает, что, если бы производство внутри страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие его временно нарушается. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает приостановка платежей со стороны так называемых национальных банков, к которой прибегают во всех крайних случаях, как к единственному средству спасения“. [1]

А потом чистая бумажно-денежная система разбивается на практике о то обстоятельство, что здесь невозможна была бы никакая гарантия, что количество бумажных денег государство не будет увеличивать, Далее, золото, — деньги, обладающие собственной стоимостью,—всегда необходимо, как средство

---

[1] „Капитал“ III², 56. Впрочем, читая некоторые замечания Маркса о проблеме денег, получаешь такое впечатление, как-будто известные выводы, вытекающие из его теории денег, ведут в его сознании борьбу против взглядов, которые навеяны эмпирическим материалом его времени и не могли быть окончательно устранены исключительно логическим способом. Новейшие опыты как-раз подтверждают и последние выводы, которые могут быть сделаны из марксовой теории стоимости и денег.

Если Маркс подчеркивает, что в обращении может быть лишь столько бумажных денег, сколько оно требует золота, то для понимания современных явлений в рассматриваемой области необходимо напомнить, что и само это количество золота, раз стоимость его есть величина данная, во всякий момент определяется общественной стоимостью обращения: если она понижается, то золото отливает из обращения; если наоборот,—то наоборот. При бумажно-денежном обращении и блокированной системе вообще не могло бы происходить этих приливов и отливов к сфере обращения и из нее, потому что необращающийся бумажный знак был бы ведь малоценным. Следовательно, здесь необходимо обратиться, как к определяющему моменту, к стоимости обращения; здесь невозможно удовольствоваться рассмотрением денежного

сбережения богатства в такой форме, что его во всякий момент можно использовать.[1]

Поэтому деньги и денежный материал, обладающий стоимостью, напр., золото, никогда не могут быть полностью заменены в обращении простыми знаками, — иначе ход его будет нарушаться. Поэтому, и при чисто бумажно-денежных системах всегда фактически находятся в обращении и полноценные деньги, напр., для заграничных платежей. Бумагою всегда может быть замещен только тот минимум, ниже которого, как показывает опыт, не опускается обращение. Но этим доказывается в то же время, что стоимость денег, как и товара, отнюдь не мнимая, что она необходимо—величина объективная. Невозможность абсолютно бумажно-денежной системы—убедительное экспериментальное доказательство объективной теории стоимости, и точно также лишь на основе этой теории стоимости могут получить объяснение те своеобразные явления, которые обнаруживаются в чисто бумажных системах и вообще в системах с закрытой чеканкой.

Напротив, рационально заменять полноценные деньги, золото, относительно бесценными знаками в тех размерах, как это допускает минимум обращения. В самом деле, в процессе Т—Д—Т деньги излишни для *содержания* процесса, для общественного обмена веществ,—они только доставляют расходы, от которых можно избавиться.[2] И лишь при том усло-

---

знака, как простого символа золота, что замечается у Маркса в „Kritik der politischen Oekonomie".

Мне кажется, что правильнее всего формулировал Маркс законы бумажного (или с приостановленной чеканкой) денежного обращения, когда он говорит: „Не имеющие стоимости марки суть знаки стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото, а они представляют его лишь постольку, поскольку последнее в виде монеты могло бы само войти в процесс обращения—величина, определяемая собственной стоимостью золота, если даны меновые стоимости товаров и быстрота их метаморфоз („Zur Kritik der politischen Oekonomie", стр. 123). Излишним представляется только тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества монеты и лишь через нее—стоимость бумажных денег. Чисто общественный характер этого определения выступает много яснее, если стоимость бумажных денег выводить непосредственно из общественной стоимости обращения. Что бумажно-денежные системы исторически возникли из металлических систем, это вовсе не основание рассматривать их так и теоретически. Стоимость бумажных денег следует вывести, не прибегая к металлическим деньгам.

[1] Неправильно, поэтому, когда Гельферих говорит: „Рассуждая теоретически, было бы возможно приспособить чистые бумажные деньги к колебаниям потребности народного хозяйства в деньгах и, таким образом, избежать многих нарушений, которые при металлических системах могут возникать из передвижек равновесия между потребностью в деньгах, с одной стороны, и снабжением деньгами, с другой" („Das Geld", стр. 470).

[2] Бумажные деньги—не „дефектные" или „плохие, малоценные" деньги, находясь в обращении в надлежащей пропорции, они нисколько не противоречат экономическим законам. Только неясное понимание последних заставляет большинство „металлистов" относить к самому существу всякой бума-

вии, если бумажных денег находится в обращении именно такое количество, они являются представителями стоимости не товаров, а золота, не товарным, а золотым символом. В этих границах сохраняют свою силу и замечания Маркса: „Поскольку процесс Т—Д—Т представляет лишь единство в движении или непосредственное переплетение двух метаморфозов,—а он как-раз представляется таким в сфере обращения, где функционирует знак стоимости, — меновая стоимость товаров приобретает в цене только идеальное символическое существование, находящее в деньгах просто выражение для себя. Следовательно, меновая стоимость является здесь только мыслимой или материально представляемой, но реальностью обладает она лишь в самих товарах, поскольку в них овеществлено определенное количество рабочего времени. Поэтому, кажется, как-будто знак стоимости непосредственно представляет стоимость товаров, потому что он является не символом золота, а символом меновой стоимости, только выраженной просто в цене и существующей единственно в товаре. Но эта видимость ошибочна. Знак стоимости есть непосредственно только знак цены, следовательно, символ золота, и только окольным путем—знак стоимости товара.

„Золото не продает своей тени подобно Петру Шлемилю, а, напротив, покупает своей тенью. Следовательно, знак стоимости функционирует лишь постольку, поскольку в процессе обращения он представляет цену одного товара по отношению к другому или представляет золото по отношению ко всякому товаровладельцу. Определенная вещь, относительно не имеющая стоимости, — кожа, клочек бумаги и т. д.,—сначала в силу практики делается знаком денежного материала, но утверждается как таковой лишь тогда, когда это бытие в качестве символа гарантируется общею волею товаровладельцев, т. е. когда он приобретает юридически установленное бытие, а потому получает принудительный курс. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом, это—завершенная форма знака стоимости и единственная форма бумажных денег, непосредственно возникающая из металлического обращения или из самого простого товарного обращения".[1]

Предположив чисто бумажные деньги, существующие без восполнения их золотыми, мы, следовательно, опять показали

жно-денежной системы те злоупотребления, которые совершались или прямо преднамеренно, или из незнания теории, и приходить в подлинно суеверный ужас не только перед всяким неразменным государственным билетом, но и перед самыми невинными мелкими разменными банкнотами. Голиафы—но не в области теории—они страшатся Давида, и чем меньше банковый билет, тем больше их ужас.

[1] Markx. „Zur Kritik der politischen. Oekonomie".

невозможность того, чтобы товары непосредственно служили друг другу выражением их собственной меновой стоимости; и здесь обнаруживается необходимость перехода ко всеобщему эквиваленту, каковым может быть только товар, а вместе с тем и стоимость.

Ясно, что если для гарантии правильности монеты требуются общие действия производителей, то еще более необходимо это для бумажных денег. Естественным органом является при этом государство, единственная сознательная организация, которую знает капиталистическое общество, и которая обладает в то же время принудительной силой. Общественный характер денег непосредственно обнаруживается здесь как таковой в общественном регулировании государством. В то же время государственными границами определяются те границы, в которых монета и бумага способны функционировать в обращении. В качестве мировых денег, золото и серебро принимаются по своему весу.

К. Каутский

КРИТИКА ТЕОРИИ ДЕНЕГ ГИЛЬФЕРДИНГА [1]

Прежде всего выслушаем самого Гильфердинга. В своем „Финансовом капитале“ Гильфердинг в следующих словах излагает свою теорию бумажных денег.

„Представим себе прежде всего чистое бумажное обращение (при этом всегда подразумевается государственный принудительный курс). Предположим, что в определенный момент обращение требует 5 миллионов марок, для чего необходимо приблизительно 3.600 фунтов золота. Тогда все обращение приняло бы у нас такое выражение: 5 миллионов марок в Т — 5 миллионов марок в Д — 5 миллионов марок в Т. Если золото заместили бумажными знаками, то что бы ни было напечатано на этих знаках, сумма их, во всяком случае, должна представлять сумму товарных стоимостей, следовательно, в нашем примере—5 миллионов марок. Если отпечатано 5.000 знаков равного достоинства, каждый будет равен 1.000 марок; если же напечатано 100.000 знаков, каждый будет представлять 50 марок. Если при прежней быстроте оборотов сумма товарных цен удвоится, а количество знаков не увеличится, то они будут равнозначущи 10 миллионам марок; если же сумма цен упадет на половину, то они будут равноценны всего $2^1/_2$ миллионам марок. Иными словами: при чистом бумажно-денежном обращении с принудительным курсом, при неизменности времени оборотов, стоимость бумажных денег определяется суммой цен тех товаров, которые должны пройти через сферу обращения; бумажные деньги здесь приобретают полную независимость от стоимости золота и непосредственно отражают стоимость товаров согласно закону, что их общее количество представляет стоимость определяемую формулой.

$$\frac{\text{сумма товарных цен}}{\text{число оборотов одноименных монет}}.$$

Из этого тотчас же видно, что возможно не только обесценение, но и повышение цены денег по сравнению с их первоначальной ценой“ [2].

---

[1] Из ст. Каутского „Золото, бумажные деньги и товар, Neue Zeit, XXX Jahrgang, I Band, 1912 г., рус. перевод в сб. „Деньги и денежное обращение в освещении марксизма“, изд. Н. К. Ф.

[2] Р. Гильфердинг. „Финансовый капитал“, Перевод И. Степанова. Госуд. изд. Москва, 1922 г. Стр. 19—20, в настоящем сб. стр. 52.

Затем Гильфердинг останавливается на опыте различных стран, в которых при прекращении свободной чеканки монет, их стоимость превысила их металлическую стоимость (что должно, по его мнению, подтвердить его взгляды), и приходит к следующим выводам:

„Как и раньше, деньги представляют собой мерило стоимости. Но величина стоимости самого этого „мерила стоимости" определяется уже не стоимостью того товара, из которого оно образовано, не стоимостью золота или серебра или бумаги. Напротив, эта „стоимость" в действительности определяется совокупной стоимостью товаров, находящихся в сфере обращения (причем предполагается неизменная быстрота обращения). Действительное мерило стоимости — не деньги: „курс" самих этих денег определяется тем, что я назвал бы общественно-необходимой стоимостью обращения. И если мы примем во внимание функции денег как платежного средства, то этот курс выразится в формуле: $\frac{\text{сумма товарных стоимостей}}{\text{быстрота оборотов денег}}$ плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых одна и та же монета переменно функционирует то, как средство обращения, то как платежное средство" [1].

Вдумаемся в эти рассуждения.

Уже первое положение содержит зародыши недоразумений. Гильфердинг говорит: „предположим, что в определенный момент обращение требует 5 миллионов марок, для чего необходимо приблизительно 3.600 фунтов золота".

Из этого рассуждения можно было бы заключить, что 5 миллионов марок и 3.600 фунтов золота—две различные вещи. Золото якобы является средством приведения в движение 5 миллионов марок. В действительности же 5 миллионов марок—не что иное, как те же 3.600 фунтов золота,—они тождественны им, да и не могут не быть тождественны. Чего требует обращение, так это 3.600 фунтов золота. И совершенно не имеет значения, что $\frac{1}{1395}$ фунта золота называют маркой, а 3.600—5 миллионами марок.

Этот тезис Гильфердинга, хотя и не совершенно ложен, однако, уже содержит в себе зародыши недоразумений.

Сомнительнее второй тезис: „тогда все обращение приняло бы такой вид: 5 миллионов марок в Т—5 миллионов марок в Д—5 миллионов марок в Т".

Формулой Т—Д—Т Маркс пользуется для характеристики обращения товара. Товаропроизводитель является на рынок

[1] Р. Гильфердинг, цитиров. сочин., стр. 29, в наст. сб. стр. 57.

с товаром Т, представляющим собою определенную ценностную величину.

Он продает этот товар (ценностную величину), обменивает его на определенное количество золота—Д, которое имеет стоимость, равную стоимости товара Т, и на эти деньги покупает снова другой товар, равный по стоимости первому товару, вследствие чего Маркс обозначает этот товар также Т, несмотря на то, что в своем качестве потребительной стоимости он представляет собой нечто совершенно иное, чем первый товар. Отсюда явствует, что Т означает при этом не определенное количество денег, но товара. Когда Маркс хочет Т обозначить конкретно, то он называет определенные товары в их весовом или поштучном выражении—например, 20 аршин холста, 1 сюртук, 40 фунтов кофе, $^{1}/_{2}$ тонны железа. Ему никогда и в голову не приходило сказать: „5 миллионов марок в Т". 5 миллионов марок означает, как мы знаем, лишь определенное, по своему весу исчисленное количество определенного товара—золота. И было бы бессмысленно выражать обмен при обращении товара следующим образом: 1.360 фунтов золота в кофе в обмен на 1.360 фунтов золота в золоте в обмен на 1.360 фунтов золота в железе.

Но еще более сомнительным должно быть признано нижеследующее.

Т—Д—Т есть формула обращения отдельного товара. То же, что хочет демонстрировать Гильфердинг, есть обращение не какого-либо отдельного товара, но общественный оборот всей совокупности (массы) золота и товаров. А этот последний является результатом многочисленных разрозненных процессов обращения, которые самыми разнообразными способами взаимно переплетаются, и совокупность которых не может быть выражена формулой Т—Д—Т, ибо в этой формуле Т по своей стоимости всегда должен быть равен Д. Напротив того, совокупная стоимость находящихся в обращении денег почти никогда не равна сумме стоимостей обращающихся товаров.

Все это Гильфердинг, конечно, понимает не хуже меня. Несколькими строками ниже он сам цитирует формулу Маркса, определяющую количество находящихся в обращении денег. Если, тем не менее, он пользуется формулой—5 миллионов в Т—5 миллионов в Д—5 миллионов в Т—то, очевидно, делает лишь промах, на котором не следовало бы останавливаться, если бы этот промах не явился в дальнейшем источником ошибок.

Гильфердинг продолжает:

„Если золото заменяется бумажными знаками, то, что бы ни было напечатано на этих знаках, их сумма всегда должна представлять собой сумму стоимостей товаров, т. е. в раз-

бираемом нами случае она должна быть равна 5 миллионам марок".

Именно здесь кроется первое грехопадение Гильфердинга, которое порождается неточностью выражений. Поразителен при этом несвойственный Гильфердингу запутанный способ изложения.

„Что бы ни было напечатано на этих знаках".

Почему же он не выражается яснее?

Что, собственно, может быть напечатано на этих знаках? Не цитаты же из немецких классиков, как это делается на модной клозетной бумаге!

На них может быть напечатано одно—что и имеет для нас значение—какое количество золота они представляют. На каждом денежном знаке напечатано, какое количество золота по весу он представляет. Не забудем же этого!

Подобно выражению: „что бы ни было на них напечатано", неясно также и второе выражение: „их сумма должна всегда представлять сумму стоимостей товаров". Сумма денежных знаков (Zettel)? Но, ведь, она не может представлять никакой стоимости. Очевидно, речь идет не о сумме бумажных знаков, но о сумме того количества золота, которое они представляют. Гильфердинг буквально подыскивает туманные, неясные выражения, лишь бы только порвать связь бумажных денег с золотом. А когда это сделано, тогда уже легко сделать решительный шаг и заявить с полнейшим спокойствием как нечто само собой разумеющееся: „их сумма должна всегда представлять сумму стоимости товаров, т. е. она должна равняться в разбираемом нами случае 5 миллионам марок".

„Если золото заменят бумажными знаками", то эти последние будут представителями золота,—определенного количества золота, а отнюдь не товаров. Стало быть, сумма стоимостей, представляемых совокупностью бумажных знаков, всегда должна равняться сумме золота, взамен которого она выступает в обороте. Эта сумма в приводимом Гильфердингом примере равна сумме стоимости циркулирующих товаров, но этим вовсе не сказано, что их сумма представляет сумму стоимостей товаров также тогда, когда эта последняя отклоняется от суммы стоимости золота, которое было бы необходимо для циркуляции товаров,—не совпадает с этой суммой.

Если золото замещено бумажными знаками, то эти последние означают собой определенное количество золота, но не товарных стоимостей. Они означают собой Д, но не Т.

И какое бы количество золота они ни представляли номинально, в действительности, они не могут представить больше золота, нежели того требуют потребности обращения.

На это Гильфердинг, пожалуй, возразит мне: ведь это чистейший педантизм; количество золота, необходимое для

потребностей товарного оборота, зависит от суммы стоимостей товаров, подлежащих обращению; и чем больше эта сумма, тем значительнее необходимое количество золота; при всех же прочих условиях их взаимоотношения будут постоянны.

Маркс сам говорит об этом в „Капитале“: „при таких предпосылках масса средств обращения определяется суммой цен товаров, подлежащих реализации“.

Не говорит ли Гильфердинг о том же самом?

Никоим образом. Ибо Маркс говорит, что это положение правильно лишь при наличии определенных предпосылок.

Аргументация же Гильфердинга настойчиво стремится устранить с дороги как раз эти предпосылки.

„Эти предпосылки“ Маркс формулирует в следующих выражениях: в дальнейшем стоимость золота предположена данной, — неизменно такой, какой она была в действительности в момент определения цены (Preisschätzung).[1]

Напротив, Гильфердинг хочет нам доказать, что бумажные деньги не зависят от стоимости золота, что сумма стоимостей, которую они представляют, определяется прямо и непосредственно стоимостью противостоящей им товарной массы (при одинаковой скорости обращения).

Согласно учению Маркса, стоимость бумажных денег безусловно определяется стоимостью противостоящей им массы товаров, но этот процесс у него протекает при посредстве золота, которое хотя и устраняется из него в своем вещном выражении при бумажно-денежной системе, но, как и прежде, продолжает осуществлять функции мерила стоимости, будучи воображаемым золотом.

Противоречие обоих воззрений ясно выступает в следующей цитате из „Финансового капитала“:

„Мне кажется, что Маркс правильнее всего формулировал законы бумажного (или с приостановленной чеканкой) денежного обращения, когда он говорит: „не имеющие стоимости марки суть знаки стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото; а они представляют его лишь постольку, поскольку последнее в виде монеты могло бы само войти в процесс обращения: величина, определяемая собственной стоимостью золота, если даны меновые стоимости товаров и быстрота их метаморфоз“.[2] Излишним представляется только тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества монет, и лишь через нее—стоимость бумажных денег. Чисто общественный характер этого определения выступает много яснее, если стоимость бумажных денег вы-

---

[1] См. „Капитал“, т. I, 1 отдел 3 главы, стр. 68 (Гос. изд. Москва—1920).

[2] К. Маркс. „К критике политической экономии“, стр. 113, в наст. сб. прим. к стр. 59—60.

водить непосредственно из общественной стоимости обращения. Что бумажно-денежная система исторически возникла из металлических систем,—это вовсе не основание рассматривать их так и теоретически. Стоимость бумажных денег следует выводить, не прибегая к металлическим деньгам". [1]

Разногласие между Марксом и Гильфердингом формулировано здесь ясно. Гильфердинг полагает, что стоимость бумажных денег мы должны суметь вывести вне зависимости от металлических денег. „Muss ist eine harte Nuss". Но в науке не существует („sic volo, sic jubeo") („так хочу, так приказываю"). В ней решает „ratio" („разум"). И поэтому, описанная выше попытка Гильфердинга отделаться от золота не очень убедительна.

Он хочет при определении стоимости бумажных денег устранить из поля зрения золото. Он хочет эту стоимость определить непосредственно товарной стоимостью. Но это ему удается лишь потому, что, сам того не замечая, он молчаливо предполагает, что стоимость товаров измеряется золотом. Иначе говоря, он отождествляет цену и стоимость. Все это построение зиждется на предпосылке, что данное количество марок есть выражение не цены, а стоимости.

Маркс никогда не оспаривал, что сумма цен товаров определяет стоимость находящихся в обращении бумажных денег. Но путь от стоимости к цене, который предлагается Марксом,—поистине „окольный путь".

Гильфердинг же избегает этого „излишнего", окольного пути, отождествляя понятия „цена" и „стоимость". Он совершает грехопадение, трактуя как нечто различное 5 миллионов марок и 3.600 фунтов золота, и заменяет формулу Т — Д — Т другой формулой: 5 миллионов марок в Т — 5 миллионов марок в Д — 5 миллионов марок в Т.

Маркс говорит: при предположении, что дана стоимость золота, т. е. дана, как постоянная величина, масса средств обращения определяется суммой цен товаров, подлежащих реализации [2].

Гильфердинг же, наоборот, заявляет, что сумма денежных знаков „всегда должна представлять сумму стоимостей товаров,— иначе говоря, в указанном выше случае она должна быть равна 5 миллионам марок". Эти пять миллионов марок не являются суммой стоимостей—они сумма цен. Стоимость определяется ко-

---

[1] Р. Гильфердинг. Цитированное сочинение. Стр. 43, примечание.

[2] Маркс. „К критике политической экономии", стр. 110. В точности здесь говорится:

„При определении цен самих товаров стоимость того количества золота, которое служит единицей меры, или стоимость золота предполагается данной. При этом условии количество золота, необходимое для обращения, определяется прежде всего общей суммой цен товаров, которые должны быть реализованы".

личеством общественно-необходимого рабочего времени. И если в массе товаров содержится общественно-необходимого рабочего времени—5 миллионов рабочих часов, то таковой и будет величина их стоимости. Если-же в течение одного рабочего часа будет добыто $\frac{1}{1395}$ фунта золота и если, далее, мы обозначим это количество золота маркой, то сможем сказать, что сумма ценности товарной массы исчисляется в 5 миллионов марок. В сущности, это не сумма стоимостей, но сумма цен, т. е. определенная ценностная величина, выраженная в определенном количестве золота, на которую она выменивается.

Понятия „цена“ и „стоимость“ не покрывают друг друга, но, простоты ради, в теории можно приравнять одно из них к другому. При этом, однако, не следует ни на минуту забывать, что выражение стоимости в деньгах предполагает данной стоимость последних и, что без этого предположения оно бессмысленно.

Правильнее же всего такое выражение (стоимость в деньгах) обозначать понятием „цена“.

Почему же Гильфердинг говорит о сумме стоимостей, вместо того, чтобы говорить о сумме цен? Сумма стоимостей товаров дана сама по себе, она не зависит от стоимости золота. Сумма же цен товаров предполагает не только определенную стоимость товаров, но и определенную стоимость денег. Отождествляя сумму стоимостей с суммой цен, он логически приходит к утверждению, что цена так же, как и стоимость товаров не зависит от определенной стоимости денег.

Подобным отождествлением стоимости и цены он уже создал необходимые предпосылки своей теории. Он продолжает:

„Если напечатать 5.000 одинаковых денежных знаков, то каждый из них будет равен 1.000 марок; если же будет напечатано 100.000, то каждый из них будет равен 50 маркам. Если сумма цен товаров при неизменной быстроте обращения и при неизменном количестве знаков удвоится, то эти знаки будут равнозначущи 10 миллионам марок; если же сумма цен упадет вдвое, то при тех условиях они будут равнозначущи всего лишь $2^1/_2$ миллионам“.

Здесь, как мы видим, исчезла всякая связь между деньгами и золотом. Мы имеем дело, с одной стороны, с товарной массой, с другой-же стороны, с общим количеством денежных знаков. От стоимости этой товарной массы и от количества знаков зависит, какой величиной выражается стоимость каждого из них. Золото совершенно исчезает из поля зрения.

И все-же, несмотря на это, этот назойливый металл все время пролезает также и в это прекрасное бумажное хозяйство.

С чем мы имеем дело по предположениям Гильфердинга?

С массой стоимостей, с грудой товаров, представляющих собой, может быть, 5 миллионов рабочих часов, и с суммой „однотипных“ знаков, („eine Menge gleichbedrückter Zettel“). Эти последние, сами по себе взятые, не имеют стоимости. Каждый из них приобретает свою стоимость вследствие дарованной ему государством монополии приводить в обращение товары. Стоимость каждого из них определяется стоимостью товаров, которые он обращает. Если имеется 5.000 знаков, то на долю каждого из них падает стоимость 1.000 часов рабочего времени. Если на лицо 100.000—то 50 часов рабочего времени.

В такой форме бумажное обращение было-бы лишь плохим повторением утопии рабочих денег.

Об этой последней Маркс говорит следующее:

„Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени,—почему, например, ассигнация не представляет и рабочих часов, сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как товарная форма продуктов уже представляет необходимость раздвоения их на товары вообще и денежный товар. Таков-же по своему характеру вопрос, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как его противоположность“.[1]

Гильфердинг уклоняется от неприятной необходимости ответа на эти вопросы, выражая величину стоимости не в рабочих часах, но в марках. Он может, конечно, вертеться и изворачиваться, как он хочет,—но от этого марка не перестает означать собой определенное количество золота.

А как только мы введем в круг разбираемых вопросов золото, вся проблема вновь приобретает точно определенный смысл.

Гильфердинг исходит из стоимости товаров в 5 миллионов марок. Это— определенная величина воображаемого золота, если только мы будем под маркой разуметь $\frac{1}{1395}$ фунта золота. В таком случае, мы имеем товаров круглым счетом на 3.600 фунтов золота. Если-же он предполагает, что для обращения этого количества товаров необходимо равное количество золота, то опять таки мы будем иметь дело с 3.600 фунтами золота, но на этот раз уже в их материальном воплощении.

Если-же эти 3.600 фунтов золота будут замещены представляющими их денежными знаками, то и в этом случае их

[1] К. Маркс. „Капитал“. Т. I, гл. 3, примечание 55. Перевод под редакцией В. Базарова и И. Степанова, переработанный И. Степановым. Москва. Гос. изд. 1922 г., стр. 63.

сумма равна также 3.600 фунтов золота, как-бы ни было велико количество этих знаков. Каждый из них отпечатан с указанием что он равен определенному количеству золота,—что он стоит 50, 100 или 1.000 марок. Иного смысла это не имеет, да и не может иметь. Если подобного рода ассигнаций будет выпущено в оборот больше, чем это требуется, если на рынок будет выброшено больше „представителей“ золота, нежели в том случае, если-бы вместо них обращалось самое золото,—то все-таки сумма денежных знаков будет равна только стоимости количества золота, потребного для обращения.

Если оборот требует 5 миллионов марок в золоте и в то же время на рынок будет выброшено количество бумажных денег, представляющее собой в золоте 10 миллионов марок, то каждая двадцатимарковая ассигнация будет стоить всего лишь одну золотую крону, и за нее не удастся купить больше товаров, чем на эту последнюю.

Иначе, ведь, не истолкуешь тезиса: „если напечатано 5.000 одинаковых денежных знаков, то каждый из них будет равен 1.000 марок; если же их будет напечатано 100.000, то стоимость каждого из них будет равна 50 маркам“.

О каких-же марках может итти здесь речь, как не о золотых марках?

На-ряду с маркой бумажной существует только золотая марка, или, во всяком случае, марка, выраженная в воображаемом золоте. Одна же бумажная марка всегда равноценна одной бумажной марке. И, значит, в заявлении, что 100 бумажных марок равноценны лишь 50 маркам, под этим последним нельзя понимать ничего иного, как только 50 золотых марок.

Где в обращение бросается бумажных денег больше того количества, какое соответствует потребностям оборота в золотых деньгах, там—при принудительном курсе бумажных денег—товарные цены раздваиваются—на золотые цены и цены в бумажных деньгах.

Именно это отрицает Гильфердинг.

Он приходит к формулировке следующего закона:

„При чистом бумажно-денежном обращении с принудительным курсом, при неизменной быстроте обращения, стоимость бумажных денег определяется суммой товарных цен, долженствующих быть реализованными в обороте; в этом случае бумажные деньги с о в е р ш е н н о н е з а в и с и м ы о т с т о и м о с т и з о л о т а и непосредственно отражают стоимость товаров“.

Стало быть, стоимость денег по Гильфердингу определяется суммой товарных цен.

Но как же определяется сама эта сумма товарных цен? Очевидно, стоимостью денег. Немыслимо говорить о том, что товар стоит 10 марок, прежде чем не установлено, какую стоимость представляют 10 марок. По Гильфердингу же стои-

мость денег при бумажно-денежном обращении определяется стоимостью товаров, установленной по сравнению с стоимостью денег. (Der Wert des Geldes bei Papierwährung wird bestimmt durch den mit dem Werte des Geldes verglichenen Wert der Waaren). В этот безусловно порочный круг (circulus vitiosus) Гильфердинг мог попасть, однако, только смешав понятия стоимости и цены. Таким образом, могла возникнуть видимость, будто, прежде чем столкнуться с деньгами, товары уже обладают не только определенной стоимостью, но и определенной ценой,— что означает, будто они находятся в определенном меновом соотношении с деньгами, стоимость которых еще вовсе не известна. Если бы это было правильно, то естественно из стоимости товара могла бы быть выведена стоимость денег, и эти последние „непосредственно отражали бы стоимость товаров“.

Каким образом товары приобретают цену прежде, чем установлена стоимость денег—этого секрета Гильфердинг не выдает.

Но именно этот момент решает весь вопрос.

Не ответив на него, он приходит к выводу, что при ограниченном денежном обращении (т. е. при металлическом денежном обращении с закрытой чеканкой), стоимость денег, как мерила стоимости, определяется не стоимостью товара который их образует, она определяется, по его мнению, тем, что называется „общественно-необходимой стоимостью обращения. (Gesellschaftlich notwendige Cirkulationswert), которая выражается формулой: $\frac{\text{сумма стоимостей товаров}}{\text{быстрота обращения денег}}$ = стоимости суммы денег (мы оставляем в стороне платежи и не рассматриваем их, дабы без нужды не усложнять вопроса).

Эта формула создана в подражание Марксовой формуле: $\frac{\text{Сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименных денежных знаков}}$ = массе функционирующих как средство обращения денег.

Обе формулы с виду говорят как будто об одном и том же. Но, по существу, они совершенно отличаются друг от друга.

Маркс исходит из суммы цен товаров, т. е. из суммы их стоимости, выраженной в определенном количестве денег (скажем—марок). Для примера допустим, что сумма цен товаров, реализуемых в течение дня на рынке, равна 5 миллионам марок. Эту цифру следует разделить на среднее число оборотов одноименных денежных знаков в течение того же дня. Так как цена товаров выражается в марках, то и здесь пришлось бы иметь дело с маркой, причем не имеет значения, сколько одномарочных, двадцатимарочных и т. п. денежных знаков находится в обращении. Если мы предположим, что

каждый из денежных знаков в течение дня, участвуя в сделках купли-продажи, обращается пять раз, то потребуется миллион денежных знаков для осуществления указанных сделок купли-продажи.

При этом мы исходим из предположения, что стоимость денег, стоимость одной марки неизменна.

Сумма цен товаров и быстрота обращения денег изменяют не стоимость отдельного денежного знака, но число находящихся одновременно в обороте денежных знаков.

Все это просто и ясно.

Напротив, как уже говорилось выше, при формулировке Гильфердинга, сумма стоимостей товаров должна превратиться в сумму их цен прежде, чем установлена стоимость денег.

Но для того, чтобы определить стоимость суммы денег, а затем отдельного денежного знака, необходимо принять в расчет быстроту их обращения, которая определяется числом сделок, осуществляемых в определенный промежуток времени. Это означает, что, согласно гильфердинговской формуле, деньги должны выступить сначала как мерило стоимости и затем как орудие обращения еще до того, как установлена их стоимость, которая только и делает их способными быть мерилом стоимости и орудием обращения.

В самом деле. Сначала продавец определяет цену своего товара. После этого товар продается за установленное им количество денег. И только после этого, т. е. в результате всей этой операции, устанавливается по Гильфердингу то, какова стоимость каждого денежного знака в отдельности! Стоимость денег, подлежащая установлению до начала циркуляции товаров и обмена товара на деньги, оказывается, таким образом, по теории Гильфердинга, результатом обмена!

Если я правильно понял Гильфердинга,—а я не знаю, как могла бы быть понята его теория иначе,—то, должен сказать, она изумительна по своей природе.

Но исторически она не совсем непонятна. Она не просто взята с потолка; она является попыткой объяснить определенные явления, над которыми теоретики денежного обращения трудятся в поте лица в течение десятилетий и которые особенно живо интересуют Гильфердинга—ибо опыт, проделанный с денежным обращением на его родине, играет весьма крупную роль среди указанных явлений. Его теория определения стоимости денег общественно-необходимой стоимостью обращения, теория полной независимости стоимости денег от стоимости золота является поистине австрийской теорией.

Уже с 70-х годов прошлого столетия стоимость серебра начала быстро падать. Это внесло большое замешательство в денежное обращение всех тех государств, которые к тому времени еще не ввели золотой валюты.

Среди стран, в которых в то время господствовала серебряная валюта, были Австрия и Индия. Обе эти страны пытались найти выход из положения путем прекращения свободной чеканки серебряной монеты. Число серебряных монет, циркулировавших в этих странах, было ограничено известными пределами. В обоих странах в результате этих мероприятий цена серебряной монеты освободилась от стоимости содержащегося в ней металла и превысила ее.

Эти явления объясняются Гильфердингом тем, что наличное количество серебряных денег при данной стоимости металла не удовлетворяло потребности товарного обращения. Он думал при этом, что если сумма товаров требует 700 миллионов серебряных гульденов, а в обороте их имеется всего лишь 600 миллионов, то каждый из этих серебряных гульденов будет стоить семь шестых стоимости серебра, содержащегося в серебряном гульдене.

Это, по мнению Гильфердинга, доказывает, что при ограниченном денежном обращении стоимость денег определяется не собственной стоимостью денег, но общественно-необходимой стоимостью обращения.

Факты, на которые он ссылается, не могут быть оспариваемы. Путем прекращения свободной чеканки серебряной монеты действительно удалось увеличить ее курс сверх стоимости содержащегося в ней серебра.

Но при каких обстоятельствах это произошло?

Это произошло в то время, когда введение золотого обращения было неизбежно. Экономические отношения стран с серебряной валютой со странами, имевшими золотую валюту, по мере хозяйственного развития все более суживались. На ряду с серебром золото приобретало все большее значение также и в указанных выше странах с серебряной валютой. При таких обстоятельствах для золота оказывалось совершенно невыносимым положение, при котором было совершенно нарушено прежнее достаточно устойчивое соотношение между стоимостью золота и серебра, вследствие непрерывного падения стоимости последнего. Противостоять этому оказывалось невозможным, вследствие чего была прекращена свободная чеканка серебряных монет.

Вот, что говорит Гильфердинг по поводу прекращения свободной чеканки серебряной монеты в Индии в 1893 году:

„Целью прекращения свободной чеканки серебра было повысить курс рупии до 16 пенсов. При свободной чеканке этот курс соответствовал бы цене серебра почти в 43,05 пенса. Другими словами, при такой цене серебро, содержащееся в одной рупии, будучи превращено в слиток и продано на лондонском (мировом) рынке, доставило бы 16 пенсов“.[1]

---

[1]. Р. Гильфердинг. Цитиров. сочин. стр. 27.

К моменту прекращения свободной чеканки для частных лиц, цена серебра составляла 38 пенсов, а курс рупии $14^7/_8$ пенса. После того, как в 1893 году была прекращена свободная чеканка, в конце концов, в 1897 году цену рупии удалось поднять до 16 пенсов, в то время как содержавшееся в ней серебро стоило всего 8,87 пенса.

Ну, а пенс—английская монета, золотая монета! Курс индийской рупии является, следовательно, ее ценой, выраженной в золоте! О серебряных деньгах в данном случае так же, как и о деньгах бумажных, никоим образом недопустимо утверждение, что они „совершенно не зависят от стоимости золота и непосредственно отражают стоимость товаров.“ Эти деньги независимы от ценности собственного металла, и потому именно, что серебро, как мерило стоимости, вытесняется другим благородным металлом. Вопрос сводился просто к тому, чтобы фиксировать соотношение между серебряными деньгами и английским золотом, чем пытались добиться того, чтобы количество находящихся в обращении в Индии серебряных монет было ограничено определенными рамками. Но эта мера никому не приходила бы в голову и была бы просто невозможна, если бы единственными деньгами в Индии были серебряные деньги. Она стала возможна, более того, желательна, потому, что золото все более и более вытесняло серебро, прежде всего как мерило стоимости, и все сильнее ограничивало его функции в качестве простого средства обращения, т. е. в сущности сводило его к роли разменной монеты.

Разменная же монета функционирует лишь как средство обращения, но не как мерило стоимости. Стоимость серебряной разменной монеты выше стоимости содержащегося в ней металла; однако, никто не станет утверждать, что вследствие этого деньги вообще не имеют собственной стоимости, что не эта собственная их стоимость определяет товарные цены и, вместе с тем, количество необходимых для товарного оборота денежных знаков. Во всяком же случае, серебряные деньги—и с ограничением свободной чеканки—не превратились вполне в разменную монету. Это ограничение чеканки являлось лишь переходным периодом для введения в Австрии и Индии золотого обращения. Как здесь, так и там золото является законным мерилом стоимости.

Стало быть, опыты ограничения серебряной валюты никоим образом не доказывают, что стоимость денег, как мерила стоимости определяется общественно-необходимой стоимостью обращения, а не собственной их стоимостью, которой они обладают в качестве металла на подобие прочих товаров. Доказать это подобными опытами, можно было бы только в том случае, если бы таковые были более длительны и не вызывали значительных нарушений в обращении тех стран,

в которых ограниченная металлическая валюта была бы единственным мерилом стоимости. До тех же пор, пока не было и нет ни одного примера длительно-ограниченного золотого обращения, я не считаю себя обязанным пересматривать воззрения на деньги, как на мерило стоимости, которые развиты Марксом в „Капитале“, где говорится:

„Хотя для отправления своей функции, как меры стоимостей деньги служат, будучи лишь мысленно представляемыми, тем не менее цены товаров всецело зависят от реального денежного материала“.[1]

Маркс высмеивает сторонников „безтолковой“ количественной теории, которые полагают, что товары попадают в оборот без цены, а деньги без стоимости, а после этого некая часть „товарной каши“ обмениваются на некую часть „металлической горы“.

Гильфердинг повторяет это суждение Маркса. Но разве оно не подходит к его собственной теории общественно-необходимой стоимости обращения? Ведь у него деньги тоже выступают в оборот без стоимости, и хотя, по его мнению, товары вступают в оборот с ценами, но это происходит только потому, что он попросту (ohne weiteres) обозначает их ценность как цену. В конце концов, Гильфердинг сам начинает сомневаться в своей теории. Он замечает:

„Подобная чисто бумажная валюта не может на долгое время соответствовать тем требованиям, которые предъявляются к ней как к средству обращения. Так как ее стоимость определяется суммой стоимостей товаров, находящихся в данное время в обращении, а эта последняя подвержена непрерывным колебаниям, то стоимость денег также будет неизменно колебаться. Деньги уже не были бы больше мерой товарных стоимостей, а наоборот, их собственная стоимость измерялась бы изменчивой потребностью обращения,— следовательно,— при одинаковой быстроте обращения—стоимостью товаров. Стало быть, чисто бумажные деньги невозможны для длительного периода времени, ибо вследствие этого оборот был бы подвержен непрерывным пертурбациям“.[2]

Другими словами: общественно-необходимая стоимость обращения есть ни что иное, как общественно-вредное, притом постоянное нарушение обращения.

Поэтому лучше пойдем по „окольному пути“ Маркса.

---

[1] К. Маркс. „Капитал“. Т. I, глава III. Цитиров. изд., стр. 65.
[2] Р. Гильфердинг. Цит. соч. стр. 41, в наст. сб. стр. 58.

ЛИТЕРАТУРА К I и II ГЛАВАМ

Маркс, К. „К критике политической экономии".
„ „Капитал" I, гл. 2 и 3; III², гл. 33—36.
Сборник: „Деньги и денежное обращение в освещении марксизма."
Преображенский, Е. „Бумажные деньги в эпоху пролет. диктатуры".
„ „Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле".
Сокольников Г. „Финансовая политика революции".
Трахтенберг, И. „Бумажные деньги".
Финн-Енотаевский.—Статьи в №№ 7—8 „Новых идей в экономике".
Kautski, K. „Die proletarische Revolution und ihre Programm".
Гильфердинг, Р. „Финансовый капитал".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Д. Рикардо

ВЫСОКАЯ ЦЕНА СЛИТКОВ[1]

(The high price of Bullion)

Наиболее выдающиеся экономисты придерживались того взгляда, что в период, предшествовавший организации банков, драгоценные металлы, употребляемые для обращения товаров во всем мире, распределялись в известных пропорциях между различными цивилизованными нациями соответственно состоянию торговли и богатства каждой из них и, следовательно, соответственно числу и частоте платежей, которые им необходимо было производить. Будучи распределены таким образом, металлы повсюду сохраняли одну и ту же ценность и так как каждая страна действительно нуждалась в том количестве металла, которое она имела в обращении, то не могло быть соблазна на ввоз или на вывоз металла.

Золото, серебро, подобно другим товарам, имеют внутреннюю ценность, которая не отличается характером случайности, но зависит от их редкости, от количества затраченного труда и от ценности капитала, употребленного в рудниках на их производство.

„Свойства полезности, красоты и редкости,—говорит д-р Смит,—представляют первоначальную основу высокой цены этих металлов или возможности их всюду обменять на значительное количество других товаров. Эта ценность предшествовала их употреблению в качестве монеты и, будучи независимою от последнего, является сама качеством, которое сделало драгоценный металл пригодным для этого назначения“.

Если бы употребляемое во всем мире количество золота и серебра было чрезмерно мало или излишне велико, то это обстоятельство не оказало бы нисколько влияния на те пропорции, в которых эти металлы распределялись бы между различными странами и, изменение в их количестве оказало бы лишь то действие, что товары, на которые они обмениваются

---

[1] Сокращенный перевод С. Губермана с 4 издания. „Высокая цена слитков является доказательством обесценения банкнот“—появилась в виде брошюры в 1809 году и представляла собой переработанные статьи Рикардо, печатавшиеся в том же 1809 году в „Morning Chronicle“. Статьи были откликом на ненормальные явления в денежном обращении Англии, вызванные прекращением размена банковых билетов на золото в период наполеоновских войн. *Л. Э.*

стали бы сравнительно дорогими или дешевыми. Меньшее количество денег выполняло бы функцию орудия обращения столь же хорошо, как и более значительное. Десять миллионов годились бы для этой цели совершенно так же, как и сто миллионов. Д-р Смит замечает, что „наиболее богатые рудники драгоценных металлов прибавили бы очень мало к мировому богатству. Продукт, ценность которого, главным образом, зависит от его редкости, неизбежно обесценивается благодаря изобилию его".

Если богатство одной нации возрастает быстрее, чем богатство других, то первая будет нуждаться в более значительном количестве мировых денег и действительно приобретет его. Торговля, товары и платежи этой нации увеличатся, и все мировое денежное обращение распределится соответственно новым пропорциям. Все страны поэтому будут в известной степени содействовать удовлетворению этого действительного спроса.

Таким же образом, если какая либо нация растратит часть своего богатства или потеряет часть своей торговли, то она не в состоянии будет удержать за собой того же количества средств обращения, каким она владела раньше. Часть денег будет вывезена и распределена между остальными нациями так что обычные пропорции восстановятся.

Пока относительное положение стран продолжает оставаться неизменным, они могут вести между собой обширную торговлю, но их экспорт и импорт в целом останутся одинаковыми.

Англия могла бы ввести больше товаров из Франции, чем вывести туда, но вследствие этого она вывезла бы больше товаров в другую страну, а Франция ввезла бы больше товаров из этой же страны; таким образом, ввоз и вывоз всех стран взаимно уравновесился бы; необходимые платежи были бы произведены при помощи векселей, но деньги не уходили бы из одной страны в другую, потому что их ценность во всех странах была бы одинакова.

Если бы в какой либо из этих стран был открыт золотой рудник, то ценность средств обращения этой страны понизилась бы вследствие увеличения количества поступивших в обращение драгоценных металлов и поэтому эти средства обращения перестали бы иметь ту ценность, которую они имели бы в других странах; подчиняясь закону, регулирующему все остальные товары, золото и серебро в монете или в слитках сделались бы немедленно предметом вывоза. Эти металлы оставляли бы страну, в которой они являются дешевыми и переходили бы в те страны, в которых они дороги, при том это продолжалось бы до тех пор, пока рудник оставался бы производительным и пока не установилась бы снова та пропорция, которая существовала между

капиталом и деньгами до открытия рудника и пока золото и серебро не восстановили бы всюду одинаковую ценность. Взамен вывезенного золота ввозились бы товары и хотя то, что обычно определяется как торговый баланс было бы против страны, вывозящей золото, но, очевидно, что она вела бы наиболее выгодную торговлю, вывозя то, что ей не нужно в обмен на те товары, которые могут быть употреблены для расширения промышленности и возрастания ее богатств.

Если бы вместо открытия рудника в какой либо стране был организован банк, подобно Английскому банку, с правом выпуска своих банкнот в качестве средств обращения, то после большого выпуска их, путем ли ссуды торговцам или авансов правительству,—что значительно увеличило бы сумму средств обращения—наступили бы те же последствия, как и в случае открытия рудника. Средства обращения понизились бы в ценности, а ценность товаров пропорционально повысилась бы. Равновесие между данной страной и другими восстановилось бы единственно благодаря вывозу известной части монеты.

Поэтому, подобно открытию рудника, организация банка и, в результате этого, выпуск банкнот действуют, как причина вывоза слитков или монеты и являются выгодными лишь постольку, поскольку эта цель достигается. Банк заменяет наиболее дорого стоящие средства обращения неимеющими никакой ценности и дает нам возможность превратить драгоценные металлы,—которые хотя и представляют необходимую часть нашего капитала, но не приносят никакого дохода,—в капитал, который принесет доход. Д-р Смит сравнивает выгоды, сопровождающие учреждение банка, с теми, которые были бы получены путем превращения наших дорог в пастбища и поля и проведения дороги в воздухе. Подобно монете, дороги в высшей степени полезны, но они никогда не приносят дохода. Часть населения могла бы встревожиться тем, что металлы оставляют страну и рассматривала бы это, как невыгодную торговлю, в которой мы вынуждены участвовать. Закон действительно рассматривает эту торговлю именно так, принимая меры против вывоза металла; но достаточно незначительного размышления, чтобы убедиться, что вывоз металла заграницу является нашим выбором, но не нашей необходимостью и что нам в высшей степени выгодно обменивать излишний для нас товар на другие товары, которые могут быть применены производительно.

Вывоз металла может быть всегда безопасно предоставлен усмотрению отдельных лиц; не будет вывезено металла более, чем всякого другого товара, если его вывоз не окажется выгодным для страны. Если же вывоз металла будет выгоден, то никакой закон не в состоянии действительно преду-

предить его. К счастью, в этом случае, как и в большей части других, при существовании свободной конкуренции интересы отдельного лица и всего общества никогда не расходятся между собой.

Если бы было возможно осуществить строгое исполнение закона против переплавки или вывоза монеты, при существовании в то же время свободного вывоза золотых слитков, то подобный закон не принес бы никакой пользы, а, напротив, послужил бы источником большой несправедливости по отношению к тем, кому пришлось бы выплачивать, быть может, две или более унции золота в монете за одну унцию золота в слитках. Это являлось бы действительным обесценением наших средств обращения, которое повысило бы цены всех других товаров на ту же пропорцию, на которую оно увеличило бы цену золотых слитков. Владелец монеты подвергался бы, в подобном случае, такой же несправедливости, как и тот владелец хлеба, которому закон воспретил бы продавать свой хлеб дороже, чем за половину его рыночной ценности. Закон против вывоза монеты имеет именно эту тенденцию, но его обходят с такою легкостью, что золото в слитках имеет всегда приблизительно такую же ценность, как и золото в монете.

Итак, оказывается, что средства обращения данной страны никогда не могут в течение продолжительного времени сохранять более высокую ценность,—поскольку речь идет о равных количествах драгоценного металла,—чем средства обращения другой страны; что излишек средств обращения есть только относительное понятие и что, если бы обращение Англии равнялось 10 миллионам, Франции—5 миллионам, Голландии—4 миллионам и т. д. и т. д., то пока сохранялись бы между ними прежние пропорции, количество средств обращения каждой страны могло бы удвоиться или утроиться, но ни одна из этих стран не сознавала бы излишка средств обращения. Цены товаров, вследствие увеличения количества средств обращения, повысились бы всюду, но ни одна страна не прибегла бы к вывозу денег. Но если бы эти пропорции были нарушены в одной лишь Англии вследствие удвоения количества ее средств обращения, в то же время, как количество средств обращения Франции, Голландии и т. д. оставалось бы неизменным, то мы сознавали бы тогда излишек средств обращения и по той же причине другие страны чувствовали бы недостаток в них, и часть нашего излишка стала бы вывозиться, пока пропорции 10, 5, 4 и т. д. снова не восстановились бы.

Если бы унция золота имела более высокую ценность во Франции, чем в Англии, и обменивалась бы на большее количество общих обоим странам товаров, то золото немедленно стало бы оставлять Англию с целью этого обмена и мы

предпочли бы вывоз золота вывозу всякого другого товара, потому что он являлся бы самым дешевым товаром на английском рынке; ибо если бы золото было дороже во Франции, чем в Англии, то другие товары были бы в первой дешевле, и мы поэтому не посылали бы их с дорогого рынка на дешевый, а, наоборот, они переходили бы в обмен на наше золото с дешевого на дорогой рынок.

Банк может продолжать выпуск своих банкнот, а металл может с выгодой вывозиться из страны, пока банкноты остаются разменными по предъявлению на металл, так как банк никогда не мог бы выпустить банкнот более, чем на ценность монеты, которая обращалась бы в стране при отсутствии банка.[1]

Если бы банк пытался превзойти это количество, то излишек банкнот немедленно возвратился бы к нему для размена на металл, так как наши средства обращения вследствие этого, уменьшившись в своей ценности, начали бы вывозиться с выгодой и не могли бы быть удержаны в нашем внутреннем обращении. Таковы, как я уже объяснил выше, те способы, посредством которых наше обращение стремится притти в равновесие с обращением других стран.

Как скоро будет достигнуто это равновесие, прекратится всякая выгода от вывоза; но если банк, исходя из того предположения, что в прошлом году было необходимо определенное количество средств обращения и поэтому это же количество должно быть необходимо в данный период, или, исходя из какого либо другого основания, будет продолжать выпускать возвратившиеся к нему банкноты, то снова возобновится действие того же стимула, который, вследствие излишка средств обращения, привел к вывозу металла; снова возникает спрос на золото, вексельный курс сделается неблагоприятным и цена золотых слитков повысится несколько над их монетной ценой, так как закон допускает вывоз слитков, но запрещает вывоз монеты и разность этих двух цен будет приблизительно соответствовать достаточному вознаграждению за риск.

Таким образом, если бы банк упорствовал в возвращении своих банкнот в обращение, то из его кладовых было бы извлечено все до последней гинеи.

Если бы с целью пополнения недостатка своих запасов золота, банк начал покупать золотые слитки по более высокой цене и перечеканивал бы их в гинеи, то это не помогло бы несчастью; спрос на гинеи не прекратился бы от этого,

[1] Строго говоря, количество банкнот могло бы несколько превысить это количество, так как по мере увеличения банком количества мировых средств обращения, Англия удерживала бы за собой свою долю увеличившегося количества средств обращения.

но вместо вывоза, гинеи стали бы переплавляться и продаваться банку в качестве слитков по более высокой цене. „Операция банка“, заметил д-р. Смит, намекая на случай, аналогичный этому, „были бы в этом отношении немного похожи на ткань Пенелопы—дело, сделанное в течение дня, уничтожалось бы в течение ночи.“ Тот же взгляд выражает Торнтон: „Находя, что гинеи в кладовых банка с каждым днем уменьшаются, естественно предположить, что банк имел бы желание заместить их всеми действительными и не чрезвычайно дорогими способами. Он был бы до известной степени расположен покупать золото, хотя и по невыгодной цене и перечеканивать его в новые гинеи; но это он станет делать как раз в то время, когда много лиц частным образом превращают в слитки то, что было вычеканено. Одна сторона в таком случае переплавила бы металл, продавая его, а другая покупала бы, обращая его в монету. И каждая из этих двух противоположных операций будет происходить в этом случае не с целью действительного вывоза каждой переплавленной гинеи в Гамбург, но вся операция или, по крайней мере, большая часть ее, ограничится пределами Лондона, так как те, которые чеканят из слитков гинеи и те, которые плавят гинеи в слитки, живут в одном и том же месте и дают постоянную работу друг другу.“

„Если мы предположим,—продолжает Торнтон,—как мы это делали сейчас, что банк ведет такого рода борьбу с теми, кто плавит гинеи, то он, очевидно, осмеливается на весьма неравный бой и, если бы даже банк не устал скоро, то он, конечно, устал бы скорее, чем его противники“.

Поэтому банк был бы, в конце концов, вынужден прибегнуть к единственному, находящемуся в его власти средству, чтобы прекратить спрос на гинеи. Он начал бы извлекать из обращения часть своих банкнот до тех пор, пока ценность оставшихся в обращении не возросла бы до уровня ценности золотых слитков и, следовательно, до уровня ценности средств обращения других стран.

Вся выгода от вывоза золотых слитков прекратилась бы тогда, и не было бы больше соблазна к размену банкнот на гинеи.

Итак, с этой точки зрения оказывается, что соблазн вывозить деньги в обмен на товары или то, что определяется, как неблагоприятный торговый баланс, возникает исключительно благодаря излишку средств обращения. Но Торнтон, который рассматривает этот предмет слишком пространно, предполагает, что неблагоприятный баланс может быть обусловлен в данной стране плохим урожаем и вследствие этого ввозом хлеба; он полагает, что в то же время страна, которой мы должны за хлеб, может не иметь желания принять наши товары в виде платежей; вследствие этого наш долг этой стране

должен быть уплочен из той части нашего обращения, которая состоит в монете, а это повысит спрос на золото и увеличит его цену. Он полагает, что банк оказывает торговцам значительную помощь тем, что он заполняет банкнотами ту пустоту, которая возникла бы благодаря вывозу металла.

Так как Торнтон признает во многих местах своего произведения, что цена слитков золота определяется золотою монетою, и так как он соглашается с тем, что закон против переплавки золотой монеты в слитки и против вывоза ее обходится весьма легко, то отсюда следует, что никакой спрос на слитки золота, от какой бы причины он не происходил, не может повысить монетной цены этого товара. Ошибочность этого рассуждения происходит от того, что он не проводит различия между повышением ценности золота и возрастанием его денежной цены.

Если бы имел место большой спрос на хлеб, то его денежная цена возросла бы, потому что, сравнивая хлеб с деньгами, мы в действительности сравниваем его с другими товарами, и по той же причине, когда имеется значительный спрос на золото, то его хлебная цена должна возрасти; но ни в коем случае один бушель пшеницы не может стоить дороже, чем другой бушель пшеницы, или одна унция золота дороже другой унции золота. Каков бы ни был спрос на золото в слитках, одна унция этого золота не может иметь большей ценности, чем одна унция золота в монете или 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ п., пока цена золота в слитках определяется золотой монетой.

Если бы этот аргумент не казался убедительным, то я настаивал бы на том, что предполагаемая в данном случае *пустота* в обращении может возникнуть единственно благодаря уничтожению или ограничению бумажного обращения и что она быстро была бы заполнена ввозом слитков, возрастание ценности которых, вследствие уменьшения количества средств обращения, неизбежно привлекала бы их к выгодному рынку. Как бы ни был велик недостаток в хлебе, вывоз денег был бы ограничен благодаря увеличению их редкости. Деньги являются настолько предметом всеобщего спроса и при настоящем положении цивилизации значение их для торговых сделок столь существенно, что они никогда не станут вывозиться в лишнем количестве. Даже во время войны, подобно настоящей, когда наш неприятель стремится запретить всякую торговлю с нами, ценность, которую приобрели бы средства обращения благодаря увеличению их редкости, предупредили бы такие размеры их вывоза, которые могли бы причинить пустоту в обращении.

Торнтон не объяснил нам, почему существовало бы нежелание в другой стране получать наши товары в обмен за ее хлеб; он должен бы показать, что если бы подобное нeже-

лание имело место, то мы согласились бы итти настолько далеко, чтобы расстаться со своей монетой.

Если мы соглашаемся давать монету в обмен за товар, то это делается по нашему выбору, но не по необходимости. Мы не стали бы ввозить больше товаров, чем вывозить, если бы не имели излишка средств обращения, который поэтому становится частью нашего вывоза. Вывоз монеты обуславливается ее дешевизною и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса; мы бы ее не вывозили, если бы не могли послать ее на более выгодный рынок, или если бы у нас имелся другой товар, который можно было бы вывезти с большей прибылью. Вывоз монеты является спасительным средством против излишка средств обращения и как я уже старался доказать, что изобилие или излишек средств обращения есть только относительное понятие, то отсюда следует, что иностранный спрос на монету возникает только благодаря сравнительному недостатку средств обращения в ввозящей стране, который обуславливает там повышение их ценности.

Вывоз этот является целиком вопросом прибыли. Если бы продавцы хлеба в Англию, предположим, на сумму в один миллион, могли ввезти к себе товары, которые стоят один миллион в Англии, и в то же время, продавая эти товары заграницей, выручили бы более, чем в том случае, когда миллион посылался бы им деньгами, то они предпочли бы в уплату за хлеб наши товары; в противном случае они предъявили бы спрос на монету.

Иностранцы предпочитают получать золото в обмен за свой хлеб только на основании сравнения ценности золота и других товаров на их и на нашем рынке, потому что золото дешевле на лондонском рынке, чем на их рынках. Если мы уменьшаем количество средств обращения, то тем самым мы придаем им большую ценность: это заставляет иностранцев изменить свой выбор и предпочесть товары. Если бы я был должен в Гамбурге 100 ф., то я старался бы найти наиболее дешевый способ уплаты этого долга. Если я посылаю монету, то при расходе на ее пересылку 5 ф., я уплатил бы свой долг суммою в 105 ф. Если я покупаю здесь ткань, которая с транспортными расходами обойдется мне в 106 ф. и которая может быть продана в Гамбурге за 100 ф., то мне будет, очевидно, выгоднее послать деньги. Если покупка и транспортные расходы железных товаров для уплаты моего долга, обойдутся мне в 107 ф., то я предпочту посылку ткани посылке этих товаров, но я не предпочту ни того, ни другого товара монете, потому что она представляла бы самый дешевый товар вывоза лондонского рынка. Из тех же оснований исходил бы экспортер хлеба, если бы сделка происходила за его собственный счет. Но если бы банк.

„опасаясь безопасности своего учреждения", и зная, что требуемое число гиней будет извлечено из его кладовых по монетной цене, нашел бы необходимым уменьшить количество своих банкнот в обращении, то пропорция между ценностью денег, тканью и железных товаров не оставалась бы прежняя 105, 106 и 107, деньги сделались бы наиболее ценным из трех товаров и, следовательно, они с меньшей выгодой могли бы быть употреблены на уплату заграничных долгов.

Если бы,—что представляет более важный случай,—мы согласились дать субсидию другому государству, то деньги не стали бы вывозиться до тех пор, пока в нашей стране оставались бы какие либо товары, которыми можно было бы дешевле произвести платежи. Интересы отдельных лиц сделали бы вывоз денег бесполезным.

Таким образом, металл посылался бы за границу для уплаты долга только тогда, когда он был бы в лишнем количестве и когда он являлся бы самым дешевым предметом вывоза. Если бы в такое время банк оплачивал свои банкноты металлом, то возник бы спрос на золото с целью вывоза. Золото получалось бы по монетной цене, между тем, как цена его в слитках была бы несколько выше его ценности в монете, потому что слитки допускаются законом к вывозу, а монета запрещена.

Таким образом, очевидно, что обесценение средств обращения является необходимым следствием их излишка и что при обычном состоянии обращения страны это обесценение встречает противодействие в вывозе драгоценных металлов.[1]

Таковы, мне кажется, законы, которые регулируют распределение драгоценных металлов по всему миру, а также обусловливают и ограничивают перемещение их из одной страны в другую, регулируя их ценность в каждой стране. Но прежде чем перейти к расмотрению на основе этих принципов главного предмета моего исследования, мне необходимо будет показать, каково то постоянное мерило ценности, в нашей, стране, представителем которого должны являться

[1] В работе большой и заслуженной репутации („Единб. Обозр." т. I стр. 183) было отмечено, что увеличение количества бумажных денег повысит цены товаров только в бумажных деньгах, но не повысит их цен, выраженных в слитках. Это было бы верно в такое время, когда средства обращения состоят только из неразменных на металл бумажных денег, но не тогда, когда металл составляет часть обращения. В последнем случае, результатом увеличения выпуска бумажных денег было бы извлечение из обращения на равную сумму металла; но это не могло бы произойти без увеличения на рынке количества слитков и вследствие этого, без уменьшения их ценности или, иными словами, без увеличения слитковой цены товаров. Соблазн вывозить металл возникает только вследствие подобного уменьшения ценности металлического обращения и слитков. Преследование за переплавку монеты в слитки является единственной причиной той незначительной разности, которая существует между ценностью металла и ценностью слитков или незначительного превышения рыночной цены над

наши бумажные деньги, так как определить их нормальное состояние и обесценение возможно только путем сравнения с этим постоянным мерилом ценности.

Можно сказать, что ни в одной стране, где средства обращения состоят из двух металлов, не существует постоянного[1] мерила ценности, потому что эти металлы постоянно подвергаются колебаниям в своей ценности относительно друг друга. С какой бы точностью директора монетного двора ни устанавливали относительную ценность золота и серебра в монете в тот момент, когда они определяют это отношение, они все же не могут предупредить повышение ценности одного из этих металлов, когда ценность другого остается без изменения или даже уменьшается. Всегда, когда происходит расхождение относительнной ценности двух металлов, одна из монет переплавляется в слитки, для продажи за другую. Локк, лорд Ливерпуль и многие другие писатели рассматривали этот предмет очень умело и все соглашались с тем, что единственное средство против несчастья в условиях денежного обращения, вытекающего из этого источника, это сделать мерилом ценности только один из двух металлов. Локк считал серебро наиболее пригодным для этой цели металлом и предложил, чтобы золотой монете было предоставлено самой находить свою собственную ценность и обмениваться за большее или меньшее количество шиллингов, смотря по колебаниям рыночной цены золота относительно серебра.

Лорд Ливерпуль напротив настаивал на том, что золото не только является наиболее пригодным металлом для роли

монетною ценою. Но вывоз слитков тождественен неблагоприятному торговому балансу. От какой бы причины ни происходил вывоз слитков в обмен на товары, это называется,—по моему мнению очень неправильно,—неблагоприятным торговым балансом.

Когда обращение состоит из одних только бумажных денег, то всякое увеличение их количества повысит д е н е ж н у ю цену слитков, не понижая их ц е н н о с т и; таким же образом и в такой же пропорции, в какой это повысит цены других товаров, по той же причине это понизит вексельный курс на другие страны: но это было-бы номинальным, а не р е а л ь н ы м понижением и оно не обусловливало бы вывоза слитков, потому что реальная ценность слитков не уменьшилась бы, так как не произошло бы никакого увеличения их количества на рынке.

[1] Строго говоря, не может быть постоянного мерила ценности. Мерило ценности должно было бы само быть неизменным. Но это неприменимо ни к золоту, ни к серебру, так как оба эти металла также подвергаются колебаниям, как и другие товары. Но опыт научил нас, что хотя колебания в ц е н н о с т и золота и серебра в течение продолжительных периодов могут быть значительные, но по отношению к коротким промежуткам времени ценность их приблизительно остается без изменения. Именно это свойство, наряду со многими другими преимуществами этих металлов, делает их более пригодными для употребления в качестве денег, чем какой либо иной товар. Итак, золото или серебро могут на этом основании считаться мерилом ценности с той точки зрения, с которой мы рассматриваем их.

всеобщего мерила ценности в нашей стране, но что оно сделалось таковым благодаря общему соглашению народа, стало рассматриваться таковым иностранцами и что оно наилучшим образом приспособлено к возрастанию торговли и богатств Англии...

Исходя из соображений, которые привел лорд Ливерпуль, кажется, бесспорно доказанным, что золотая монета приблизительно в течение столетия была главным мерилом ценности; но мне кажется, что это следует приписать неправильному установлению пропорций между золотой и серебряной монетами. Золото было оценено слишком высоко и поэтому серебро не могло оставаться в обращении, поскольку оно имеет свой определенный вес.

Если бы имело место новое постановление, согласно которому серебро было бы оценено слишком высоко или что то же самое, если бы рыночное отношение между ценой серебра и золота сделалось более высоким, чем монетное отношение между ними, то исчезло бы из обращения золото, а мерилом ценности сделалось бы серебро...

Пока обращение различных стран состоит из драгоценных металлов или из бумажных денег, которые во всякое время разменны на металл, и пока металлическое обращение не испорчено обрезыванием и стиранием, до тех пор сравнение веса и степени чистоты сплава монет дает нам возможность определить их паритет. Таким образом, паритет между Голландией и Англией устанавливается приблизительно в 11 флоринов, так как количество чистого серебра, содержащегося в 11 флоринах, равно количеству чистого серебра, содержащегося в 20 полновесных шиллингах.

Этот паритет не является абсолютно устойчивым и таким быть не может, так как в Англии основной валютой является золотая монета, а в Голландии серебряная и фунт стерлингов или 20/21 гинеи может иметь в различное время большую или меньшую ценность, чем 20 полновесных шиллингов, а, следовательно, большую или меньшую ценность, чем его эквивалент в 11 флоринов. Для нашей цели будет достаточно точно определить паритет серебром или золотом.

Если я имею долг в Голландии, то, зная паритет вексельного курса, я вместе с тем знаю количество наших денег, которое необходимо для уплаты моего долга.

Если мой долг достигает суммы в 1100 флоринов и ценность золота остается неизменною, то на 100 ф. нашей чистой золотой монеты я куплю столько голландской монеты, сколько необходимо для уплаты моего долга. Я могу этого достигнуть вывозом 100 ф. монеты или, что то же самое, уплатой торговцу слитками 100 ф. монетой, возмещая ему расходы транспорта, каковы фрахт, страхование, а также его прибыль,—в обмен за вексель, которым уплачу мой долг; в то же время торго-

вец вывезет слитки, чтобы дать возможность своему корреспонденту уплатить по векселю, когда это нужно будет сделать.

Таким образом, эти расходы являются крайним пределом неблагоприятного вексельного курса. Как бы ни был велик мой долг, даже, если бы он был равен самой значительной субсидии, которую когда либо наша страна давала какой-либо союзной стране, пока я мог бы платить торговцу слитками монетой устойчивой ценности, он будет охотно ее вывозить и продавать мне векселя. Но, если бы я платил ему порченной монетой или обесцененными бумажными деньгами, то он не согласился бы продавать мне свой вексель по этой цене; потому что, если монета испорчена, то она не содержит такого количества чистого золота или серебра, которое должно заключаться в 100 фунтах и, следовательно, он должен вывезти дополнительное количество такого рода испорченной монеты, чтобы иметь возможность уплатить мой долг в 100 ф. или его эквивалент в 1100 флоринов. Если бы я платил ему бумажными деньгами, то так как он их не может посылать заграницу, он будет исходить из того соображения, можно ли будет за эти деньги купить столько слитков золота и серебра, сколько заключается в монете, представительницей которой является бумага; в положительном случае он примет бумагу подобно монете, в отрицательном он будет выжидать дальнейшей премии на свой вексель равной степени обесценения бумаги.

Поэтому, пока средства обращения состоят из неиспорченной монеты или из бумаги, разменной по предъявлению на неиспорченную монету, вексельный курс никогда не может быть выше или ниже паритета больше, чем на расходы по пересылке драгоценных металлов. Но, когда обращение состоит из обесцененных бумажных денег, вексельный курс неизбежно понизится соответственно степени их обесценения.

Таким образом, вексельный курс является достаточно правильным критерием, на основании которого мы можем судить об ухудшении средств обращения, которое обусловлено обрезыванием монеты или обесценением бумажных денег.

Сэр Джемс Стюарт отметил, что „если бы изменить одновременно во всей Англии наш английский фут путем присоединения к нему или отнятия от него известной пропорциональной части его установленной длины, то изменение было бы наилучшим образом обнаружено путем сравнения нового фута с парижским или с футом какой либо другой страны, не потерпевшим никакого изменения.

„Совершенно так же, если бы сколько нибудь изменился фунт стерлингов, который является английской денежной единицей и если бы трудно было установить это изменение

благодаря сложности обстоятельств, то лучшим способом было бы сравнение старой и новой ценности фунта с деньгами других стран, не потерпевшими изменения. С наибольшей точностью это может выполнить вексельный курс".

„Эдинбургское обозрение", говоря о памфлете лорда Кинг, заметило, что „наш торговый баланс не потому является постоянно благоприятным, что наш ввоз состоит частью из слитков". „Слиток", говорит оно, „есть товар, на который, подобно всякому другому, спрос колеблется и который совершенно так же, как и всякий другой товар, может входить в список вывоза или ввоза; но этот вывоз или ввоз слитков не будет влиять на вексельный курс другим образом, чем вывоз или ввоз каких либо товаров".

Никто не ввозит и не вывозит слитков без того, чтобы заранее не установить высоту вексельного курса. Только при помощи вексельного курса обнаруживается относительная ценность слитков в двух различных странах, относительно которых она определяется. Таким образом, торговля слитками сообразуется с вексельным курсом совершенно так же, как другие торговцы с прейс-курантом, прежде чем они решаются вывозить или ввозить другие товары. Если 11 флоринов в Голландии содержат такое же количество серебра, как 20 полновесных английских шиллингов, то серебряные слитки, равные по весу 20 полновесным английским шиллингам, никогда не могут быть вывезены из Лондона в Амстердам, пока вексельный курс находится на уровне паритета или неблагоприятен для Голландии. Вывоз их сопровождался бы расходами и риском, а действительное значение слова паритет выражает то, что путем покупки векселя в Голландии можно приобрести количество слитков серебра, равное названному по весу и по чистоте сплава, без лишних расходов. Кто посылал бы слитки в Голландию при расходах 3—4 %, если куплей векселя при уровне паритета можно действительно приобрести ордер для снабжения корреспондента в Голландии слитками такого же веса, которые нужно было послать?

Это было бы столь же разумно утверждать, как и то, что, если цена хлеба в Англии выше, чем на континенте, то хлеб будет вывозиться для продажи на более дешевый рынок, несмотря на все издержки по его вывозу.

Отметив уже те ненормальности, которым подвергается металлическое обращение, я перейду к рассмотрению тех из них, которые хотя и не порождаются ухудшением состояния золотой или серебряной монеты, но тем не менее, весьма серьезны по своим конечным последствиям.

Наши средства обращения почти целиком состоят из бумаги, что вынуждает нас следить за обесценением бумаги по крайней мере с той же бдительностью, как и за обесценением монеты. Этим мы до сих пор пренебрегали.

Освободив банк от платежа монетой, парламент дал директорам банка возможность произвольно увеличивать количество и сумму банкнот, и так как существовавшие прежде препятствия для лишних выпусков были вследствие этого устранены, то директоры банка приобрели власть увеличивать и уменьшать ценность бумажных денег.

Проследив существующее зло до его источника и доказывая факт его существования путем обращения к двум верным признакам, которые я упомянул выше, а именно, к вексельному курсу и к цене слитков, я воспользуюсь отчетом Торнтона о поведении банка до прекращения платежей монетою, чтобы показать, насколько очевидно банк в своих действиях исходил из принципа, который выразительно признал Торнтон, а именно, что ценность банкнот зависит от их количества и что банк устанавливал колебание ценности своих банкнот при помощи названных мною признаков.

Торнтон говорит нам, что „если иногда вексельный курс страны становился настолько неблагоприятным, что значительно повышал рыночную цену золота над монетной ценой, то директоры банка, как это видно из показаний, данных некоторыми из них в парламенте, были расположены прибегнуть к уменьшению количества своей бумаги, как способу уменьшения или уничтожения названного повышения цены, заботясь, таким образом, о безопасности своего учреждения“. „Кроме того“, говорит он, „исходя из тех же разумных оснований, они привыкли соблюдать некоторую границу в количестве выпускаемых банкнот“. А в другом месте: „Когда цена, которую приобретает наша монета в других странах, настолько велика, что представляет соблазн к ее вывозу, тогда директоры банка естественно уменьшают в некоторой степени количество своей бумаги, опасаясь за благополучие своего учреждения. Уменьшая количество своей бумаги, они поднимают ее ценность, а поднимая эту ценность, они вместе с тем поднимают во всей Англии ценность обращающейся монеты, которая обменивается на бумагу. Таким образом, ценность нашей золотой монеты сама согласуется с ценностью обращающейся бумаги, причем с целью предупреждения значительного вывоза золота, директоры банка придают бумажным деньгам такую величину ценности, которая немного выше и иногда немного ниже цены нашей монеты заграницей“.

Сознание со стороны банка необходимости охранять свое благополучие всегда предупреждало, до прекращения размена, слишком необузданные выпуски бумажных денег...

По мнению д-ра Смита, всякое постоянное превышение рыночной цены золота над его монетной ценой должно быть отнесено на счет состояния монеты. Пока монета сохраняет свой первоначальный вес и чистоту сплава, рыночная цена

золотых слитков, полагал д-р Смит, не может быть значительно выше монетной цены. Торнтон утверждает, что это не может быть единственной причиной. „Мы пережили, говорит он, колебания в наших вексельных курсах и соответствующие колебания на рынке, сравнительно с монетной ценой золота, достигавшие не менее 8 или 10%, между тем, состояние нашей монеты продолжало оставаться во всех отношениях одинаковым". Но Торнтон должен был принять во внимание, что в то время, когда он писал, монета не могла быть получена в банке в обмен на банкноты; что именно это было причиной обесценения обращения, которой д-р Смит не мог предвидеть. Если бы Торнтон доказал, что в цене золота происходили колебания в 10% в то время, когда банк оплачивал свои банкноты монетой и монета не была испорченной, он мог бы тогда обвинять д-ра Смита, что он „недостаточно и неудовлетворительно исследовал этот важный предмет". [1]

Но так как в настоящее время парламентским актом уничтожены все препятствия к лишним выпускам со стороны банка, который освобождается от оплаты своих банкнот монетой, то банк не связан больше опасениями „з а б л а г о п о л у ч и е с в о е г о у ч р е ж д е н и я", чтобы ограничить количество своих банкнот той суммой, которая поддерживала бы их в ценности, равной представляемой ими монеты. Соответственно этому мы находим, что средняя цена золотых слитков периода, предшествовавшего 1797 г., в 3 ф. 17 ш. $7^3/_4$ п. повысилась до 4 ф. 10 ш., а в последнее время она достигла 4 ф. 13 ш. за унцию.

Мы можем, поэтому, притти к выводу, что эта разность в относительной ценности или, другими словами, это уменьшение действительной ценности банкнот обусловлено слишком обильным их количеством, которое было выпущено банком в обращение. Та же самая причина, которая произвела в ценности банкнот сравнительно со слитками золота разность в 15—20%, может увеличить ее до 50%. Не может быть границ обесценения, которое вытекает из постоянного увеличения количества бумажных денег. Стимул к вывозу монеты, возникающий благодаря увеличению средств обращения, приобретает новую силу, но он не может, как раньше, устранить сам себя. Наши бумажные деньги необходимо ограничиваются пределами одного только нашего обращения. Всякое увели-

---

[1] Пока монеты обоих металлов являются законным платежным средством и отсутствует ограниченная чеканка в отношении какого либо металла, то превышение рыночной цены над монетной ценой золотых и серебряных слитков может возникнуть благодаря изменениям в относительной ценности обоих металлов. Но обусловленное этим превышение рыночной цены над монетной ценой можно было бы заметить сразу, так как оно оказало бы влияние только на цену одного из двух металлов. Так, цена золота была бы равна монетной цене или ниже ее, когда серебро было бы выше, серебро было бы равно или ниже своей монетной цены, когда золото было бы выше...

чение их количества понижает их ценность ниже ценности золотых и серебряных слитков, а также ниже ценности обращения других стран.

Результат тот же, который возникает благодаря обрезыванию нашей монеты.

Если бы каждая гинея была уменьшена на $^1/_5$, то рыночная цена золотых слитков поднялась бы на $^1/_5$ выше их монетной цены. Сорок четыре гинеи с половиной, (т. е. такое число гиней, которое весит фунт и потому называется монетной ценой) перестала бы иметь вес фунта и, следовательно, ценою фунта золота было бы количество большее на $^1/_5$ или около 56 ф., а разность между рыночной и монетной ценой, между 56 ф. и 46 ф. 14 ш. 6 п. определяла бы степень обесценения.

Если бы такая испорченная монета продолжала называться гинеей и если бы ценность золотых слитков и всех других товаров определялась испорченной монетой, то гинея, только что вышедшая из монетного двора, оценивалась бы в 1 ф. 5 ш., и эта сумма выплачивалась бы за нее незаконно торговцем; но при этом возрастала бы не ценность новой гинеи, а уменьшалась бы ценность гинеи испорченной. Это сделалось бы очевидным немедленно, если бы было дано распоряжение, воспрещающее обращение испорченных гиней иначе как по их весу, по монетной цене в 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ п. Это сделало бы полновесные гинеи постоянным мерилом ценности вместо гиней, подвергшихся обрезыванию и стиранию. Последние шли бы тогда по своей действительной ценности и назывались бы монетой в 17 или 18 шиллингов. Таким же образом, если бы в настоящее время добиться распоряжения, имеющего ту же цель, то банкноты не перестали бы обращаться, а принимались бы по ценности золотых слитков, которые покупались бы на них. Тогда нельзя было бы сказать, что ценность гинеи равна 1 ф. 5 ш., но фунтовая банкнота обращалась бы за 16 или 17 шил. В настоящее время золотая монета является только товаром, а банкноты законным мерилом ценности, тогда как в названном случае золотые монеты были бы этим мерилом, а банкноты лишь ходким товаром.

„Постоянство наших вексельных курсов", говорит Торнтон, „или иными словами, совпадение монетной цены с ценой золотых слитков представляет, повидимому, верное доказательство, что обращающиеся бумажные деньги не обесценены".

Когда возникают мотивы к вывозу золота, то пока банк не платит металлом, и, следовательно, золото не может быть получено по монетной цене, незначительное его количество, которое можно достать, будет собрано для вывоза, и банкноты будут продаваться за золото с таким вычетом, который пропорционален их лишнему количеству. Но когда мы говорим, что цена золота высока, то мы ошибаемся: изменилась цен-

ность бумажных денег, а не золота. Если сравнить с товарами унцию золота или 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ п., то пропорция между ними сохраняется прежняя, а если это окажется не так, то причину этого следует отнести на счет увеличения налогов или на счет некоторых других условий, оказывающих постоянное влияние на ценность товаров. Но если мы сравним с товаром то, что заменяет унцию золота 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ п. в банкнотах, мы тогда обнаружим обесценение банкнот. На всех рынках мира я вынужден платить 4 ф. 10 ш. банкнотами за такое же количество товаров, которое я могу получить за золото, содержащееся в монете из 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ п.

Часто утверждали, что гинея в Гамбурге стоит 26 или 28 шиллингов; но мы сильно обманулись бы, если бы поэтому сделали вывод, что гинея могла бы быть продана в Гамбурге за такое же количество серебра, какое содержится в 26 или 28 шиллингах. До изменения относительной ценности серебра и золота гинея не могла бы быть продана в Гамбурге за большее количество серебряной монеты, чем то, которое содержится в 21 полновесном шиллинге; по настоящей рыночной цене гинея продается за такую сумму серебра, которая, будучи ввезена в Англию и отнесена на монетный двор для чеканки, соответствовала бы 21 ш. 5 п. нашей полновесной серебряной монеты.

Тем не менее верно, что на то же количество серебра можно купить в Гамбурге вексель, по которому в Лондоне будет уплачено 26 или 28 шиллингов банкнотами. Может ли быть более удовлетворительное доказательство обесценения наших средств обращения?

Говорили, что если бы закон, освобождающий банк от размена банкнот, не был в силе, то все гинеи ушли бы из пределов страны. [1]

Это, несомненно, верно, но если бы банк уменьшил количество своих банкнот настолько, чтобы повысить их ценность на 15%, то закон о прекращении размена мог бы быть безопасно отменен, так как не было бы соблазна к вывозу монеты. Но как бы долго это ни откладывалось, как бы ни был значителен вычет в отношении банкнот, банк никогда не мог бы восстановить размена на металл, пока он количество своих банкнот в обращении не доведет до этой границы.

Все писатели политической экономии согласны с тем, что закон является бесполезным препятствием для вывоза гиней; он обходится с такой легкостью, что сомнительно, оказал ли

---

[1] Это должно означать, что каждая гинея, принадлежащая банку, оставила бы пределы страны; соблазн 15% достаточно значителен, чтобы выслать из страны все гинеи, которые могли бы быть изъяты из обращения.

он пока такое действие, чтобы сохранить в Англии больше на одну гинею, чем это было бы при отсутствии закона. Локк, Стюарт, Смит, лорд Ливерпуль и Торнтон—все сходятся на этом пункте. Последний замечает, что „существование британского закона бесспорно способствует ослаблению и ограничению, хотя не в состоянии препятствовать вывозу гиней, который поощряется неблагоприятным торговым балансом, и, быть может, закон едва ли уменьшает этот вывоз, когда прибыль от вывоза становится весьма значительной“. Несмотря на это и торговец, обходящий закон, переплавивший и вывезший каждую гинею, которую при настоящем положении вещей он мог приобрести, будет колебаться раньше, чем решится открыто покупать гинеи за банкноты с премией, ибо такая спекуляция, хотя и прибыльна, но может навлечь на него подозрение. Он может быть обнаружен и предупрежден от подобных действий. Так как установленное законом наказание строго, а соблазн доноса силен, то для подобных операций необходимо соблюдение тайны. Когда можно получить гинею простым обменом их в банке на банкноты, тогда закон обойти легко; но, когда необходимо открыто извлекать их из широко разбросанного обращения, которое состоит почти исключительно из бумажных денег, то выгода, вытекающая из этой операции, должна быть весьма значительной, чтобы кто либо согласился на риск быть уличенным.

Если мы примем во внимание, что в течение настоящего царствования было обращено на чеканку гиней свыше 60 миллионов стерлингов, то мы можем составить себе некоторое представление о тех размерах, каких должен был достигнуть вывоз золота. Но отмените закон против вывоза гиней, допустите открыто вывозить их из страны, то, что может помешать продаже унции чистого золота в гинеях по такой же высокой цене за банкноты, как и унции португальской золотой монеты или унции чистого золота в слитке, когда известно, что гинея состоит из золота той же пробы? И если унция чистого золота в гинеях будет продаваться на рынке за 4 ф. 10. ш., как продаются в настоящее время слитки чистого золота или как они продавались недавно—по 4 ф. 13 ш., то какой лавочник станет продавать свой товар безразлично по одной цене за золото и за банкноты? Если бы цена сюртука равнялась 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ п. или унции золота, и если бы в то же время унция золота продавалась за 4 ф. 13 ш. банкнотами, то можно ли допустить, что портному было бы безразлично, получать золотом или банкнотами?

Единственно потому, что за гинею можно купить не более чем банкноту в один фунт и один шиллинг, многие колеблются признать, что банкноты обесценены. То же мнение поддерживает „Эдинбургское обозрение“, но, если моя аргументация правильна, то я показал, что подобные возражения неосновательны.

Торнтон говорит нам, что неблагоприятная торговля является причиной неблагоприятного вексельного курса; но мы уже видели, что влияние неблагоприятной торговли,—если это выражение точно,—на вексельный курс ограничено. Эта граница, вероятно, определяется в 4 или 5%. Это не может объяснить обесценения в 15 или 20%. Кроме того, Торнтон сказал нам и я вполне согласен с ним в этом, что „можно признать за общую истину, что коммерческий ввоз и вывоз государства естественно в известной степени уравновешивают друг друга и что поэтому торговый баланс не может долгое время оставаться слишком благоприятным или неблагоприятным для страны“. Однако, низкий вексельный курс, вместо того, чтобы оставаться временным, был таковым еще до того времени, когда Торнтон писал, т. е. до 1802 года, и с тех пор прогрессивно увеличивался, так что он в настоящее время на 15—20% против нас. Таким образом, Торнтон согласно своим собственным принципам должен отнести это на счет более постоянной причины, чем неблагоприятный торговый баланс, и каково бы ни было его прежнее мнение, он несомненно теперь согласится, что это может быть объяснено только обесценением средств обращения.

Мне кажется, что нельзя больше спорить против того, что банкноты обесценены. Пока цена золотых слитков равна 4 ф. 10 ш. за унцию, или иными словами, пока кто либо соглашается давать за унцию золота унцию и одну шестую, что признается обязательным, то нельзя утверждать, что 4 ф. 10 ш. в банкнотах и в золотых монетах имеют одну и ту же ценность.

Унция золота чеканится в 3 ф. 17 ш. 10½ п., следовательно, обладая этой суммой, я обладаю унцией золота и я не дал бы за унцию золота 4 ф. 10 ш. золотою монетой или такими банкнотами, которые я могу немедленно обменять на 4 ф. 10 ш.

Противоречит здравому смыслу допустить, чтобы это могло быть рыночной ценой, без того, чтобы цена определялась в обесцененных средствах обращения.

Если бы цена золота определялась серебром, то цена эта могла бы подняться действительно до 4—5 или 10 ф. за унцию и, само по себе, это вовсе не было бы доказательством обесценения бумажных денег, а только изменения относительной ценности золота и серебра. Однако, я кажется доказал, что серебро не является постоянным мерилом ценности и, следовательно, не является средством, которым определяется ценность золота. Но, если бы это было так, то поскольку золото стоит на рынке только 15½ унций серебра, и так как 15½ унции серебра в точности равны по весу 80 шиллингам, а, следовательно, чеканятся в такой сумме, то унция золота не должна была бы продаваться дороже 4 ф.

Таким образом, те, которые утверждают, что серебро является мерилом ценности, не могут доказать, что всякий спрос на золото, от какой бы причины он ни происходил, мог бы поднять его цену выше 4 ф. за унцию. Все, что превышает эту цену, должно, по их собственным принципам, рассматриваться как обесценение банкнот. Отсюда, поэтому, следует, что если бы банкноты были представителем серебряной монеты, то унция золота, продаваемая, как в настоящее время, за 4 ф. 10 ш. , продавалась бы за такое количество банкнот, которое представляет $17^1/_2$ унций серебра, между тем, как на слитковом рынке она может быть обменена только на $15^1/_2$ унций. Поэтому $15^1/_2$ унций серебряных слитков равны по ценности банковому обязательству уплатить предъявителю $17^1/_2$ унций.

Рыночная цена серебра в банкнотах в настоящее время определяется в 5 ш. $5^1/_2$ п. за унцию; монетная же цена только 5 ш. 2 п. и, следовательно, чистое серебро в 100 ф. стоит в банкнотах больше, чем 112 фунтов.

Можно, однако, сказать, что банкноты являются представителями нашей испорченной серебряной монеты,—но не полновесной. Но это неверно, так как цитированный выше закон объявляет серебро законным средством платежа для сумм, не превышающих 25 ф., исключая уплаты по весу. Если бы банк настаивал на уплате предъявителю банкнот в 1000 ф. серебряной монетой, то он был бы обязан или заплатить ему чистым серебром по весу или же испорченной серебряной монетой, равной ценности, исключая 25 ф., которые он может уплатить ему неполновесной монетой. Но 1000 ф., состоящие из 975 ф. полновесных денег и 25 испорченных, по нынешней рыночной ценности серебряных слитков стоят больше, чем 1112 ф.

Утверждают, что количество банкнот возросло в пропорции не большей, чем это требовало увеличение нашей торговли и поэтому оно не может быть чрезмерным. Это утверждение было бы трудно доказать и если оно верно, то на нем нельзя основать иного аргумента, кроме ошибочного. Прежде всего, ежедневные улучшения, производимые нами в способах экономии употребления средств обращения путем усовершенствования банковых методов, делают, в настоящее время, чрезмерным то самое количество банкнот, которое было необходимым при таком же состоянии торговли в предыдущий период. Во-вторых, между Английским банком и провинциальными банками существует постоянная конкуренция по замещению своими банкнотами банкнот своих конкуррентов в каждом округе, в котором учреждены провинциальные банки.

Так как количество провинциальных банков в течение немногих лет удвоилось, то не вероятно ли, что деятельность

их по замещению своими собственными банкнотами весьма многих банкнот Английского банка могла быть увенчана успехом?

Если бы это случилось, то в настоящее время оказалось бы чрезмерным то же самое количество банкнот Английского банка, которое в прежнее время при менее обширной торговле было только достаточно для поддержания нашего обращения на одном и том же уровне с обращением других стран.

Поэтому, нельзя сделать правильного вывода из находящегося в настоящее время количества банкнот в обращении, хотя я не сомневаюсь, что исследование обнаружило бы то, что возрастание количества банкнот и высокая цена золота обыкновенно сопровождали друг друга.

Сомневались в том, чтобы сумма в 2 или 3 миллиона банкнот (сумма, которую, как предполагают, банк присоединил к обращению сверх того, что последнее легко выносит) могла оказать такое действие, какое ей приписывали, но необходимо вспомнить, что Английский банк регулирует размеры обращения всех провинциальных банков и что, если Английский банк увеличивает размер своих выпусков на 3 миллиона, то, вероятно, он дает провинциальным банкам возможность увеличить общее обращение Англии более, чем на 3 миллиона.

Деньги отдельной страны распределяются между ее различными провинциями по тем же самым правилам, по каким деньги всего мира распределяются между различными нациями, из которых он состоит. Каждый округ удерживает в своем обращении такую пропорциональную долю средств обращения страны, какую может требовать его торговля и, следовательно, его платежи в сравнении с торговлей целой страны; не может быть увеличения количества средств обращения одного округа, которое б не распространилось бы повсеместно и не вызвало бы пропорционального увеличения во всяком другом округе. Именно, это обстоятельство поддерживает всегда банкноты провинциальных банков на одном уровне ценности с банкнотами Английского банка. Если бы в Лондоне, где обращаются одни только банкноты Английского банка, количество средств обращения было бы увеличено на один миллион, то денежное обращение сделалось бы дешевле, чем в другом месте или товары стали бы дороже. Тогда товары посылались бы из провинции на лондонский рынок для продажи по более высоким ценам или, что более вероятно, провинциальные банки воспользовались бы относительным недостатком средств обращения в провинции и увеличили бы количество своих банкнот в такой же пропорции, в какой это сделал Английский банк, тогда это оказало бы влияние на цены, не частное, а всеобщее.

Таким же образом, если бы количество банкнот Английского банка уменьшилось на 1 миллион, то сравнительная ценность средств обращения в Лондоне повысилась бы, а цены товаров упали бы. Тогда банкноты Английского банка сделались бы более ценными, чем банкноты провинциальных банков, ибо в них нуждались бы для покупки товаров на дешевом рынке и так как провинциальные банки обязаны выдавать банкноты Английского банка по требованию в обмен на свои собственные, то к ним обращались бы за получением этих банкнот до тех пор, пока общее количество провинциальных банкнот не уменьшилось бы до той же пропорции, которую оно имело раньше к лондонским банкнотам и пока не произошло бы соответственное понижение цены всех товаров, на которые банкноты обмениваются.

Провинциальные банки никогда не могут увеличить количество своих банкнот, за исключением того случая, когда необходимо пополнить относительный недостаток средств обращения провинции, возникающий благодаря увеличению выпусков Английского банка.[1] Если бы они пытались это сделать, то то же самое препятствие, которое вынуждало Английский банк извлекать из обращения часть своих банкнот, когда приходилось оплачивать их, по предъявлению, золотом, вынудило бы провинциальные банки итти тем же путем. Их банкноты, соответственно возрастанию их количества, сделались бы менее ценными, чем банкноты Английского банка, таким же образом, как банкноты Английского банка сделались бы менее ценными, чем представляемые ими гинеи. Они поэтому обменивались бы на банкноты Английского банка до тех пор, пока не сравнялись бы с ними в ценности.

Английский банк является великим регулятором средств обращения провинциальных банков. Когда он увеличивает или уменьшает количество своих банкнот,—провинциальные банки делают то же самое и ни в каком случае не могут провинциальные банки увеличить общее количество средств обращеняя страны, если Английский банк не увеличит предварительно количества своих банкнот.

Некоторые утверждали, что не цена серебряных и золотых слитков, а норма процента является тем критерием, на основании которого мы можем всегда судить об излишке бумажных денег; что если бы бумажных денег было слишком много, то процент упал бы, а если недостаточно, то процент повысился бы. По моему мнению, может быть доказано, что норма процента регулируется не изобилием или редкостью

[1] Они могут в некоторых случаях заместить своими банкнотами банкноты Английского банка, но это не имеет отношения к тому вопросу, который мы теперь обсуждаем.

денег, а изобилием или редкостью той части капитала, которая не состоит из денег.

„Деньги“, замечает Ад. Смит, „великое колесо обращения и орудие торговли, подобно всяким другим орудиям торговли, хотя составляют часть, и весьма ценную часть, капитала, не составляют части дохода общества, которому они принадлежат, и хотя металлические монеты, из которых они состоят, совершая свой годичный путь обращения, доставляют каждому человеку доход, который принадлежит ему, но сами по себе они не составляют части этого дохода“.

„Когда мы определяем размер промышленности, которую может обслуживать оборотный капитал какой-либо страны, то мы всегда должны обращать внимание только на те части этого капитала, которые состоят из съестных припасов, материалов и готовых изделий: всегда следует вычесть ту часть, которая заключается в деньгах и служит только для обращения названных трех частей. Чтобы привести в действие промышленность, необходимы три вещи: материал для обработки, орудия производства и заработная плата или вознаграждение тем, кем производится работа. Деньги не являются материалом для обработки, ни орудием производства, и хотя заработная плата дается обыкновенно рабочему деньгами, но действительный доход последнего, подобно доходам всех других людей, состоит не в деньгах, а в их ценности: не в металлических монетах, а в том, что может быть получено за них“.

И в других частях своего сочинения Ад. Смит утверждает, что открытие американских рудников, которое столь значительно увеличило количество денег, не уменьшило процент за пользование ими, так как норма процента регулируется прибылью применяемого капитала, а не количеством и качеством металлических монет, которые употребляются для обращения его продуктов.

Юм поддерживает то же мнение. Ценность средств обращения каждой страны сохраняет некоторую пропорцию с ценностью обращаемых ими товаров. В некоторых странах эта пропорция более велика, чем в других, а в некоторых случаях она подвергается колебаниям в одной и той же стране. Она зависит от скорости обращения, от степени доверия и кредита между торговцами и, кроме того, от разумных банковых операций. В Англии было усвоено столько способов экономии средств обращения, что ценность их, в сравнении с ценностью обращаемых ими товаров, вероятно, (в течение периода, когда господствует доверие)[1], доведена до такой незначительной пропорции, какая только осуществима. Какова может быть эта пропорция,—это определяли различно.

---

[1] В дальнейших рассуждениях я исхожу из того предположения, что всегда господствует одинаковая степень доверия и кредита.

Никакое увеличение или уменьшение количества средств обращения, состоят ли они из золота, серебра или бумажных денег, не может повысить или понизить их ценности выше или ниже этой пропорции. Если рудники перестают доставлять годичное потребление драгоценных металлов, то ценность денег повышается и в качестве средств обращения употребляется меньшее количество. Уменьшение их количества будет соответствовать повышению их ценности. Таким же образом, если бы были открыты новые рудники, то ценность драгоценных металлов уменьшилась бы и в обращении стало бы употребляться большее количество, так что в каждом из этих случаев относительная ценность денег к товарам, обращаемым ими, оставалась бы неизменной.

Если бы в то время, когда банк оплачивал свои банкноты монетой, количество банкнот увеличилось, то это оказало бы незначительное влияние на ценность средств обращения, так как приблизительно такое же количество монеты было бы извлечено из обращения и вывезено.

Если бы банк был освобожден от размена банкнот и вся монета оказалась вывезенной, то всякий излишек банкнот уменьшал бы ценность средств обращения пропорционально этому излишку. Если бы до прекращения размена в обращении находилось 20 миллионов банкнот и к ним было бы присоединено 4 миллиона, то ценность 24 миллионов банкнот была бы не больше, чем ценность прежних 20, при условии, что количество товаров оставалось бы прежнее и не было бы соответствующего вывоза монеты, и если бы банк последовательно увеличил эту сумму до 50 или до 100 миллионов, то увеличенное количество было бы целиком поглощено обращением Англии, но во всяком случае, оно понизилось бы в своей ценности до 20 миллионов.

Я не оспариваю того, что, если бы банк выбросил на рынок значительную дополнительную сумму банкнот и давал бы ее в ссуду, то она оказала бы временное влияние на норму процента. Те же результаты получились бы в том случае, если бы кем-либо было найдено сокровище, состоящее из золотой или серебряной монеты. Если бы сумма была велика, то банк или владелец сокровища не имели бы возможности отдавать в ссуду банкноты или монету ни по 4, ни, быть может, выше 3%; но если бы это было так, то ни банкноты и ни монета не остались бы без употребления у заемщиков: их отправляли бы на каждый рынок и они повсюду повышали бы цены товаров, пока они не оказались бы поглощенными обращением в целом. Только в течение промежутка времени между выпуском банкнот и их влиянием на цены, мы бы сознавали излишек денег: в течение этого времени процент был бы ниже своего естественного уровня; но как только дополнительная сумма банкнот была бы поглощена

общим обращением, уровень процента снова повысился бы и снова возник бы спрос на новые ссуды с таким же рвением, как и перед дополнительным выпуском.

Денежное обращение никогда не может быть чрезмерным. Если бы оно состояло только из золота и серебра, то всякое возрастание его количества распространялось бы по всему миру. Если бы оно состояло только из бумажных денег, то оно распространялось бы единственно по той стране, в которой оно выпущено в обращение. Действие его на цены было бы в последнем случае только местным и номинальным, так как иностранные покупатели компенсировали бы себя путем вексельных курсов.

Предполагать, что какое-нибудь увеличение выпусков банка может иметь своим результатом постоянное понижение нормы процента и удовлетворение спроса всех нуждающихся в ссуде, так что для новых займов уже не останется приложения или, что богатый золотой или серебряный рудник может оказывать подобное действие, — значит приписывать средствам обращения такое могущество, которого они никогда иметь не могут. Если бы это было возможно, то банк сделался бы, в действительности, могучей машиной; создавал бумажные деньги и давая ссуду по 2 или 3%, т. е. ниже рыночной нормы процента, банк в такой же степени уменьшал бы торговую прибыль и если бы он был достаточно патриотичен, чтобы давать в ссуду свои банкноты за процент не более высокий, чем это необходимо для возмещения расходов по содержанию учреждения, то прибыль понизилась бы еще более, никакой народ не мог бы с нами конкурировать иначе, как при помощи подобных же средств и мы завладели бы торговлей всего мира. К каким абсурдам ни могла бы нас привести подобная теория! Прибыль может быть понижена только благодаря конкурренции капиталов, не состоящих из средств обращения. Так как увеличение количества банкнот ничего не прибавляет к этого рода капиталу, так как оно не увеличивает нашего вывоза товаров, ни наших машин, ни наших сырых материалов, то оно не может ничего прибавить к нашей прибыли, ни понизить норму процента. [1]

Когда кто-либо получает взаймы деньги с торговой целью, то он занимает их в качестве средства, при помощи которого он может располагать материалами, съестными припасами и проч., чтобы этим вести торговлю; для него может иметь

---

[1] Я ранее признал, что поскольку банк делает нас способными обращать наши монеты в материалы, съестные припасы и т. д., он тем самым содействует национальному благополучию, так как он увеличивает размер производительного капитала; но здесь я говорю о таком лишнем увеличении банкнот в обращении, которое не оказывает влияния на соответственный вывоз монеты и которое поэтому понижает ценность банкнот ниже ценности слитков, содержащихся в представляемой ими монете.

лишь ничтожное значение то обстоятельство, будет ли он принужден занять тысячу или десять тысяч, при условии, что он приобретет необходимое ему количество материалов. Если он займет десять тысяч, то номинальная ценность продукта его предприятия будет в 10 раз больше, чем в том случае, когда для той же цели было бы достаточно одной тысячи. Действительно употребляемый в стране капитал необходимо ограничивается количеством материалов, припасов и проч. и может быть сделан одинаково производительным, хотя и не с такой легкостью, если бы торговля происходила путем непосредственного обмена. Следующие один за другим владельцы средств обращения располагают этим капиталом; но как бы ни было велико количество монеты или банкнот, хотя оно может повысить номинальные цены товаров, распределить производительный капитал в других пропорциях, хотя банк, увеличивая количество своих банкнот, мог бы дать возможность *A* принять участие в деле, захваченном раньше *B* и *C*,— но это ничем не увеличило бы реального дохода и богатства страны. *B* и *C* могут понести потери, а *A* и банк могут оказаться в выигрыше, но они выиграют ровно столько же, сколько *B* и *C* потеряют. Произойдет насильственное и несправедливое перераспределение собственности, но общество в целом не может иметь от этого никакого выигрыша.

На основании этого я придерживаюсь того мнения, что высокая цена фондов не вытекает из обесценения наших средств обращения. Цена их должна регулироваться общей нормой процента, даваемого за деньги. Если до обесценения денег я давал за землю цену, равную ее 30 летнему доходу, а за фонд — цену, равную ее 25 летнему доходу, то после, обесценения денег я могу дать более значительную сумму за землю, не уплачивая более долголетнего дохода, так как продукт земли будет вследствие обесценения денег продаваться по более высокой номинальной цене; но так как ежегодные платежи по фонду производятся обесцененными средствами обращения, то не может быть основания, почему бы я платил в этом случае более высокую номинальную ценность после обесценения денег, чем до него.

Если бы гинеи были сведены обрезыванием до половины их настоящей ценности, то номинальная ценность каждого товара и земли повысилась бы вдвое; но так как процент с капитала уплачивался бы неполновесными гинеями, то он по этой причине не повысился бы.

Средство, которое я предлагаю против всех бедствий в нашем денежном обращении, заключается в том, чтобы банк постепенно уменьшал количество своих банкнот в обращении, пока он не сравнит ценность оставшихся банкнот с ценностью представляемой ими монеты, или иными словами, пока цены серебряных и золотых слитков не будут доведены до

их монетной цены. Я хорошо знаю, что окончательное уничтожение бумажного кредита сопровождалось бы для торговли и промышленности чрезвычайно разрушительными последствиями и даже внезапное его ограничение причинило бы столько разрушений и бедствий, что было бы чрезвычайно неудобно пользоваться этим, как способом восстановления настоящей и справедливой ценности нашего денежного обращения.

Если бы банк обладал большим количеством гиней, чем количеством находящихся в обращении его банкнот, то он не мог бы без большого вреда для страны платить монетой по всем банкнотам, пока цена золотых слитков продолжала бы оставаться значительно выше их монетной цены, а иностранные курсы были бы неблагоприятными для нас. Излишек наших денег был бы обменен на гинеи банка и вывезен и, таким образом, был бы внезапно извлечен из обращения. Поэтому, прежде чем банк будет в состоянии безопасно платить монетой, излишек банкнот должен быть постепенно извлечен из обращения. Если бы это было сделано постепенно, то чувствовалось бы мало неудобств; принимая это в принципе, можно было бы потом определить, следует ли это выполнить в течение одного года или пяти лет. Я совершенно убежден, что мы никогда не восстановим нашего денежного обращения иначе, как только путем этих предварительных мер или путем окончательного уничтожения бумажного кредита.

Если бы директора банка удерживали количество своих банкнот *в разумных границах; если бы они действовали на основании принципа, который, как они сами признали, регулировал их выпуски в период, когда банк был обязан оплачивать свои банкноты монетой, а именно, ограничивали бы количество своих банкнот такой суммой, которая предупреждала бы превышение рыночной цены золота над его монетной ценой, то мы не подвергались бы в настоящее время всем бедствиям обесценения и постоянных колебаний средств обращения.*

Хотя банк извлекает из настоящей системы значительные выгоды, хотя его капитал почти удвоился с 1797 года, а также соответственно этому возросли его дивиденды, но я готов согласиться с Торнтоном, что в качестве денежных людей директора банка несут потери от обесценения денежного обращения сообща с другими лицами гораздо более серьезные сравнительно с теми выгодами, которые они могут извлекать из этого обесценения в качестве владельцев капитала банка. Таким образом, я отказываюсь от обвинения, что они действовали под влиянием личного интереса, но их ошибки, если они таковы, в результате являются не менее вредными для общества.

Чрезвычайное могущество, которым они снабжены, дает им возможность регулировать по своему усмотрению цену особого вида богатства, называемого деньгами, получаемую владельцами этого богатства. Директора банка возложили на держателей денег все несчастья максимума. Сегодня они желают, чтобы 4 ф. 10 ш. расценивались, как 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ п., завтра они могут довести до той же ценности 4 ф. 15 ш., а в последующем году 10 ф. могут стоит не более. Насколько благодаря этому не обеспечена собственность, состоящая в деньгах или в ежегодных платежах, вносимых деньгами! Какая остается гарантия для государственного кредита, что проценты по государственному долгу, которые в настоящее время выплачиваются средством обращения, обесцененным на $15^0/_0$, не будут современем выплачиваться средством обращения, обесцененным на $50^0/_0$.

Несправедливость по отношению к частным кредиторам не менее серьезна. Долг, заключенный в 1797 году, в настоящее время может быть уплачен суммой равной $85^0/_0$ его размеров; а кто скажет, что не будет дальнейшего обесценения.

Следующие соображения Ад. Смита по этому предмету настолько важны, что я могу только рекомендовать их серьезному вниманию всех мыслящих людей.

„Повышение наименования монеты было наиболее обычным способом, посредством которого действительное государственное банкротство маскировалось наружным видом платежа. Если, например, сикс-пенс, посредством ли парламентского акта, или королевского декрета, повышался до наименования шиллинга, а 20 сикс-пенсов до наименования фунта стерлингов, то тот, кто занял 20 шиллингов прежним наименованием, или около 4 унций серебра, должен будет под новым наименованием уплатить 20 сикс-пенсов или несколько меньше 2 унций серебра. Подобным способом можно было бы уплатить национальный долг в 120 миллионов фунтов стерлингов, сумму, равную приблизительно капиталу основного долга Великобритании,—суммой около 64 миллионов нашей нынешней монеты. На самом деле это было бы платежом только по виду и кредиторы государства были бы ограблены на 10 шиллингов с каждого фунта той суммы, которая им следовала бы. Еще более: подобное бедствие распространилось бы не на одних только государственных кредиторов, но и кредиторы каждого частного лица понесли бы соответствующую потерю, причем не только без какой либо выгоды для государственных кредиторов, но это большей частью для последних связано с дополнительной потерей. Если бы, в самом деле, государственные кредиторы были более должны другим лицам, то они в некоторой степени могли бы вознаградить себя за потерю уплатой своим кредиторам той же монетой, которую они сами получили. Но в большинстве стран креди-

торы государства составляют большую часть богатого населения, при чем они находятся в отношении к остальным своим согражданам более в положении кредиторов, чем в положении должников. Таким образом, этого рода уплата по виду не только не уменьшает, но большей частью, усиливает потерю государственных кредиторов и без всякой выгоды для государства распространяет бедствие на значительное число других неповинных людей. Она порождает всеобщее и наиболее опасное разрушение богатств частных лиц, обогащая в большинстве случаев праздного и расточительного должника за счет деятельного и экономного кредитора, перенося значительную часть народного капитала из рук тех, кто способен на его усовершенствование и улучшение, в руки тех, кто только умеет расточать и уничтожать его.

Когда государству становится необходимым объявить себя банкротом, таким же образом, как это делается необходимым совершить отдельному лицу, то прямое и открытое банкротство составляет всегда средство, которое одновременно наименее постыдно для должника и наименее вредно для кредитора. Честь государства, очевидно, обеспечивается весьма слабо, когда для прикрытия позора действительного банкротства оно прибегает к этого рода мошенничеству, столь прозрачному и в то же время столь опасному".

Эти наблюдения д-ра Смита относительно порченой монеты одинаково применимы к обесцененному бумажному обращению. Он перечислил лишь небольшое количество тех бедственных последствий, которые сопровождают ухудшение средств обращения, но он достаточно предупредил нас в отношении попытки прибегнуть к столь опасным экспериментам. Если бы наша великая страна, имея перед глазами последствия принудительного бумажного обращения в Англии и во Франции, продолжала держаться системы, чреватой таким множеством бедствий, то это было бы обстоятельством, достойным постоянного сожаления. Будем надеяться, что она окажется более мудрой. Утверждают, правда, что обстоятельства не сходны, что Английский банк не находится в зависимости от правительства. Если бы это было верно, то все же зло чрезмерного обращения ощущалось бы не менее сильно; но можно спросить, может ли быть независимым от правительства тот банк, который снабжает правительство ссудой, превышающей на многие миллионы собственный его капитал и сбережения.

Когда в 1797 году сделалось необходимым распоряжение совета о прекращении размена, то натиск на банк был, по моему мнению, вызван только политической тревогой, а не чрезмерным или недостаточным (как предполагают некоторые) количеством банкнот в обращении. [1]

---

[1] В этот период цена золота была определенно ниже монетной цены.

Это такого рода опасность, которой банк, по природе своего учреждения, подвержен во всякое время. Никакая мудрость со стороны директоров не могла бы, может быть, предупредить ее; но если бы ссуды правительству были более ограничены, если бы тоже самое количество банкнот было выпущено в публику посредством учета, то, по всей вероятности, директоры банка могли бы продолжать свои платежи, пока не прекратилась бы тревога. Так как должники банка были бы обязаны уплатить свои долги по истечении 60-ти дней,—таков наиболее продолжительный период, на который выдаются учтенные банком векселя,—то директора имели бы в это время возможность, если бы оказалось необходимым, извлечь свою каждую банкноту из обращения. Прекращение размена оказалось необходимым благодаря слишком интимной связи между правительством и банком; той же причине мы обязаны и его продолжительностью.

Для избежания плохих последствий, которые могут сопровождать настойчивое сохранение этой системы, мы должны постоянно сосредоточить наше внимание на отмене закона о прекращении размена.

Единственное законное обеспечение, которым может обладать общество, против неосторожности банка, состоит в том, чтобы обязать его оплачивать свои банкоты по предъявлению монетой; а это может быть достигнуто только посредством уменьшения количества банкнот в обращении до того предела, пока номинальная цена золота не понизится до его монетной цены.

Т. Тук

ТЕЗИСЫ О CURRENCY—ТЕОРИИ [1]

Заключения, которые я стремился установить, таковы:

1. Если-бы в стране, расположенной подобно нашей, существовало чисто металлическое обращение, то между нею и другими странами могли бы быть и при случае фактически имели бы место пересылки драгоценных металлов на значительную сумму (самое меньшее, пять или шесть миллионов), причем эти пересылки не затрагивали бы общей суммы или стоимости обращения той страны, из которой или в которую бы они совершались и не являлись бы ни причиной, ни следствием изменения в общих ценах.

2. Учение, согласно которому утверждается, что всякий экспорт или импорт слитков при металлическом обращении должен повести за собою соответствующее уменьшение или увеличение количества денег в обращении и, таким образом, вызвать падение или подъем общих цен, по существу, неправильно и ошибочно.

3. Устанавливаемое теорией (Currency) различие между банкнотами и другими формами кредитных бумаг не основывается ни на какой разнице по существу, за исключением тех случаев, когда оно относится к банкнотам наиболее низкого наименования, на которые предъявляются требования в сделках между торговцами и потребителями, т. е. в розничной торговле и при выдаче заработной платы.

4. Если-бы не препятствие со стороны гербовых пошлин, векселя могли бы в широких размерах заменить собой при всех сделках купли-продажи между торговцами банкноты в 10 фунтов и выше, и фактически ими весьма широко пользовались до тех пор, пока не была наложена несоразмерная пошлина на более мелкие векселя.

---

[1] Извлечение из памфлета: Thomas Tooke—An Inquiry into the currency—principle, перев. Н. Проферансов. Памфлет Тука появился в связи с знаменитой реформой Роберта Пилля от 19 июля 1844 г., касавшейся выпуска банкнот Английского банка. Истинным автором реформы 1844 года был лорд Оверстон (банкир Джонс Ллойд). Последний вместе с полковником Торренсом, Норманом, Мак-Келлоком, Клеем и др принадлежал к так называемой currency scool, которая с начала 19 века, в связи с приостановкой размена банкнот со стороны Английского банка, вокруг вопроса о выпуске и покрытии банковых билетов вела ожесточенную полемику с banking-scool и ее представителями—Туком, Фуллартоном, Вильсоном и др. См. подр. главу Currency-Theory в настоящем сборнике. *Л. Э.*

5. Чеки выполняют функции денег в большинстве случаев с таким же удобством, как и банкноты, и во многих отношениях они более удобны.

6. Банкноты более высших обозначений употребляются для специальных целей, главным образом, при ликвидации счетов, какая имеет место в расчетных палатах и при продаже земельной и недвижимой собственности, что касается банкнот Английскаго банка; также на продуктовых рынках и ярмарках скота, что касается обращения в провинции; это все цели, для которых, в случае, если-бы банкноты были уничтожены, легко можно было бы найти соответствующих заместителей в виде векселей; а что касается ликвидации счетов между банкирами, то в виде казначейских билетов, а также путем мер, которые недавно обозначались термином „экономические суррогаты“ (economical expedients).

7. Общая сумма банкнот в руках публики определяется целями, ради которых они требуются при обращении капитала и в процессе распределения исчисляемых в золоте доходов различных классов общества.

8. Не во власти эмиссионных банков, включая сюда и Английский банк, создать какое бы то ни было прямое увеличение суммы банкнот, обращающихся в соответствующих областях, как бы ни были они расположены сделать это. В случае соревнования между эмиссионными банками на почве выпуска ими своих банкнот, может иметь место расширение обращения какого-нибудь одного из них или даже большего числа в одной обширной области, но оно может осуществиться только путем замещения банкнот конкуррирующих банков.

9. Точно также не во власти эмиссионных банков непосредственно уменьшать общую сумму обращения; частные банки могут придерживать ссуды и учет и могут отказаться от дальнейшего выпуска своих собственных банкнот; но изъятые таким путем из обращения их банкноты будут замещены банкнотами других банков или другими суррогатами (expedients), годными для удовлетворения той же самой потребности.

10. Следовательно, как бы хорошо ни были информированы провинциальные банкиры о положении вексельного курса и как бы ни были они расположены следовать этим указаниям, было бы ошибочно предполагать, что они способны регулировать свое обращение сообразно с такими данными. И, равным образом, ошибочно предполагать, что Английский банк посредством своей эмиссии может осуществлять прямую власть над вексельными курсами.

11. Ни провинциальные банки, ни Английский банк не имеют возможности производить добавочные эмиссии своих бумаг, то есть своих банкнот, с тем, чтобы оказать поддержку своим банковым рессурсам. Всякого рода успехи посредством ссуды или учета, в том случае, когда обращение уже насы-

щено, несомненно могут достигаться эмиссионными банками лишь тем же самым путем, как и не-эмиссионными банками, из их собственного капитала, или капитала их вкладчиков.

12. Цены товаров не зависят ни от количества денег, указываемого общей суммой банкнот, ни от суммы всех средств обращения; но, наоборот, общая сумма средств обращения является следствием цен.

13. Ограничивающий принцип для совокупности денежных цен, единственных цен, которые собственно и могут подойти под обозначение общих цен,—образует одно лишь количество денег, которое составляют доходы различных классов государства в виде арендной платы, прибыли, жалованья и заработной платы, предназначаемых для текущего расходования. Как издержки производства представляют собой ограничивающий принцип для предложения, так совокупность денежных доходов, предназначаемых к расходованию для потребления, является определяющим и ограничивающим принципом спроса.

14. Понижение размера процента вовсе не связано необходимо с тенденцией к повышению товарных цен. Наоборот, это понижение является причиной уменьшения издержек производства, а следовательно и дешевизны. [1]

---

[1] Против этого положения возражали в виду того, что оно будто бы содержит очевидную несообразность в отношении одного вытекающего из него последствия. Подчеркивают, что если низкий уровень процента—причина дешевизны, то в силу аналогичного рассуждения, высокий размер процента должен быть причиной дороговизны; казалось, таким образом, из этого следует, что банк повышая уровень процента с намерением улучшить вексельный курс, повышал бы цены на товары и обнаружил бы, таким образом, ненормальное сосуществование повышенных цен с усилием со стороны банка восстановить прилив слитков. Ответ на это возражение таков: в рассуждении, приводящем к выводу, что низкий уровень процента является причиной дешевизны, я определенно допускал, что пониженный уровень процента применяется настолько длительно или даже постоянно, чтобы он мог войти в издержки производства, а для вопроса о повышении уровня процента имеет силу обратное. Но на операцию банка по повышению уровня процента с целью противодействовать истощению запасов, нельзя смотреть как на обладающую таким постоянством, чтобы влиять на издержки производства. И чем в большей степени повышение уровня процента расходится с состоянием банковского обеспечения, тем меньше должна быть вероятность длительности этого повышения. Но есть и другой и еще более решительный ответ на возражение, а именно, что хотя непосредственная операция банка, в предполагаемых целях, связана с уровнем процента, она редко может иметь действительное значение, если повышение не было столь значительно, или обстоятельства, созданные предшествующей спекуляцией, не были таковы, чтобы затронуть кредит и вызвать крахи.

Далее, упадок коммерческого доверия, включая сюда и обширные банкротства, способны вызвать депрессию цен и, таким образом, вместе с повышением уровня процента, остановить истощение запасов и вызвать прилив слитков. Согласно с этим, положение № 15 относится к производимой банком операции в области уровня процента и состояния кредита, как единственной силе, которую он имеет в своем распоряжении для того, чтобы прямо влиять на вексельный курс, в противоположность приписываемой ему силе воздействия на общую сумму обращения.

15. Только посредством размера процента и состояния кредита (state of credit) Английский банк может оказывать прямое воздействие на вексельные курсы.

16. Кроме сохранения способности к размену кредитных билетов и платежеспособности банков, наиболее значительное соображение в регулировании нашей банковой системы составляет большая или меньшая способность варьировать уровень процента.

17. Полное отделение эмиссионного дела от банкового способно произвести более обширные и более резкие изменения в уровне процента и в состоянии кредита, чем настоящая система объединения департаментов. [1]

[1] Реформа Р. Пиля разделила Английский банк на 2 отделения: эмиссионный департамент и банковый департамент. Первый ведает исключительно выпуском банкнот, второй к эмиссии не имеет никакого отношения и получает банковые билеты от эмиссионнаго департамента для ведения своих операций. *Л. Э.*

Кнут Викселль.

ДЕНЕЖНЫЙ ПРОЦЕНТ И ЦЕНЫ БЛАГ

(Исследование о причинах, определяющих меновую ценность денег) [1]

Количественная теория, даже в той форме, какую мы находим в поистине классических работах Рикардо о деньгах, все же обнаруживает, как показала позднейшая критика, слишком крупные недостатки, чтобы ее можно было принять, как таковую. Эти недостатки могут быть выражены в следующих положениях...

Количественная теория представляет нечто большее, чем голый трюизм, т. е. чем подразумевающееся само по себе и ничего нового не говорящее положение. Она содержит, например, больше чем одно утверждение, что произведение суммы проданных товаров на их цены должно равняться издержанной на их покупку сумме денег. Теория эта действительно дает объяснение разбираемому ею явлению, при том логически неуязвимое объяснение, но только оно обставлено такими предпосылками, которые лишь частью существуют в действительности, а в некоторых отношениях не совпадают с нею вовсе.

Именно, теория эта предполагает повсеместное существование индивидуальных кассовых запасов, тогда как на деле индивидуальные кассы стали чисто счетной величиной (Rechenbegriff), исключительно правовым понятием в применении к огромным сферам деловой жизни, так как в действительности их заменили своего рода коллективные кассовые запасы, в форме вкладных операций банков.

Она предполагает затем, что содержимое всякой кассы остается сравнительно неизменным (по отношению к объему оборота или платежей), или, по крайней мере, тяготеет к такой неизменности. Иначе говоря, здесь предполагается, что скорость обращения денег представляет устойчивую, мало податливую величину, колеблющуюся около некоторого неизменного среднего значения. В действительности же, эта скорость обращения, с одной стороны, растет и сокращается чисто автоматически, а, с другой, что всего важнее, она спо-

---

[1]. Настоящий отрывок представляет извлечение из кн.: K. Wicksell „Geldzins und Güterpreise". Ср. стр. 37—38 и введение к ней. Перев. А. Зеленко.

собна на любое ускорение в результате хозяйственного прогресса. Таким образом, рассматриваемая чисто теоретически, она отличается совершенно неограниченной эластичностью.

В-третьих, количественная теория предполагает, что если уж не всякая и каждая меновая сделка, то, по крайней мере, приблизительно неизменная часть всех этих сделок осуществляется при посредстве денег, в известном смысле этого слова, т. е. при посредстве монеты и банкнот. В действительности же, граница между этими последними и собственно кредитными средствами обмена, т. е. просто товарным кредитом (по книгам), векселями, чеками и т. п.—является вообще крайне изменчивой, так что все средства обмена могут заменять друг друга в широком размере,—и в действительности, при случае осуществляют такую замену, как показывает пример всякого кризиса.

Наконец, разбираемая теория предполагает резкое разграничение друг от друга той части наличного металлического запаса, которая фактически циркулирует, и той части его, которая сберегается ради более отдаленного будущего в качестве сокровища (hoards) или же имеется в форме украшения и посуды, а потому не может служить деньгами. Конечно, и это неверно; отдельные тезаврированные денежные суммы сберегаются лишь затем, чтобы ранее или позже вернуться в обращение, причем этот процесс при известных условиях можно как ускорить, так и отсрочить; то же самое верно и для украшений из драгоценных металлов. Тезаврирование в собственном смысле могло бы, во всяком случае, иметь известное значение разве только в мало развитом народном хозяйстве. В развитых странах оно по большей части принимает другие формы; что же касается металлических украшений, то трудовые издержки, связанные непосредственно с их производством, обычно составляют столь значительную часть их ценности, что переплавка их должна оказываться неэкономной. Такая переплавка имеет практическое значение лишь для старомодных или сломанных вещей.

Коротко говоря: количественная теория теоретически правильна при строгом соблюдении принципа „ceteris paribus“, но из условий, предполагаемых при этом равными и неизменными, некоторые принадлежат к наиболее изменчивым и наименее уловимым факторам всей народно-хозяйственной жизни. К этим последним относится, прежде всего, второй из упомянутых выше факторов, именно, скорость обращения денег, к которой, однако, в действительности, можно в большей или меньшей степени свести все прочие условия. Поэтому невозможно заранее разрешить вопрос—окажется ли количественная теория правильной и в действительности, т. е. существует ли на деле выдвинутый ею параллелизм движения цен и количества денег.

Защитники количественной теории, естественно, никогда не упускали полностью из виду эти трудности, но им невозможно избежать упрека в том, что они несколько легко отделывались от этих трудностей и никогда не подвергали всестороннему исследованию детали вопроса. Иногда они даже позволяют себе действительно такие выражения, как будто размер наличного количества денег, или той его части, которая находится на руках публики, прямо и непосредственно определяет цены; между тем, это, конечно, неверно и открывает благодарное поле для критики...

При указанных выше недостатках количественной теории не оставалось сделать ничего другого, как попробовать итти дальше по пути, указанному Рикардо. Иными словами—оставалось только развивать последовательно дальше то основное воззрение, которое привело к самому созданию количественной теории, чтобы таким путем, по возможности, притти к построению теории, свободной от внутренних противоречий и вполне соответствующей фактам.

Подходящий результат, казалось, мог быть достигнут лишь следующим образом. По воззрениям Рикардо, избыток денег должен обнаружиться двояким образом,—с одной стороны, в повышении всех цен, а с другой, в понижении учетного процента. Последнее из этих влияний, по собственному его указанию, может быть только преходящим, так как с того момента, как произойдет приспособление к возросшему количеству денег, исчезнет всякий избыток денег, и денежный процент должен будет при прочих равных условиях возвратиться к своему прежнему уровню. Для того, чтобы вызвать более или менее устойчивое понижение учетного процента, необходим был бы вечно возобновляющийся избыток денег, т. е. постоянный рост (относительных) размеров количества их. Вместе с тем это понижение процента мыслимо лишь при условии постоянного роста цен. Это последнее положение должно было бы в действительности иметь всеобщее значение, при чем в современном развитом кредитном хозяйстве значение его должно даже возрасти, так как наряду с ростом количества материальных денег (materielles Geld), служащих причиной облегчения кредита, начинает влиять, в качестве следствия этого последнего,—еще и увеличение (действительное или потенциальное) скорости обращения денег.

Когда кредитные учреждения предлагают свои деньги или свой кредит на более льготных условиях, чем обычно, то в результате этого может явиться логически лишь более сильный спрос со стороны публики на эти денежные средства и кредита, а значит, последует повышение цен. При этом, согласно вышесказанному, рост цен будет прогрессировать до тех пор, пока будет на лицо облегчение кредита. Обратное наблюдается, естественно, при затруднении кредита.

Но все это верно с одной очень важной модификацией, которая заключается в самой природе вещей и игнорирование которой часто ведет к поспешным выводам, плохо согласующимися с фактами. Учетный процент, конечно, сам по себе никогда не бывает ни слишком низок, ни слишком высок; его можно рассматривать как таковой только по сравнению с тем доходом, который можно добыть, или который надеются добыть, получив в свои руки деньги. Поэтому, причину, изменяющую спрос на сырье, на труд, на пользование землей и на прочие средства производства и косвенно определяющую этим путем колебания цен товаров вверх и вниз, — причину эту нужно видеть не в абсолютно высоком или низком уровне учетного процента, а в известной пропорции этого уровня к тому, что я называю естественным процентом на капитал, который приблизительно равен реальному проценту, получаемому в предприятиях, и который точнее, хотя и черезчур абстрактно, можно было бы определить как норму процента, какая установилась бы под влиянием соотношения спроса и предложения в том случае, когда реальные капиталы отдавались бы взаймы в натуре, без посредства денег...

Денежный процент не может, однако, безусловно совпадать с этой нормой процента, которая устанавливалась бы спросом и предложением в этом последнем случае, когда капиталы отдавались бы взаймы в натуре, ибо предложение капиталов в натуре ограничено чисто физическими обстоятельствами. Предложение же денег теоретически совершенно неограничено, практически же оно заключено тоже в довольно эластичные границы: ведь одни и те же денежные знаки в одно и то же время можно почти по произволу часто отдавать взаймы — как различным лицам, так даже и одному и тому же лицу. [1]

Тем не менее вполне несомненно, что денежный процент, в конце концов, следует за уровнем естественного процента на капитал, т. е. что уровень его в конечном счете зависит исключительно от относительного изобилия или редкости реальных капиталов. Но как раз это явление, по моему, было бы совершенно необъяснимо, если не принять предпосылки, что всякое устойчивое расхождение этих обоих норм процента ведет к изменению товарных цен, при том к повторяющемуся и прогрессирующему их изменению, которое при существующем состоянии денежного обращения рано или поздно заставит учетный процент приспособиться к существующему уровню естественного процента на капитал.

---

[1] Сказанное выше верно и для товарного кредита, — при этом верно в самой высокой степени, так как лицо, предоставляющее кредит, не может, конечно, передать больше товаров, чем оно имеет само, но оно может дать взаймы произвольно большое количество денег, — именно столько, сколько получатель кредита обязуется уплатить за эти товары.

Невозможно лучше иллюстрировать это положение, как напомнив о знаменитой переписке между Бастиа и Прудоном по поводу „бесплатности кредита". („Kapital und Zins, Die Polemik zwichen Bastiat und Proudhon". Jena G. Fisher, 1896).

Не только сам Прудон, но его противник Бастиа (как это ясно видно из его 6-го письма) держался мнения, что банки, выпуская свои билеты без полного металлического покрытия, могут соответственно понижать свой учетный процент, — и при свободе конкурренции действительно станут понижать его. Если это воззрение правильно, то мы совсем недалеки от безплатности кредита. Во всяком случае допустимо постулировать такое состояние, при котором развитие кредитного оборота довело бы до минимума и потребный металлический запас и прочие издержки работы самих банков. Итак, согласно этому воззрению, денежный процент мог бы упасть в этом случае до нуля, хотя не наблюдалось бы совершенно никакого роста реального капитала. Куда спрашивается девались здесь все мотивы, приводимые обычно экономистами (и всех больше самим Бастиа) для обоснования экономической необходимости учетного процента, — для доказательства того, что он устанавливается соотношением спроса на капитал и предложения его.

Противоречие это разрешается, однако, весьма просто, если принять, что устойчивое понижение учетного процента по сравнению с естественным процентом на капитал вызвало бы не просто только повышение цен (на что указывал и Бастиа), но именно прогрессирующее повышение их, в конце концов, превосходящее всякую меру. А это рано или поздно заставило бы банки повысить свою норму учетного процента. В обратной форме тот же процесс наступил бы, если бы денежный процент установился на уровне, превышающем естественный процент. Вместе с тем совершенно ясно, что если исходить из всего мирового хозяйства в целом и предположить подобную политику у всех банков (что не может, впрочем, наступить скоро), то разница между обоими нормами процента может существовать, пожалуй, продолжительное время, несмотря на описанное выше влияние ее на цены. Возникает вопрос — не содержится ли в этом обстоятельстве достаточное объяснение всех, наблюдаемых в действительности изменений цен, для которых все другие объяснения оказываются логически неправильными.

Количественная теория остается при этом права постольку, поскольку относительный рост или сокращение количества денег всегда имеет тенденцию повышать и понижать цены, — при том прежде всего благодаря обратному влиянию на уровень процента.

Но денежные изменения остаются здесь лишь одним из факторов, по крайней мере, поскольку имеются в виду, не

очень продолжительные периоды времени. Другим фактором, влияние которого часто больше чем перевешивает влияние этого первого, остаются самостоятельные изменения естественного процента самого по себе, за которыми необходимо, но лишь медленно и постепенно следуют соответствующие изменения денежного процента.

Этим путем убедительно устраняется то важнейшее возражение, которое обычно выставляется против разбираемой теории. Оно состоит в указании на то, что подъем цен в действительности очень редко оказывается связан с низким или падающим уровнем процента, а гораздо чаще с высоким и растущим,—и что, наоборот, падающие цены обычно связаны с понижающейся нормой процента. Это явление, очевидно, вполне согласовано с вышеизложенными воззрениями.

Г. Кассель

ЦЕННОСТЬ ДЕНЕГ [1]

ВВЕДЕНИЕ

Исследования о деньгах показывают, что скала, по которой исчисляются все цены и которая сама по себе является лишь абстрактной расчетной скалой, может обладать устойчивостью только в том случае, если фигурирующие в этой скале цен платежные средства имеются в определенном ограниченном количестве. Если какое либо платежное средство можно было бы иметь в неограниченном количестве, то была бы возможность предложить любые цены за товары и услуги. Известное количественное ограничение наличия платежных средств составляет поэтому необходимое условие для постоянного образования цен, т. е. для равновесия между деньгами и товарами. Ясно также, что количество платежных средств должно известным образом оказывать влияние на образование цен и в том направлении, что большее наличие платежных средств имеет тенденцию держать цены на более высоком уровне. При большем наличии платежных средств за единицу денег получают меньше: „ценность денег" тогда меньшая.

Ограниченность платежных средств, которая необходима для сохранения устойчивой ценности денег, касается всей совокупности платежных средств. Устойчивость ценности денег требует, таким образом, известного ограничения не только для денег в узком смысле, а и для других платежных средств, не представляющих из себя денег, но одинаково служащих для выполнения денежных обязательств. Ценность денег должна находиться в определенной зависимости от количественного ограничения всей совокупности платежных средств.

Каждое платежное средство характеризуется прежде всего особым, свойственным ему способом ограничения его количества. При изучении отдельных видов денег, а также платежных средств, не являющихся деньгами, мы всегда выдвигали на первый план этот момент ограничения наличных платежных средств. При этом мы могли рассматривать это ограничение только, как необходимое условие устойчивости цен-

[1] II глава в книге: G. Kassel: „Theoretische Socialökonomie". 3 Auflage, Leipzig 1923 г., пер. Миркин.

ности денег, и должны были оставить в стороне ее влияние на ценность денег, т. е. на количественную зависимость ценности денег от денежной массы. Чтобы придать нашему исследованию о деньгах логическое завершение и этим создать твердую теорию денег, требуется именно подробное исследование этой количественной зависимости между ценностью денег и денежной массой.

Так как устойчивая ценность требует известного ограничения общего наличия платежных средств, то всякое увеличение количества какого-либо платежного средства, не сопровождающееся соответствующим вытеснением другого платежного средства, должно оказать влияние на ценность денег. Исследование ценности денег должно поэтому принять во внимание всю совокупную массу платежных средств. Таким образом, нельзя, как это часто пытались делать, рассматривать отдельно от общего учения о деньгах те платежные средства, которые не представляют из себя денег. Центральный вопрос учения о деньгах — вопрос о ценности денег, может быть полностью исследован и выяснен, если принимаются во внимание все платежные средства соответствующей скалы, которые употребляются для производства платежей.

Что увеличение платежных средств вызывает общее повышение цен, т. е. понижение ценности денег, уже давно было замечено. После открытия Америки запасы драгоценных металлов в Европе так сильно возросли, что вызванное этим обстоятельством повышение цен не могло не быть приведено в связь с вызвавшими его причинами. История прежних бумажных денежных систем с особенной наглядностью показывает, что неограниченное увеличение платежных средств приводит с необходимостью к неограниченному повышению цен и этим самым к неограниченному обесценению платежного средства, вплоть до полной потери им всякой ценности.

Во время наполеоновских войн, когда банкноты Английского банка имели принудительный курс, опыт показал, какое влияние произвольное увеличение банкнот оказывает на денежную систему и, в частности, на ценность денег. С того времени начинает развиваться реальная теория денег. В центре этой теории стоят всегда исследования о зависимости между денежной массой и ценностью денег.

Ясно, что при этом нельзя ограничиться только фактом такой зависимости и той истиной, что определенная ценность денег предполагает известное ограничение наличия платежных средств. Необходимо стремиться к тому, чтобы выразить в цифрах влияние денежной массы на ценность денег, изобразить ценность денег, как функцию денежной массы арифметически. Для этой цели раньше всего требуется ясное определение понятия ценности денег. Понятие ценности денег

в общем, такое же растяжимое, как понятие ценности. Но понятие ценности, поскольку вопрос идет о товарах и услугах, могло быть заменено точно определяемым понятием цены. Этот путь для фиксирования понятия ценности по отношению к ценности денег закрыт, ибо поскольку цены измеряются в денежной единице, то цена денежной единицы всегда равна единице и ценность денег поэтому формально всегда устойчива. Представление о ценности денег какой-либо страны можно получить только тогда, если измерить таковую в денежной системе другой страны. Ценность денег первой страны определяется количеством товаров или услуг, которые можно получить за эти деньги. Денежная единица представляет большее или меньшее количество благ, смотря по тому, стоят ли цены низко или высоко.

Соображения эти указывают на путь, по которому нужно итти, чтобы в замкнутом народном хозяйстве достигнуть ясного определения понятия ценности денег. Падающая ценность денег выражается в общем повышении товарных цен. Мы должны поэтому ценность денег определить, как обратно соотносительную (reziproken Wert) общего уровня цен. Этим, конечно, проблема определения понятия ценности денег еще окончательно не разрешена, ибо остается еще трудный вопрос, как определить общий уровень цен, дабы возможно верно отразить общее движение цен. К этому вопросу мы еще вернемся подробнее, предварительно предполагая известным понятие общего уровня цен. Вся теория ценности денег тогда сведется к теории изменений общего уровня цен.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ

Казалось совершенно ясным, что деньги, как таковые, не имеют другого значения, как покупать товары или совершать платежи и что для такой цели любая денежная масса достаточна, если только цены стоят на соответственной высоте. Эта мысль получила свое выражение в количественной теории. В своей примитивной форме эта теория имеет следующее содержание: деньги покупают товары. Совокупная масса денег покупает совокупную массу товаров. Таким образом, совокупная ценность денег равна совокупной ценности товаров. Из этого следует, что ценность единицы денег обратно пропорциональна денежной массе. Таково содержание количественной теории денег, как оно излагалось в старой экономической литературе.

Не трудно понять, что нельзя предположить обмена между всеми товарами с одной стороны и всей массой денег с другой. Юм формулировал количественную теорию несколько более точно, а именно, что общий уровень цен определяется

соотношением между деньгами, которые циркулируют, и товарами, которые поступают на рынок. Деньги и товары взаимно влияют друг на друга только тогда, когда они встречаются. Если мы обозначим буквой Q общую массу товаров на рынке, буквой P общий уровень цен и буквой G циркулирующую денежную массу, то можно представить количественную теорию в этой формулировке посредством уравнения $QP=G$

Необходимо здесь обратить особое внимание на то, что это положение имеет в виду *определенное время*. Товарная масса и денежная масса представляют из себя понятия, которые не содержат в себе элемента времени и могут мыслиться только в известный момент. Но если эти понятия имеют отношение к определенному моменту, то не ясно, почему деньги должны купить совокупную массу товаров. Процесс, во время которого происходит эта покупка, требует времени. И, если желают рассмотреть результат этого процесса, то ясно, что необходимо положить в основу исследования *период времени*. Товары, которые продаются в течение этого периода, должны быть оплачены циркулирующими деньгами. Это изменение тезиса вносит новое затруднение в проблему: когда рассматривают период времени, то всегда дана возможность, что в этот период многие платежи могут быть совершены одним и тем же денежным знаком. Объем платежей не будет больше измеряться только количеством денег; должно быть принято во внимание также количество платежей, которые производятся в течение этого периода каждым денежным знаком. Этим мы достигаем понятия *скорости обращения* денег. Понятие это, которое в литературе большей частью весьма неясно выражено, легче всего определяется, если предположить, что все денежные знаки в данный период одинаково часто употребляются для платежей. Если обозначить буквой U число платежей, которое производится в данный период каждым денежным знаком, а буквой Q количество товаров, которое в этот период продается, то количественная теория выразится тогда в формуле: $QP=GU$. Это уравнение, которое в сущности должно касаться общей массы всех платежей, не только товарных, причем Q должно рассматриваться, как мерило реального оборота, указывает на то, что объем платежей, которые приходится производить в течение известного периода, равняется платежной способности данной денежной суммы в течение этого периода.

Обыкновенно нельзя предположить такого абсолютно одинакового употребления всех денежных знаков. Платежная способность денежной массы в реальной действительности равняется сумме платежных способностей отдельных денежных знаков, причем платежеспособность отдельного денежного знака определяется его номинальной ценностью, помно-

женной на число произведенных им в течение определенного периода платежей. Если номинальная ценность отдельного денежного знака будет равна m, а число произведенных им платежей *u*, то общая платежеспособность выразится суммой $\sum m\,u$. [1] Можно тогда среднюю скорость обращения денег определить посредством уравнения $U = \frac{\sum m u}{G}$ т. е., таким образом, что делят общую платежеспособность денег на денежную массу. Предпосылкой при этом должно быть, что денежная масса в течение известного периода не изменяется. Следует помнить, что общая платежеспособность денежной массы касается определенного периода в то время, как собственно денежная масса касается только известного момента. Сравнение этих величин молчаливо предполагает, что денежная масса во время всего этого периода остается неизменной. Если же это не имеет места, то можно среднюю скорость обращения денег определить только посредством следующего приема: вместо реального периода принять фиктивный, в котором все соотношения остались устойчивыми и сравнить платежеспособность в течение этого периода с денежной массой в начале периода. Пропорция, очевидно, представит среднюю скорость обращения в начале периода.

Скорость обращения денег представляет из себя, в известном смысле, самостоятельный фактор проблемы образования цен. Насколько часто в данный период какой-либо денежный знак может быть употреблен для платежей, зависит от привычек населения в отношении хранения денег, от степени развития менового хозяйства, от плотности народонаселения, от развития транспорта и т. д., одним словом, от факторов, которые в теории ценности должны быть рассматриваемы, как данные. Это не исключает, конечно, возможности, чтобы изменения общего уровня цен или денежной массы не оказывали известного влияния на скорость обращения денег. Если скорость обращения денег рассматривается, как самостоятельный фактор, то это должно означать, что она имеет самостоятельные вне проблемы образования цен лежащие стимулы.

Из этого можно заключить, что количественная теория в теперешней форме имеет совершенно определенный смысл и реальное содержание. Содержание это совершенно потерялось бы, если бы мы захотели вместе с Ст. Миллем [2] исключить из него элемент времени и заменить скорость обращения денег покупательной способностью денег, которая опре-

---

[1] $\sum$ — математический знак, употребляемый для обозначения суммы членов, имеющих одинаковую форму. Л. Э.

[2] „Основания политической экономии“, кн. III, гл. VIII, § 2.

делялась бы как часть общей платежеспособности и денежной массы. Ибо тогда количественная теория выражала бы только, что общая платежеспособность равняется денежной массе, помноженной на покупательную способность денег и была бы, следовательно, сведена к совершенно ничего не говорящему тождеству.

Содержание количественной теории всегда состоит в том, что данная денежная масса должна вызвать определенную платежеспособность и что уровень цен должен к этому приспособиться. В примитивной количественной теории это положение выражено в тезисе, что всякая данная денежная масса покупает все количество товаров. В новейшей форме количественной теории эта предпосылка заменяется обыкновенно положением, что скорость обращения денег постоянна. Это значит, что в единицу времени должно совершиться известное, денежной массой определяемое, количество платежей. В природе количественной теории лежит, следовательно, стремление свести изменение общего уровня цен к изменениям денежной массы.

Но если денежная масса в этом виде рассматривается, как самостоятельно действующий фактор в образовании цен, то, естественно, необходимо принять самую денежную массу, как данную в определенных, объективных, вне образования цен лежащих условиях или, по крайней мере, находящуюся под влиянием таких условий. Задача отыскания причин, определяющих общий уровень цен или ценность денег, конечно, не может быть разрешена, пока не доходят до факторов, которые сами могут быть рассматриваемы, как объективно данные моменты проблемы.

В отношении денежной массы следует заметить, что количественная теория признает только за циркулирующей денежной массой влияние на образование цен. Но эта циркулирующая денежная масса не представляет из себя совершенно определенной величины, так как ее нельзя никогда вполне отделить от находящихся в банковских резервах денежных масс или от имеющихся частных денежных запасов. Деньги поступают из запасов в обращение и обратно из обращения переходят в денежные запасы, в зависимости от ежедневных потребностей оборота. Нет смысла при таких условиях говорить о том, что циркулирующая денежная масса определяет уровень цен. Скорее общий уровень цен является одним из факторов, который определяет в данный момент циркулирующую денежную массу. Таким образом, количественная теория оставляет совершенно открытым вопрос об основных факторах, определяющих ценность денег.

Если хотят движения общего уровня цен свести к объективным фактам, то необходимо общий уровень цен привести в связь с совокупной денежной массой. Это можно сделать

если в уравнении $QP=GU$ обозначить посредством G совокупную денежную массу, причем U определяет скорость обращения этой денежной массы, т. е. платежную способность в данный период каждой единицы общей денежной массы. Если сравнить два случая, в которых эта платежеспособность денег одинакова и в которых объем реального оборота тоже одинаков, то можно сказать, что общий уровень цен P прямо пропорционален денежной массе G.

Это положение имеет определенный смысл, когда общая денежная масса может быть рассматриваема, как данная величина. Это имеет место при бумажной денежной системе, когда государство фиксирует количество бумажных денег. Если бумажные деньги выпускаются в форме банкнот с принудительным курсом, то непосредственно действующий способ ограничения количества бумажных денег заключается в условиях предоставления ссуд банками. Здесь мы наталкиваемся на объективный момент, который можно принять, как фактор, определяющий ценность денег. Если вообще прекращается всякое самостоятельное ограничение бумажных денег, то образование цен становится совершенно неопределенной проблемой, и цены, как это показал печальный опыт, могут неограниченно увеличиваться.

При золотой денежной системе дело обстоит иначе. Также тогда общая денежная масса не представляет из себя самостоятельной величины. Денежная масса строго не ограничена от общего золотого запаса; напротив, золото переходит от монетного золотого запаса к монетному и наоборот, и это движение туда и обратно беспрерывно продолжается. Сколько золота употребляется на монеты может зависеть от потребности оборота в деньгах, а следовательно, также от общего уровня цен. Монетный золотой запас в данную минуту не дает, следовательно, объективного основания для определения ценности денег. Сведение общего уровня цен к объективным определяющим его факторам, в действительности, возможно только, когда общий уровень цен приводится в связь с общим золотым запасом. Этот запас или дан в абсолютном виде или же, если продолжается еще производство, определяется техническими производственными условиями, и в обоих случаях объяснение общего уровня цен сведется к объективно данным моментам. В уравнении—$QP=GU$—G должно, следовательно, теперь обозначать общую золотую массу, U—платежеспособность в данный период каждой единицы этой золотой массы. Если рассмотреть два случая с одинаковой платежеспособностью каждой единицы общей золотой массы и с тем же реальным оборотом, то можно количественную теорию формулировать таким образом, что общий уровень цен прямо пропорционален общей золотой массе.

До сих пор мы предполагали, что все платежи производятся в золоте. Остается еще вопрос, как реально определяется ценность денег, когда наряду с деньгами принимаются также во внимание банкноты и банковские депозиты, как платежные средства. Теория ценности денег, которая приводит в связь уровень цен с количеством произведенных в определенный период платежей, должна к денежным платежам прибавить все платежи, произведенные посредством банковских платежных средств. Тогда получают $QP = Z_1 + Z_2 + Z_3$, где Z_1 Z_2 Z_3 означают суммы наличных платежей посредством банкнот и чеков. Так же, как мы раньше Z_1 заменяли через $G_1 U_1$ мы можем сейчас Z_2 заменить $G_2 \cdot U_2$, где G_2 означает циркулирующее количество банкнот и U_2 скорость их обращения. И, если принять скорость обращения в обоих сравниваемых случаях за одну и ту же, то наше уравнение показывает, что увеличение циркуляции банкнот пропорционально увеличивает платежеспособность банкнот. Таким же образом можно Z_3 заменить через $G_3 \cdot U_3$, где G_3 означает общую сумму тех банковских вкладов, на которые могут быть выписаны чеки. Так как нельзя определить физическую скорость обращения депозитов, то необходимо U_3 определить, как платежеспособность в данный момент каждой единицы депозитов. Если эта платежеспособность тоже принимается, как неизменная, то увеличение общей суммы депозитов пропорционально увеличит их платежеспособность. При условии неизменяемости платежных требований и неизменяемости в использовании платежных средств, можно колебания общего уровня цен свести к трем переменным: денежной массе, циркуляции банкнот и количеству депозитов.

Но эти переменные не вполне независимы. Количества банкнот и депозитов совместно регулируются при данной денежной массе условиями банковских ссуд. Эти условия выступают, как самостоятельный фактор в процессе образования цен. При указанной предпосылке пришлось бы определение общего уровня цен свести к двум факторам: к условиям банковских ссуд и циркулирующей денежной массе. Но так как при золотой денежной системе циркулирующая денежная масса не является самостоятельной постоянной величиной, а должна быть сведена к общей золотой массе, то мы приходим к заключению, что колебания общего уровня цен, при неизменности реального оборота, определяются общей золотой массой и условиями ссуд банков, а также использованием платежных средств. Этот результат можно простейшим образом формулировать, если вернуться к первоначальной формулировке количественной теории и в уравнении $QP = GU$ обозначить G, как общую золотую массу, а U как общую платежеспособность в данную единицу времени каждой единицы этой денежной массы. Наиболее важными факторами в этой

относительной платежеспособности является более или менее распространенное употребление банковских платежных средств и связанное с этим использование золотых банковских резервов и общего золотого запаса для платежей. Эти два фактора в каждый момент по существу определяются условиями банковских ссуд. Наряду с этим следует принять во внимание колебания при использовании различных платежных средств. Если в обоих рассматриваемых случаях упомянутая относительная платежеспособность одна и та же, то из этого следует, что общий уровень цен пропорционален общему золотому запасу.

О правильности формулированных в этих параграфах положений здесь еще не будет ничего сказано. Мы имеем в виду раньше всего строго установить, каково при различных предпосылках содержание количественной теории или, более точно выражаясь, каким оно логически должно быть, если теория вообще должна иметь определенный смысл. При этой оговорке мы здесь еще несколько продолжим анализ количественной теории. Количественная теория в ее классической форме ставит ценность денег в связь с объемом платежей. В этой форме мы здесь изложили теорию. Но такой способ исследования не обязателен. Можно также рассмотреть ценность денег в ее связи с кассовыми потребностями данного момента, т. е. с потребностью в деньгах. [1]

ЗНАЧЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ДЕНЕЖНОЙ МАССЫ

Для практической денежной политики теория ценности денег имеет непосредственное значение, главным образом, постольку, поскольку она в состоянии объяснить, как влияют изменения денежной массы на общий уровень цен. В старой политической экономии считалась общепринятой формула Ст. Милля [2] о влиянии увеличения денежной массы, которая гласит, что „если бы в народном хозяйстве кассовая наличность всех индивидуумов вдруг удвоилась, то общий уровень цен при прочих равных условиях тоже удвоился бы“. Это положение, конечно, не связано с результатами сделанного нами анализа количественной теории. Ибо здесь предполагается, что в данном народном хозяйстве происходит увеличение денежной массы и по поводу влияния этого изменения высказывается определенное мнение. От сравнения двух дан-

---

[1] Здесь мы опускаем длинные и довольно запутанные рассуждения. Касселя о связи ценности денег с кассовыми потребностями данного момента. Укажем только, что главное различие, устанавливаемое Касселем между обоими методами, сводится к различному учету момента времени: количество платежей относится непременно к определенному п е р и о д у, напротив кассовая потребность — к определенному м о м е н т у. *Л. Э.*

[2] Милль. Цит. произв., кн 3, гл. VIII, § 2.

ных, друг от друга независимых явлений мы перешли, таким образом, к вопросу, когда должна быть принята во внимание внутренняя зависимость всего народно хозяйственного процесса, т. е. мы перешли от проблемы статики к проблеме динамики.

Упомянутая формулировка количественной теории предполагает, что все другие факторы остаются неизменными, и эта предпосылка делается большей частью без того, чтобы задать себе вопрос, правильна ли она в данном случае. Но приходится с самого начала предположить, что увеличение количества денег должно оказать влияние также и на „другие факторы", главным образом, на скорость обращения денег и на взаимоотношения между банковскими платежными средствами и наличными деньгами, а также и на товарное обращение. Оговорка „при прочих равных условиях" является здесь абсолютно недопустимой. Проповедывать с этой оговоркой количественную теорию, как очевидную истину, значит отклонить внимание от существенных процессов, что, конечно, мало способствует развитию здоровой научной критики.

До тех пор, пока рассматривают два различных, друг от друга независимых случая, конечно, вполне оправдывается предположение, что „остальные факторы" равны между собой, так как можно выбрать два сравниваемых случая по своему желанию. Но, если в определенном случае предположить, что денежная масса вдруг увеличилась, то нельзя делать любые предположения насчет вытекающей отсюда новой ситуации. Можно предположить, что со стороны не появятся новые нарушающие факторы, но о влиянии увеличения денежной массы нельзя делать новых предположений, его нужно лишь исследовать.

Когда мы переходим от статического обсуждения проблемы зависимости ценности денег от денежной массы к динамическому обсуждению ее, мы наталкиваемся на затруднения нового рода, для преодоления которых употреблявшиеся нами до сих пор методы непригодны. Уже при рассмотрении статической проблемы ценности денег мы нашли, что количественная теория не обладает абсолютной очевидностью, которую ей часто приписывают, и что, напротив, для доказательства теории необходимо сделать различные предпосылки,— такие предпосылки, которые сами по себе может быть и мыслимы, но которые могут быть проверены не чисто теоретическими рассуждениями, а фактами хозяйственной жизни. Еще более недостаточными кажутся средства чистой теории, когда мы переходим к динамической проблеме. Какое влияние имеет увеличение денежной массы на скорость обращения денег, на размеры пользования банковскими платежными средствами или на объем реального оборота, и каково будет,

в конце концов, воздействие этих факторов на общий уровень цен, — все это вопросы, которые, вообще не разрешаются чисто теоретически.

Когда пытаются понять непосредственное влияние увеличения денежной массы, предполагая при этом, что сюда не привходит никаких других самостоятельных изменений, то можно как будто предположить, что за увеличением денежной массы должно последовать уменьшение скорости обращения денег, относительное возрастание платежей наличными по сравнению с употреблением банковских рассчетных средств, увеличение наличных банковских резервов и, возможно, даже оживление оборота. Но все это — влияния, которые сводятся к увеличенной потребности в деньгах и которые, следовательно, создают противодействие влиянию увеличившейся денежной массы. Если потребность в деньгах увеличится в той же степени, как денежная масса, то очевидно, что влияние увеличения денежной массы будет нейтрализовано, и для предполагаемого, согласно количественной теории, влияния на цены не будет уже места. Если наступит лишь небольшое увеличение потребности в деньгах, то увеличение цен будет не такое, какого требует обыкновенно количественная теория. Противники количественной теории неоднократно указывали на влияния, которые должны следовать за увеличением денежной массы, и отмечали при этом, что наступающие изменения имеют слишком большое значение, чтобы их игнорировать, и что в действительности они всегда должны перекрещиваться с влиянием увеличения денежной массы, о котором говорит количественная теория. Из этого делают заключение, что вся количественная теория должна быть оставлена как абстракция, непригодная для практических целей. Защита количественной теории против этих нападков велась большей частью очень слабо. И даже Фишер, который с такой силой провозгласил количественную теорию, как очевидную истину, не допускающую никаких сомнений, не пошел дальше того, чтобы изобразить разбираемые влияния увеличения денежной массы, как преходящие нарушения, не имеющие большого значения; и хотя для защиты этого взгляда он приводит некоторые очень важные наблюдения, он, благодаря всему своему методу, лишен возможности даже приблизительно оценить размер и продолжительность этих влияний. При таких обстоятельствах во всяком случае далеко еще не решено, насколько широкий круг явлений охватывает количественная теория.

Ясно, что изобразить мыслимые нами влияния увеличения денежной массы в количественных измерениях теория не может. Столь же мало может теория ответить на вопрос, насколько длительны эти влияния. Правда, может быть и представляется вероятным, что их влияние проявляется главным

образом немедленно, что со временем они теряют в силе и, что, таким образом, увеличение денежной массы постепенно все-таки приведет к увеличению цен, в соответствии с количественной теорией. Ибо, если рассмотренные нами влияния являются исключительно следствием переходного момента и если количественная теория оказывается пригодной для двух совершенно независимых случаев, то следует ожидать, что предсказание количественной теории тем лучше исполнится, чем длиннее переходный период и чем более оба сравниваемых случая могут быть рассматриваемы, как друг от друга независимые. Но такого рода соображения совершенно не имеют доказательной силы. Они только еще раз доказывают, насколько необходимо всю теорию ценности денег эмпирически рассматривать, на основании фактического материала, систематически подобранного для этой цели.

Подобного рода исследование раньше всего должно установить для определенного периода изменение общего уровня цен, чтобы потом перейти к анализу вероятных причин этих изменений. При этом необходимо присоединить имеющиеся статистические данные о денежной массе, об использовании последней посредством употребления платежных банковских средств, а также о размере реального оборота и должным образом сопоставить эти данные с общим уровнем цен.

При исследовании, особое внимание должно быть обращено на тот случай, когда действие происходит в условиях золотой валюты, — случай, наиболее важный для современного хозяйства. Так как при золотой валюте денежная масса не очень резко отделена от золотой массы и не представляет из себя самостоятельной величины, то необходимо сравнить развитие общего уровня цен с развитием общей золотой массы, чтобы этим проверить, насколько изменения общего уровня цен могут быть сведены к изменениям золотой массы и какие еще другие вариации уровня цен могут быть объяснены действием других переменных величин, входящих в проблему.

И. Фишер

ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СИЛА ДЕНЕГ [1]

УРАВНЕНИЕ ОБМЕНА

§ 1.

Средства обращения делятся на два главных класса: 1) деньги и 2) банковские депозиты. При посредстве чеков банковские депозиты служат средствами платежа в обмен за другие блага. Чек является „сертификатом“ или доказательством передачи банковских депозитов. Благодаря чекам, банковские депозиты служат, в действительности, средством обмена даже в большей мере, чем деньги. Рассуждая практически, деньги и банковские депозиты, представленные чеками, являются единственными средствами обращения.

Но хотя банковский депозит, передаваемый посредством чека, и рассматривается как средство обращения, он все же не является деньгами. Подлинными деньгами являются те, которые принимаются получателем без каких-либо сомнений, так как он побуждается к этому или законом, объявляющим их законным платежным средством, или прочно установившимся обычаем.

Основной предмет настоящей книги — выяснение причин, определяющих покупательную силу денег. Покупательная сила денег указывается количеством других благ, которое может быть куплено на данное количество денег. Чем ниже цена благ, тем большее количество их может быть куплено на данную сумму денег, тем выше, следовательно, покупательная сила денег. Чем выше цены благ, тем меньшее количество их может быть куплено на данную сумму денег, тем ниже, следовательно, покупательная сила денег. Короче, покупательная сила денег обратно соотносительна уровню цен: следовательно, изучение покупательной силы денег идентично с изучением уровня цен.

§ 2.

Оставляя без рассмотрения влияние обращения депозитов или чеков, можно сказать, что уровень цен зависит только от трех причин: 1) от количества денег в обращении, 2) от скорости их обращения (или от среднего количества раз,

[1] I. Fisher „The purchasing Power of Money“.

какое деньги обмениваются на блага в течение года) и 3) от объема торговли (или от суммы стоимости благ, купленных на деньги). Так называемая количественная теория, т. е. учение, что цены изменяются пропорционально изменению количества денег, формулирована частью неправильно, но (опуская чеки) эта теория правильна в том смысле, что уровень цен изменяется в прямой связи с изменением количества денег в обращении, при условии, что скорость обращения денег и объем торговли остаются неизменными.

Количественная теория была одной из наиболее страстно оспариваемых теорий в экономике, главным образом, потому, что признание ее истинной или ложной затрагивало весьма сильно интересы торговли и политики. Однако, существует мнение, и оно едва ли страдает преувеличением, что даже Эвклидовы теоремы оспаривались бы столь же страстно, если бы они затрагивали финансовые или политические интересы.

... Количественная теория сделается более ясной при помощи уравнений обмена, которые нам и надлежит теперь изложить.

Обозначим общее количество денег в обращении т. е. сумму денег, затрачиваемую на покупку товаров в данном обществе в течение данного года, через E, а среднюю сумму денег,[1] находящихся в обращении в данном обществе в течение года через G. G будет представлять собою простую арифметическую среднюю из сумм денег, находившихся в обращении в последовательные моменты, отделенные друг от друга равными, бесконечно малыми промежутками времени. Если мы разделим сумму годовых денежных затрат E на среднюю сумму денег в обращении G, мы получим то, что называется средним числом оборотов денег в их обмене на блага — $\frac{E}{G}$, т. е. скорость обращения денег. Эта скорость может быть обозначена через U, так что $\frac{E}{G} = U$. Тогда E может быть выражено через GU. Иначе говоря: общая сумма денег в обращении или сумма затраченных денег равна средней сумме денег в обращении, умноженной на скорость их обращения или оборота. Таким образом E или GU выражают денежную часть уравнения обмена. Обращаясь к товарной

---

[1] Для упрощения мы приняли здесь и в последующих статьях немецкие обозначения для членов уравнения обмена: G (Geld — денежная масса), G' (депозиты, обращающиеся посредством чеков); U и U' (Umlaufsgeschivindigkeit — скорость обращения денег и депозитов), p (Preis — цена), Q (Quantum — количество обращающихся товаров). Соответственные знаки у Фишера: M и M' (Money — деньги и депозиты), U и U' (Uelocity — скорость обращения), p (price — цена), Q (Quantity — размер товарооборота). *Л. Э.*

части уравнения, мы будем иметь дело с товарными ценами и количеством обмениваемых товаров.

Среднюю продажную цену всякого отдельного товара, например, хлеба, покупаемого в данном обществе, можно обозначить через p, а все купленное количество его через Q; подобным же образом, среднюю цену другого блага (скажем, угля) можно обозначить через p^i, а все обмениваемое количество через Q'; средняя цена и все количество третьего блага (скажем, ткани) может быть обозначена, соответственно через p^{ii} и Q'' и т. д. для всех других товаров, как бы многочисленны они ни были. Тогда уравнение обмена, очевидно, может быть выражено следующим образом:

$$
\begin{aligned}
GU = {} & p\ Q \\
& + p^i\ Q' \\
& + p^{ii}\ Q'' \\
& + \text{и т. д.}
\end{aligned}
$$

Правая сторона уравнения представляет собой сумму членов вида $p\ Q$—цена, умноженная на купленное количество. В математике принято, обычно, сокращать такую сумму членов, имеющих одинаковую форму, пользуясь „$\sum$“, как символом суммирования. Поэтому уравнение обмена может быть изображено таким образом:

$$GU = \sum p\ Q$$

Величины E, G, U, все p и все Q относятся к целому обществу и к целому году, но они основаны на соответствующих величинах, относящихся к отдельным лицам, составляющим общество, и к отдельным моментам времени, составляющим год.

Алгебраический вывод этого уравнения, без сомнения, по существу тот же, что и данный выше вывод его арифметическим путем. Он состоит просто в сложении между собою уравнений всех индивидуальных покупок внутри общества в течение года.

Посредством этого уравнения $GU = \sum p\ Q$, три теоремы, выставленные в этой главе ранее, могут быть теперь выражены следующим образом:

1) Если U и все Q остаются неизменными, в то время, как G изменяется в некотором отношении, вся денежная часть уравнения изменится в том же самом отношении и, следовательно, равная ей товарная часть его точно так же должна измениться в том же отношении. В соответствии с этим или все p изменятся в том же отношении, или некоторые изменятся в большем, а другие в меньшем отношении, на столько,

чтобы уравновесить изменение первых и сохранить ту же самую среднюю.

2) Если G и Q остаются неизменными, в то время, как U изменяется в некотором отношении, денежная часть уравнения изменится в том же самом отношении и, следовательно, равная ей товарная часть уравнения должна также измениться в том же отношении. В соответствии с этим, или все p изменятся в том же отношении или некоторые из них изменятся в большем, а другие в меньшем отношении, но так, чтобы компенсировать большее ее изменение в первых.

3) Если G и U остаются неизменными, денежная часть и товарная часть уравнения останутся также неизменными; если при этом все Q изменятся в данном отношении, то или все p должны измениться в обратном отношении, или еще некоторые из них изменятся в большем, другие в меньшем отношении, но так, чтобы компенсировать большее изменение первых.

Мы можем, при желании, упростить правую сторону уравнения еще дальше, написав ее в форме PT, где P есть взвешенная средняя всех p, T есть сумма всех Q. Тогда P будет представлять в одной величине уровень цен, а T—объем торгового оборота.

Подводя краткий итог, мы находим, что, при наличии принятых условий, уровень цены изменяется: 1) в прямом отношении с изменением количества денег в обращении (G); 2) в прямом отношении с изменением скорости их обращения (U) в обратном отношении с изменением объема торгового оборота (T). Первое из этих трех соотношений является наиболее важным. Оно и составляет „количественную теорию денег".

Количественная теория утверждает, что (при условии неизменной скорости обращения и объема торговых оборотов) всякое увеличение числа долларов в обращении вызовет повышение цен в той же пропорции. Существенным является количество денег, а не их вес. Это обстоятельство необходимо особенно подчеркнуть. Именно оно отличает деньги от всех других благ и объясняет особенности отношения покупательной силы денег и покупательной силы других товаров. Сахар, например, обладает особыми свойствами, в силу которых потребность в нем зависит от количества в фунтах. Деньги не имеют такого качества. Ценность сахара зависит от его д е й с т в и т е л ь н о г о   к о л и ч е с т в а. Если количество сахара изменяется от 1.000.000 фунтов до 1.000.000 центнеров, из этого не следует, что один центнер будет иметь такую же ценность, какую имел перед тем один фунт. Но если деньги в обращении количественно изменяются от 1.000.000 единиц данного веса до 1.000.000 единиц другого веса, ценность каждой единицы останется неизменной.

Таким образом, количественная теория денег основывается исключительно на основной особенности, из всех благ принадлежащей только деньгами, на факте, что деньги не имеют иной силы удовлетворять человеческим желаниям, кроме силы покупать вещи, которые имеют способность удовлетворять различные иные потребности человека.

ВЛИЯНИЕ ДЕПОЗИТНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА УРАВНЕНИЕ ОБМЕНА И ПОКУПАТЕЛЬНУЮ СИЛУ ДЕНЕГ

Теперь расширим уравнение обмена включением в него банковского депозитного обращения или циркуляторного кредита. Кредитом вообще называется требование кредитора к дебитору. Банковские депозиты, представленные чеками, суть требования кредиторов банка к банку, в силу которых они могут потребовать и при помощи чеков извлечь определенные суммы денег из банка. Так как мы не будем рассматривать другие виды банковских депозитов, то обыкновенно мы будем обозначать „банковские депозиты, представленные чеками", просто как „банковские депозиты". Они называются также циркуляторным кредитом. Банковские чеки, как мы уже видели, являются только документами на право извлечения денег, т. е. на передачу банковских депозитов, чеки сами по себе не деньги и не средство обращения; таковыми являются банковские депозиты, представленные чеками.

Мы будем попрежнему употреблять G для выражения количества денег в обращении и U для выражении скорости их обращения. Подобным же образом мы будем теперь пользоваться G' для выражения суммы депозитов, обращающейся при посредстве чеков, и U' для выражения средней скорости их обращения. Общая ценность всех покупок за год будет измеряться теперь не GU, но $GU+G'U'$ и уравнение обмена примет поэтому следующий вид:

$$GU + G'U' = \sum pQ = PT$$

С распространением уравнения обмена в условиях чисто денежного обращения и со включением в уравнение депозитного обращения, влияние количества денег на общий уровень цен останется менее непосредственным, а процесс исследования этого влияния становится более трудным и сложным. Приводились даже доводы, что введение в уравнение циркуляторного кредита нарушает всякую связь, которая могла бы быть между ценами и количеством денег. Это было бы справедливо, если бы циркуляторный кредит был независим от денег. Но фактически количество циркуляторного кредита (G') стремится быть в определенном отношении к G—к

количеству денег в обращении: сумма депозитов нормально будет всегда большим или меньшим кратным числом к количеству денег.

Нормально более или менее точное отношение суммы депозитов к количеству денег определяют два факта. Первый из них заключается в том, что банковские резервы держатся в более или менее определенном отношении к банковским депозитам. Второй факт тот, что отдельные лица, фирмы и общества сохраняют более или менее точные отношения между их сделками на наличные и чековыми сделками, а также между их денежными и депозитными балансами. Эти отношения определяются мотивами индивидуального удобства и привычки.

Существует определенное соотношение между чековым и кассовым обращением в соответствии с удобством и обычаями, существует также более или менее постоянное отношение между размером депозитов среднего человека или общества и запасом денег, находящимся в кармане или в денежном ящике. Этот факт в приложении ко всей стране в целом, обозначает, что по соображениям удобства в грубых чертах фиксировано приблизительное отношение между G и G^1.

Если это отношение временно нарушается, то сейчас же возникает тенденция к его восстановлению: отдельные лица начнут вкладывать в банк излишки наличных денег или брать из банка излишки вкладов наличными.

Отсюда ясно, что количество денег в обращении, а равно количество денег в резерве стремится сохранить определенное отношение к сумме депозитов. Из этого следует, что и то и другое количество должно находиться в определенном отношении друг к другу.

Далее следует, что всякое изменение в G, т. е. в количестве денег в обращении, требуя, как это нормально и происходит, пропорционального изменения в G^1, т. е. в сумме банковских депозитов, представленных чеками, будет иметь своим результатом точно пропорциональное изменение общего уровня цен, за исключением, конечно, того случая, когда этот эффект будет предотвращен соответствующими изменениями в U и U^1.

ВЛИЯНИЕ КОЛИЧЕСТВА ДЕНЕГ И ДРУГИХ ФАКТОРОВ НА ПОКУПАТЕЛЬНУЮ СИЛУ ДЕНЕГ И ДРУГ НА ДРУГА

§ 1

Покупательная сила расссматривается, как результат действия пяти и только пяти групп причин. Этими пятью группами являются: деньги, депозиты, скорости их обращения

и объем торговли. Эти причины и результат их действия—цены—связаны уравнением обмена:

$$GU + G^1U^1 = \sum pQ$$

Эти пять причин, в свою очередь, являются результатом действия предшествующих причин, лежащих совершенно вне уравнения обмена, а именно: объем торговли будет увеличиваться, а, следовательно, уровень цен соответственно уменьшаться с развитием разнообразия человеческих потребностей, изменениями в индустрии и облегчением транспорта. Скорости обращения будут увеличиваться, а, следовательно, также и уровень цен, привычками непредусмотрительности, пользованием заборными книжками и быстротой перевозок. Количество денег будет увеличиваться, а следовательно, и уровень цен соответственно будет увеличиваться, благодаря импорту и чеканке денег, а предварительно, благодаря добыче денежного металла; благодаря введению другого и вначале более дешевого денежного металла при биметаллизме, а также благодаря выпуску банкнот и других бумажных денег. Количество депозитов будет увеличиваться и, следовательно, уровень цен будет увеличиваться под влиянием распространения банковской системы и под влиянием пользования заборными книжками. Противоположные причины вызовут, без сомнения, и противоположные следствия.

Таким образом, за пятью рядами причин, которые одни только оказывают влияние на покупательную силу денег, мы находим свыше дюжины предшествующих причин. Если бы мы захотели продолжить исследования еще дальше, то мы нашли бы, что число причин возрастает с каждым шагом, подобно тому, как возрастает число предков человека, если брать все более и более отдаленные поколения. В конечном анализе мириады факторов влияют на покупательную силу денег; но совершенно не представлялось бы ни возможным ни полезным перечислять их. Ценность нашего анализа состоит скорее в упрощении проблемы, путем ясного установления пяти ближайших причин, через которые должны действовать все другие. В конце нашего изучения, так же, как и в начале на первом плане стоит уравнение обмена, как главный детерминант покупательной силы денег. С помощью этого уравнения мы видим, что нормально количество депозитного обращения увеличивается в прямой зависимости с увеличением количества денег и что, следовательно, введение депозитов не нарушает отношений, правильность которых мы перед этим установили. Это значит, что всегда справедливо, во-первых, что цены изменяются в прямой зависимости с изменением количества денег, при предположении неизменности объема торговли и скорости обращения денег и депозитов;

во-вторых, цены изменяются в прямой зависимости от скоростей обращения (если эти скорости изменяются одинаковым образом), при предположении неизменности количества денег и объема торговли, и в третьих, цены изменяются в обратной зависимости от объема торговли, при предположении неизменности количества денег, а, следовательно, и депозитов и скоростей их обращения.

§ 2

Нам остается еще исследовать, насколько указанные выше положения являются действительно *каузальными*. Мы изучим подробно влияние каждой из шести величин, связанных уравнением обмена, на каждую из пяти остальных. Это изучение даст ответы на возражения, которые часто выдвигались против количественной теории денег.

Чтобы установить все факты и возможности причинной связи между этими величинами, нам необходимо изучить действия изменений, каждый раз отдельно для одной из различных величин, входящих в уравнение обмена. Мы в каждом случае будем различать действия этих изменений в течение переходных периодов и окончательные или нормальные действия после того, как переходные периоды уже закончены. Для простоты мы будем сначала рассматривать нормальные или окончательные действия, а затем анормальные или переходные действия.

Таким образом, наш первый вопрос заключается в следующем: положим, что количество денег в обращении (G) удваивается, каковы будут тогда нормальные или конечные действия этого удвоения на другие величины в уравнении обмена, а именно на G^1, U, U^1, p и Q?

Мы видели, что нормальное удвоение количества денег в обращении (G) вызывает удвоение количества депозитов (G^1), так как при всяком данном положении промышленности и цивилизации количество депозитов стремится сохранять определенное или нормальное отношение к количеству денег в обращении. Отсюда следует, что конечное действие удвоения G есть то же самое, что и удвоение G и G^1 одновременно. Мы предполагаем дальше показать, что это удвоение G и G^1 нормально не изменяет U, U^1 и Q, но только вызывает изменение в p. Уравнение обмена само по себе не подтверждает и не отрицает этих предположений. Поскольку это явствует из уравнения обмена, количества денег и депозитов могут даже изменяться в обратном отношении с соответствующими скоростями обращения. Если бы это было верно, то всякое увеличение количества денег исключительно проявилось бы в понижении скорости обращения и не могло бы оказать никакого действия на цены. Если бы противники количественной теории могли бы установить та-

кое соотношение, они доказали бы свой иск против уравнения обмена. Но они даже не пытались доказать это положение. В действительности, скорости обращения денег и депозитов зависят, как мы уже видели, от технических условий и не имеют никакого распознаваемого отношения к количеству денег в обращении. Скорость обращения денег есть среднее число оборотов монеты и зависит от несметного числа отдельных оборотов. Эти последние, как мы уже видели, определяются индивидуальными привычками. Среднее время пребывания денег в одних и тех же руках будет зависеть от плотности населения, коммерческих обычаев, быстроты транспорта и других технических условий, но только не от количества денег и депозитов и не от уровня цен. Эти последние условия могут изменяться вне всякого действия на скорость обращения. Если количества денег и депозитов удваиваются, то ничто не может, пока дело идет о скорости обращения, предотвратить повышение уровня цен вдвое. С другой стороны, удвоение количества денег, депозитов и цен оставило бы неизбежно скорость обращения почти неизменной.

Иногда указывают, что увеличение количества денег в обращении имеет своим результатом увеличение объема торговли. Мы попробуем доказать, что за исключением переходных периодов, объем торговли, подобно скорости обращения денег, не зависит от количества денег. Денежная инфляция не может увеличить ни продукции земледелия и мануфактур, ни скорости и нагрузки поездов и кораблей. Течение торговли зависит от естественных рессурсов и технических условий, но не от количества денег. Весь механизм производства, транспорта и торговли есть дело физических сил и техники, которые не зависят от количества денег. Единственный путь, которым количество денег, казалось бы, могло оказать влияние на объем торговли, состоит во влиянии на отрасли торговли, причастные к созданию денег и денежных материалов. Увеличение количества золотых денег вызывает увеличение в торговле золотыми предметами. Такое же увеличение произойдет в продаже машин для золотых рудников, пробирных аппаратов и в количестве труда, затрачиваемого на добычу. Эти изменения могут вызвать изменения и в соприкасающихся отраслях торговли. Так, если будет продаваться больше золотых украшений, то может наступить уменьшение продажи серебряных украшений и бриллиантов. Далее, выпуск бумажных денег может отразиться на бумажной и полиграфической промышленности, на увеличении числа банковских и правительственных служащих и т. д. Действительно, нет конца мельчайшим изменениям в Q, которые могли бы повлечь за собой вышеназванные и другие изменения. Но с практической или статистической точек зрения эти изменения ничтожны, так как они не могут ни прибавить, ни уба-

вить одной десятой доли процента общего итога торговли. Только очень небольшая часть Q будет заметно затронута, но и то в незначительной степени.

Так как, следовательно, удвоение количества денег, во-первых, обычно вызывает удвоение количества депозитов, подлежащих чековому обороту, и во-вторых, не отражается заметным образом ни на скорости обращения денег или депозитов, ни на объеме торговли, — то из этого необходимо и с математической точностью вытекает, что уровень цен должен также удвоиться. Но хотя уравнение обмена, само по себе, не устанавливает никакой причинной зависимости между количеством денег и уровнем цен, так же, как оно не устанавливает этой зависимости между всякими другими двумя факторами, однако, если мы примем в расчет положения, установленные нами совершенно помимо этого уравнения, а именно, что изменение G производит пропорциональное изменение в G^1 и не вызывает никаких изменений в U, U^1 или Q, то остается только один вывод, что изменение в количестве денег (G) должно нормально вызывать пропорциональное изменение в уровне цен (p).

Один из противников количественной теории пытался опровергнуть уравнение обмена, назвав его простым трюизмом. Между тем, если мы допустили, что уравнение обмена есть простой трюизм, основанный на равноценности при всех покупках израсходованных денег или чеков, с одной стороны, и того, что на них покупается, с другой, то однако, в виду дополнительного значения зависимости G и G^1 и независимости между G и U, U^1 и Q, это уравнение является средством доказательства того факта, что нормально p изменяется в прямом отношении с G, т. е. доказательством количественной теории. „Трюизмами“ никогда не следует пренебрегать. Величайшие обобщения физики, подобные тем, что силы пропорциональны массе и ускорению, суть трюизмы, но когда они надлежащим образом дополняются специфическими данными, эти трюизмы являются наиболее плодотворными источниками полезных механических знаний. Отвергнуть с пренебрежением уравнение обмена только потому, что справедливость его очевидна,—значит пренебречь возможностью для экономической науки формулировать некоторые из наиболее важных и точных законов, какие она способна открыть.

Мы можем теперь, следовательно, еще раз установить, в чем является справедливым каузальное значение количественной теории. Эта теория справедлива в том смысле, что одним из *нормальных действий всякого увеличения количества денег будет точно пропорциональное повышение общего уровня цен.*

Следует особенно отметить тот факт, что прямо пропорциональное действие увеличения G на цены является только

нормальным или последним действием по окончании переходных периодов. Положение, что цены изменяются в связи с изменением количества денег, справедливо только в том случае, когда дело касается двух воображаемых периодов, для каждого из которых цены или стационарны, или повышаются одновременно и в том же самом размере.

Что касается переходных периодов, то увеличение G оказывает действие не только на p, но и на все величины в уравнении обмена. Следовательно, количественная теория не будет точно и абсолютно правильной в течение переходных периодов.

Переходим теперь к другим величинам в уравнении обмена.

§ 3

Что касается депозитов (G^1), то эта величина всегда зависит от G. Депозиты подлежат выплате деньгами по первому требованию. Они требуют от банка некоторых резервов в деньгах, а потому должно существовать некоторое отношение между количеством денег в обращении (G), количеством резервов и количеством депозитов (G^1). Нормально мы видели, что эти три величины находятся в данных отношениях друг к другу. Но отношение, являющееся нормальным при одном состоянии промышленности и цивилизации, может не быть нормальным при другом. Изменения в народонаселении, торговле, привычках торговцев, а также удобства банковской системы и законы могут вызывать большие изменения в этом отношении.

Так как G^1 нормально зависит от G, то нет нужды ставить вопрос, каковы будут действия увеличения G^1, ибо эти действия включаются в действия увеличения G. Но так как отношение G^1/G может изменяться, то необходимо установить, каковы будут действия этого последнего изменения.

Предположим, как это действительно было в последние годы, что отношение G^1/G увеличивается в Соединенных Штатах. Если величины в уравнениях обмена в других странах, с которыми Соединенные Штаты связаны торговыми узами, являются постоянными, то конечное действие на G будет состоять в его уменьшении против той величины, которую оно имело бы иначе, путем увеличения экспорта золота из Соединенных Штатов и понижения импорта. Никаким другим путем уровень цен в Соединенных Штатах не может быть защищен от повышения сверх уровня цен в других странах, для которых мы предполагаем этот уровень и другие величины в уравнении обмена неподвижными. Пока, следовательно, конечным действием является увеличение массы циркуляторных средств, это увеличение распространяется по всему миру. Хотя развитие банкового дела

является чисто местным, действия этого развития становятся интернациональными. Действительно, произойдет не только перераспределение золотых денег во всех странах с золотой валютой, но появится также тенденция переплавлять монеты в слитки для применения в изделиях.

Остальные действия будут те же, что и при увеличении G, которые мы уже изучили. Это значит, что не будет оказано никакого (конечного) действия на U, U^1 или Q, но только на p, которое будет повышаться, сравнительно с тем повышением, которое могло бы быть при иных условиях, во всем мире.

§ 4

Мы переходим теперь к действиям изменений в скоростях обращения (U и U^1). Эти действия весьма близко сходны с только что описанными. Конечные действия отражаются только на ценах, но не на количестве денег или объеме торговли. Но изменения в скорости обращения денег в какой-либо одной стране, связанной международной торговлей с другими странами, вызовет обратное изменение в количестве денег в обращении в этой стране. Произойдет перераспределение денег между странами мира и перераспределение денежного металла между применением его в виде денег и в изделиях.

Итак, нормальное действие увеличения U или U^1 в какой либо одной стране заключается в уменьшении G путем экспорта денег, в уменьшении G^1 пропорцинально уменьшению G, и в легком повышении цен во всем мире, при чем нет никакого основания думать, что нормально будет оказано какое-либо действие на объем торговли.

В течение переходных периодов действия изменений в скоростях обращения являются, несомненно, такими же, как и действия увеличивающегося денежного обращения.

§ 5

Наш следующий вопрос касается действий общего увеличения или уменьшения Q, т. е. объема торговли.

Всякое увеличение объема торговли в какой-либо одной стране, положим в Соединенных Штатах, увеличивает, в конце концов, количество денег в обращении (G). Никаким иным путем не могло бы быть в этом случае избегнуто понижение уровня цен в Соединенных Штатах по сравнению с чужими странами. Увеличение G приводит к пропорциональному увеличению G^1. Помимо этого действия, увеличение торговли несомненно оказывает некоторое действие на изменение обычаев общества по отношению к пропорции чековых и налич-

ных сделок и тем самым содействует до некоторой степени увеличению G^1 по отношению к G; если в стране наблюдается рост торговли, необходимость пользоваться чеками ощущается более сильно. Что касается действий на скорость обращения, то здесь мы можем различить три случая. Первый случай — когда изменение объема торговли соответствует изменению в народонаселении, когда, например, происходит увеличение торговли благодаря заселению новых стран, без большей концентрации в ранее заселенных пространствах и без изменений торговли per capita или в распределении торговли между элементами народонаселения. При таких условиях не было приведено и, очевидно, не может быть приведено никакого довода, который показывал бы, почему скорость обращения денег должна быть иной в случае, когда объем торговли широк, чем тогда, когда он мал.

Второй случай — когда увеличение объема торговли соответствует увеличившейся плотности населения, но при неизменности торговли per capita. В этом случае более тесное население может вызвать несколько большую скорость обращения.

Третий случай — когда изменение объема торговли оказывает влияние на торговлю per capita или на распределение торговли среди населения.

В этом случае, существуют различные пути, какими может быть заметным образом оказано влияние на скорость обращения. Во-первых, всякое изменение в торговле, выражающееся в изменении способов транспорта благ будет включать и изменение способов пересылки денег; быстрый транспорт предполагает более скорое обращение денег. Во-вторых, изменившееся распределение торговли будет изменять относительные расходы разных лиц. В-третьих, изменение в индивидуальных расходах, когда это происходит от действительного изменения в количестве покупаемых благ, может вызывать изменение в индивидуальных скоростях обращения.

Итак увеличение торговли, отличное от увеличения денежного обращения (G и G^1) или скоростей (U и U^1), оказывает действие не только на цены, но фактически увеличивает противоположную часть уравнения, U и U^1 и (хотя косвенно, только действуя на деловые удобства и обычаи) G^1 по отношению к G. Если эти действия увеличивают левую часть уравнения во столько же раз, как увеличение объема торговли Q увеличивает правую часть, то действие на цены будет равно нулю. Если действие на левую часть превышает действие на правую часть, цены будут расти. Только при условии, что действие на левую часть уравнения будет меньше, чем увеличение торговли, цены будут падать, но и в таком случае, падение не будет пропорциональным увеличению объема торговли.

Выше было указано, что изменения в торговле, при условии, что обращение (G и G^1) и скорости (U и U^1) не изменяются, вызывали обратное движение цен. Но теперь мы находим, что условие противоречит посылке: обращение и скорости могут оставаться неизменными только при грубой гипотезе, что различные другие причины, влияющие на них, будут изменяться как раз таким образом, чтобы нейтрализовать увеличение торговли. Если эти различные другие причины остаются неизменными, тогда обращение и скорости изменяются.

Это первый пример в нашем исследовании, когда мы нашли, что нормально, т. е. вне временных и переходных действий, мы получаем различные результаты, предполагая изменение причин по одной каждый раз, сравнительно с теми, какие мы получаем, предполагая изменение алгебраических факторов уравнения каждый раз по одному. Количественная теория до тех пор остается справедливой, т. е. цены (p) изменяются с количеством денег (G), пока мы предполагаем, что другие причины остаются неизменными, точно так же, как пока мы предполагаем только, что неизменными остаются другие алгебраические факторы; и все другие теоремы, выведенные алгебраически, оказались справедливыми с точки зрения причинной зависимости, исключая только теорему, относящуюся к изменению торговли. Так как главная цель этой главы заключается в защите количественной теории, как изображающей и причинную и алгебраическую зависимость, то важно отметить, что каузальные и алгебраические теоремы не всегда являются идентичными.

Что касается переходных действий изменения объема торговли, то они зависят, главным образом, от одного из двух возможных направлений движения цен. Если цены повышаются, то переходные действия подобны тем, с которыми уже мы ознакомились при изучении периодов повышения цен; если цены падают, то они подобны тем действиям, которые свойственны этому движению.

§ 6

Единственная группа факторов, которая нами еще не изучена, как причина, являются сами цены (p). До сих пор они рассматривались исключительно как результат действий других факторов. Но противники количественной теории настаивали, что цены должны быть рассматриваемы скорее как причины, чем как следствия. Нашей ближайшей задачей является, следовательно, исследование и критика этих положений.

Насколько я мог заметить, за исключением ограниченного распространения в течение переходных периодов или в течение преходящего сезона (как например, упадок) нет ничего верного в идее, что

уровень цен является независимой причиной изменения в какой-либо из величин G, G^1, U, U^1 или Q. Чтобы показать несостоятельность этой идеи, примем за аргумент, что каким-либо иным путем—кроме влияния изменений в G, G^1, U, U^1 и Q,—цены, положим, в Соединенных Штатах изменились, скажем, вдвое против их первоначального уровня и посмотрим, какое действие эта причина окажет на другие величины в уравнении.

Ясно, что равенство между денежной частью и товарной частью уравнения должно сохраниться так или иначе и что, если цены повышаются, то количество денег или количество депозитов или их скорости должны увеличиться, или же объем торговли должен понизиться. Но исследование покажет, что ни одно из этих решений не является состоятельным.

Количество денег не может увеличиться. Никакое количество денег не придет из-заграницы, так как высокие цены изгоняют деньги. Последствием повышения цен в Соединенных Штатах будет то, что торговцы будут продавать в Соединенных Штатах, где цены высоки, получать выручку в деньгах и покупать заграницей, где цены низки. Это также затруднит прилив денег в страну с высокими ценами. В силу подобных же причин деньги не будут приходить путем чеканки. Хотя слитки и золотые монеты первоначально имели одинаковую ценность по отношению к благам, но после предполагаемого повышения цен вдвое, золотые монеты потеряют половину их покупательной силы. Никто не будет перечеканивать слитки в монету, когда при этом теряется половина их ценности. Напротив, высокие цены заставят людей расплавлять монеты.

Наконец, высокие цены не будут стимулировать разработку рудников, напротив, они будут уменьшать ее, и не только высокие цены не будут уменьшать потребление золота, но, напротив, они будут стимулировать это потребление.

Одинаково абсурдно ожидать от высоких цен увеличения количества депозитов (G^1). Мы уже видели, что следствием высоких цен было бы уменьшение количества денег в обращении (G); но так как это количество денег является базисом депозитного обращения (G^1), то сокращение первого вызовет и сокращение второго. Уменьшение G и G^1 будет не благоприятствовать, а напротив, понижать высокие цены, предположенные нами произвольно.

Аппеллировать к скоростям обращения U и U^1 представляется не более удовлетворительными. Они, как мы уже видели, приноровлены к удовлетворению индивидуальных удобств. Удвоение их было бы, быть может, физически невозможно и несомненно представляло бы громадные неудобства.

Остается еще последняя надежда, что высокие цены будут уменьшать объем торговли (Q). Но если все цены, вклю-

чая цены услуг, удваиваются, то нет оснований предполагать, почему торговля должна бы сократиться. Так как в среднем каждый человек будет не только платить, но также и получать высокие цены, то, очевидно, что высокие цены, которые он получает, дадут ему возможность выдерживать высокие цены, которые он платит, не уменьшая количества его покупок.

Мы заключаем, что гипотеза, предполагающая, что удвоенный уровень цен, действующий как независимая причина, управляющая другими факторами уравнения обмена, а не управляемая ими, несостоятельна. Всякая попытка поддержать искусственно высокие цены должна вызвать, как мы видели, не приноровление других элементов уравнения обмена, чтобы следовать за высокими ценами, но, напротив, возбудит их антагонизм. Уровень цен нормально является единственным пассивным элементом в уравнении обмена.

§ 8.

Мы видели, что различные факторы, представленные в уравнении обмена, не покоятся на одном и том же причинном основании. Цены являются пассивным элементом, и их общий уровень должен подчиняться действию других факторов. Причинные зависимости, которые, по нашему мнению, являются истинными при нормальных условиях, т. е. после того, как переходные периоды закончены, заключаются вкратце в следующем:

1) Увеличение количества денег (G) стремится пропорционально увеличить количества депозитов (G^1), увеличение их обоих (G и G^1) стремится пропорционально повысить цены.

2) Увеличение количества денег в одной стране стремится распространиться на другие страны, употребляющие тот же самый денежный металл, и на увеличение потребления этого металла в изделиях, как скоро уровни цен или относительная ценность денег и слитков будут разниться достаточно, чтобы сделать выгодным экспорт и расплавку денежного металла и слегка повысить мировые цены.

3) Увеличение количества депозитов (G^1) сравнительно с количеством денег (G), равным образом, вызывает вытеснение монет из обращения и расплавку их и повышение мировых цен.

4) Увеличение скоростей обращения стремится произвести подобные же действия.

5) Увеличение объема торговли (Q) вызывает не только понижение цен, но также увеличение скоростей обращения и увеличение количества депозитов по отношению к коли-

честву денег, и тем самым частью или полностью нейтрализует указанное понижение цен.

6) Уровень цен является следствием и не может быть причиной изменений в других факторах.

7) Бесчисленные причины, лежащие вне уравнения обмена, могут влиять на G, G^1, U, U^1 и на Q, а через них и на p. Среди этих внешних причин находятся уровни цен в окружающих странах.

8) Причинная зависимость между отдельными ценами может только объяснять цены по сравнению их между собою, но не может объяснить общего уровня цен в сравнении с количеством денег.

9) Некоторые из предыдущих положений подвергаются легким модификациям в течение переходных периодов. В этом случае справедливо, например, что увеличение количества денег (G), кроме вышеупомянутых действий, будет изменять временно отношение G^1 к G и нарушать временно U, U^1 и Q, образуя кредитный цикл.

Итак, вообще наше заключение о причинах и следствиях состоит в том, что нормально уровень цен (p) является следствием всех других факторов уравнения обмена (G, G^1 U, U^1 и Q); что среди этих других факторов депозиты (G^1) являются, главным образом, следствием количества денег, при данном нормальном отношении G^1 к G; что это отношение (G_1 к G) является отчасти следствием объема торговли (Q); что U и U^1 являются также отчасти следствиями Q, и что все эти величины, G, G^1, U, U^1 и Q являются следствиями предшествующих причин, лежащих вне уравнения обмена ad infinitum.

Главное же наше заключение состоит в том, что мы не нашли ничего противоречащего истине количественной теории, именно, что изменения количества денег (G) вызывают нормально пропорциональные изменения в ценах.

Отмар Шпанн

ЗАМЕЧАНИЯ К УЧЕНИЮ О ДЕНЬГАХ ИРВИНГА ФИШЕРА [1]

Основной задачей работы Фишера является исследование покупательной способности денег. Эту задачу, поставленную нашим автором и сводящуюся к выяснению причин, определяющих покупательную силу денег, и к подведению этим путем нового фундамента под количественную теорию, нужно считать неудавшейся. Для этого книге Фишера не хватает прежде всего теоретической почвы. Ведь тот, кто рассуждает о ценности денег, должен одновременно дать теоретическое объяснение и связанным с нею движениям цен во всех главных их зависимостях. Он может, правда, не давать общей теории цены и ценности, но он безусловно должен объяснить механизм изменений цен, роста и падения их. Фишер оперирует, правда, импонирующим статистическим и математическим аппаратом, но этот последний не может заменить этих необходимых теоретических познаний.

В центре всего исследования стоит „уравнение обмена". Как бы ценно ни было оно в качестве иллюстрации, как бы велико ни было значение многих из примыкающих к нему частных исследований, все же, как теоретическая формула, оно совершенно неудачно. Происходит это прежде всего потому, что в этом уравнении все входящие в него величины ставятся рядом, как одинаково самостоятельные факторы, тогда как они на самом деле зависят друг от друга, хотя и отличаются самой разнообразной внутренней структурой. Если изменяется G (количество денег), то вместе с ним по необходимости изменяются также U (скорость обращения), G^1 (обращающиеся депозиты) и U^1 (скорость обращения депозитов). Величины, находящиеся в левой части уравнения, которые ввиду этого по отношению друг к другу не являются в равной мере самостоятельными, не могут стоять друг к другу в простом и однородном отношении множимого к множителю, — иначе говоря, они не могут все играть одинаковую роль в уравнении.

---

[1] Schmollers Iahrbücher, 41 Iahrgang, III Heft, 1917 г. Критический разбор кн. И. Фишера.—„Покупательная сила денег" („The purchasing Power of Money"), перев. А. Зеленко.

В действительности, нет той равноценности, той одинаковой независимости величин, того приравнения функций, которое предполагается этой формулой Фишера и которое одно может привести к выводу, что цены должны расти пропорционально денежной массе. Благодаря тому, что, как сказано и как еще придется доказать, с изменением G, т. е. денежной массы, по необходимости, изменяются также U, G^1 и U^1,—все уравнение в целом становится неопределенным. Об уравнении в подлинном смысле можно было бы говорить только тогда, если бы все прочие величины левой части, кроме варьирующей, оставались постоянными. Иными словами: тем, что каждая величина изменчива сама по себе, нарушается основное условие правильности всякого уравнения.

Рассмотрим сначала скорость обращения. Она, прежде всего, не является такой же самостоятельной величиной, независимой от других хозяйственных величин, как денежная масса; наоборот, она есть переменная, в наивысшей степени зависимая от G. Возрастание денежной массы логически необходимо ведет к уменьшению скорости обращения (ввиду роста платежей наличными, сокращения чекового оборота, уменьшения пользования кредитными средствами) и наоборот. Итак, если G увеличивается, то основное требование неизменности всех остальных величин одной и той же половины уравнения, остается неосуществимым для G. Скорость обращения поэтому является по большей части даже только свойством G. Варьировать самостоятельно скорость обращения рядом с G, обозначало бы то же, как и остановить у кого-либо сердцебиение, чтобы исследовать природу кровообращения самого по себе. Это возражение еще убедительнее в том случае, когда G^1 (депозитарные средства обращения) и U^1 (скорость их обращения) также вводятся в уравнение (если это возможно). Учреждения, экономящие деньги (как средство обращения), кредитные возможности и вообще „деньги по нужде" (Bedarfsgeld) (чеки, векселя), т. е. все, что заключается в G^1, используются в различной мере, — смотря по наличию денег. Стабильность отношения G к G^1, существование которой утверждает Фишер, имеется на лицо лишь в том смысле, что, в конце концов, это отношение G к G^1 устанавливается более или менее твердо в результате движения денежной массы. Неверно однако, что это отношение остается неизменным и при различиях в количестве денег. Включение G^1 и U^1 в уравнение может обозначать только то, что количество кредитных средств обращения, в конце концов, влияет на цены.

Включение как G^1, так и U^1 в уравнение значит, что масса кредитных средств влияет на цены точно так же, как и масса денег, так как изменениям G^1 приписывается то же влияние, как и изменениям G. Но это воззрение решались до сих пор высказывать лишь узкие доктринеры количественной тео-

рии (вроде Милля) и, в конце концов, оно неправильно. Ведь G^1 является лишь „деньгами по нужде“, создание и применение которых следует за ценами и меновыми сделками, а также за массой G (если только нет чрезмерной спекуляции), поэтому в ней уже проявляется влияние известных факторов и нельзя смотреть на дело так, что она сама имеет влияние. Вновь обнаруживается, таким образом, что установить простую функциональную зависимость между величинами этой формулы—невозможно. Фишеру не чуждо сознание этих трудностей, но он думает успокоить себя ссылкой на то, что, например, влияние роста G^1 заключено уже в таковом же G. Но это только отчасти верно, а вместе с тем эта величина не должна была бы фигурировать в уравнении в качестве самостоятельной. Коротко говоря, тот факт, что в уравнении и основные и производные величины выступают, как равнозначные, независимо друг от друга (т. е. как в равной мере основные), тогда как на самом деле они не являются таковыми,—этот факт показывает, что все уравнение с самаго начала строилось на неправильным фундаменте.

Против понятия скорости обращения, как его развивает Фишер, нужно привести еще и то, на что указал Рихард Гильдебранд: именно, что для размера потребности в деньгах, (а это—понятие обратное скорости обращения), решающее значение имеет не только то обстоятельство, как часто денежный знак переходит из рук в руки, но также и то, какое количество денег должно быть налицо заранее к определенным срокам платежа.

Ведь, если в промежутки, когда потребность в платеже меньше, денежный знак и переходит из рук в руки чаще, то все же этим не затрагивается величина потребности для такого наиболее острого момента.

Скорость обращения и количество денег связаны друг с другом поэтому весьма сложным отношением,—таким образом, что изменение скорости обращения не влияет на количество денег в том случае, когда оно приходится вне этих решающих сроков платежа. Но, с другой стороны, она является, как указано, функцией самого этого количества денег. Сходными недостатками страдает и сама величина *G*. В самом деле, что нужно понимать под ней? Исключительно только фактически действующую массу, или также кассовые запасы и запасы в слитках, или же, наконец, денежные запасы, находящиеся в сундуках и чулках,—или же еще и те суммы, которые могут быть мобилизованы посредством кредита?

Не менее неудачно, чем все остальное, и то, что понятие скорости обращения представляет как раз лишь оборотную сторону понятия движения товаров (т. е. товарооборота). Какое количество товаров покупается в определенный момент времени (т. е. сколько долгов оплачивается, если их товарный

эквивалент засчитывается лишь в момент их платежа)—столько же требуется денег. Для данного момента времени поэтому действительна формула $G=PQ$. Но эта формула представляет чистую тавтологию. Если принять во внимание несколько промежутков времени, то одно и то же G окажется взято слагаемым несколько раз. Тем, что мы это умножение G назовем через U, мы ничего не добавим к голой тавтологии. Недопустимо поэтому ставить U рядом с G, как равно самостоятельный фактор, как фактор в себе. Ведь U есть только свойство G, т. е. то же G, но лишь определенное через посредство оборота товаров—иначе говоря, оно здесь определено тавтологически. При подобном характере уравнения совершенно невозможно обнаружить такого отношения между правой и левой частью уравнения, которое могло бы служить обоснованием функциональной зависимости между обеими этими группами. Формула остается, как была, чистой тавтологией. Из нее ничего нельзя вывести относительно значения G, из нее никоим образом не следует, что вместе с количеством денег (когда изменение исходит от него) должны пропорционально возрастать и товарные цены. G здесь вовсе не функция товарооборота и цен, а просто их выражение. Если же меняется выражение (именно количество денег), то из формулы ничего нельзя вывести для истолкования значения такого изменения. Тавтологии не могут заменить предпосылок.

Этот анализ показывает уже, что таким же слабым пунктом данной формулы является понятие товарооборота или торговли, т. е. количество благ вместе с ценами. В этом понятии уже заключено то, что еще надлежало объяснить,—именно, размер требующегося количества денег. Если мы устанавливаем, какое количество денег нужно для известного количества сделок в качестве цены P, то отсюда еще не следует, что при увеличении количества денег за такие же, имеющиеся на лицо, товары будут платить более высокие цены. Утверждать это—значило бы лишь смешивать деньги с ценами. PQ, правда, равно используемому количеству G, но G плюс известное приращение его не должно по необходимости вызывать какое-либо приращение на противоположной стороне уравнения,—ни у P, ни у Q. Влияние приращения G может быть устранено сокращением U или U^1, или же уменьшением бывшего до сих пор в действии количества G. Уравнение обмена поэтому ни в какой мере не устанавливает однозначных отношений зависимости между количеством денег и товарными ценами—с одной стороны, между количеством денег и количеством товаров—с другой стороны. Итак, это не уравнение в подлинном смысле, а только известного рода тавтологическое определение соподчиненных величин, одних посредством других.

При этом Фишер выявил в классической чистоте ошибку, свойственную всей вообще количественной теории. Эта последняя предполагает наличие непосредственной связи между денежной массой и движением цен, тогда как в действительности таковая отсутствует и ее можно конструировать лишь путем тавтологического противоположения $G = PQ$. Здесь невозможно входить в подробный разбор количественной теории, но этот анализ должен показать, в чем заключается проблема и как основательно Фишер ее игнорирует. Фишер не дал ответа даже на наиболее существенные возражения. Выставленное и обоснованное мной в свое время („Theorie der Preisverschiebung," Wien 1913, Manz) возражение, что после поглощения возросшей денежной массы расширившимся оборотом цены должны были бы опуститься вновь до первоначального уровня, скорее подтверждается, чем опровергается выдвинутым Фишером понятием объема товарооборота. На одном примере можно проверить, что взаимная связь количества денег и цен не так проста и непосредственна, как это принимают Фишер и количественная теория. Будем исходить из элементарнейшего и убедительнейшего примера возрастания количества денег (изменение величины G), которое обсуждает сам Фишер. На стр. 24 он утверждает, что порча валюты, в результате которой вместо одного доллара стало бы два, должна была бы вызвать точное удвоение цен и то же имело бы место в том случае, когда государство удвоило бы все существующие денежные знаки „и второй экземпляр каждого из них вручило бы собственнику первоначального денежного знака".

Как раз этот классический пример количественной теории совершенно не выдерживает критики. В самом деле, каковы были бы следствия того, если бы каждый вдруг каким-либо путем оказался обладателем удвоенного количества денег?

Во всяком случае, они не свелись бы к тому, что каждый израсходовал бы вдвое против прежнего, и цены удвоились бы, но, говоря схематически, происходило бы следующее: часть приращения количества денег была бы затрачена на покупку потребительных благ (1), другая была бы отложена в чулок, (2), третья пошла бы на производительные затраты, напр., земельные улучшения, расширение фабрик и т. п. (3), четвертая истрачена была бы на покупку ценных бумаг (4), еще дальнейшая была бы использована таким образом, что меньше пришлось бы прибегать к кредиту и экономящим деньги учреждениям (5), наконец, последнюю часть применили бы для оказания кредита (а также уплаты долгов), (6). Но это привело бы к падению учетного процента и, следовательно повышению вексельного курса (отвлекаясь уже от вывоза золота). Увеличение количества денег частью привело бы к большему изъятию благ из национальных запасов и повы-

сило бы цены: (1) благ широкого потребления, (3) средств производства, (4) ценных бумаг, (6) импортируемых товаров. Но никоим образом нельзя было бы ожидать возрастания всех цен (напр., не возросли бы цены умственного труда или же цены тех благ, которые можно было бы произвести дешевле, в виду возросшего сбыта); возросшие же цены повысились бы неравномерно,—таким образом, следствием здесь явилось бы полное перемещение цен. Цены не могут при этом удвоиться уже потому, что не все новые деньги поступают на рынок как покупательная сила их обладателей (согласно п.п. 2, затем 5, причем U, G^1 и U^1 по необходимости и автоматически противодействуют влиянию возрастания G), так как кроме того, другая часть денег может воздействовать на внутренний рынок лишь косвенно (п. 6). Но, прежде всего, наступает расширение производства (пп. 4 и 5), что окажет противодействие быстрому возрастанию цен.

Если сельский хозяин покупает скот и нужные для мелиорации блага вместо того, чтобы прогулять свои деньги, если предприниматель нанял новых рабочих и приобрел новые машины, если государство (согласно п. 4) создало новые средства сообщения, то за всем этим—или немедленно или же немного позже—должно следовать расширение рыночного предложения благ, а это, в свою очередь, окажет смягчающее влияние на движение цен—как потребительных благ, так и благ производительных. Не без основания меркантилизм ценил так высоко увеличение количества средств обращения; мы видим, что оно даже во время войны оказывает благоприятное влияние на производство в самой его основе.

Фишер склонен рассматривать подобные следствия возрастания G лишь как переходные явления, считая центром тяжести более отдаленные влияния, которые обнаружатся лишь после окончательного установления нового уровня цен, но и в этом отношении его уравнение не соответствует фактам. Правда, вновь может установиться твердое отношение между U и $G_{,}'$ с одной стороны, и G—с другой. Тем не менее Q (товарооборот) увеличился (согласно вышеприведенному примеру—этого могло бы и не быть) и все же цены возросли. Этого явления Фишер не может объяснить; точно также и перемещение в отношениях между собою цен и элементов издержек совершенно ускользают от него в его формуле. Эти перемещения направлены к удешевлению свободно воспроизводимых благ, тогда как прочие блага, например, сырье и продукты земли становятся дороже (см. мою работу „Theorie der Preisverschiebung"). Для объяснения подобных движений цен количественная теория совершенно не годится.

Данная до сих пор критика теории Фишера должна была бы показать ее слабые места. Несмотря на многое положительное, чем мы ему обязаны и что содержится в его

книге, являясь плодом многолетней специальной работы, все же Фишер пал жертвой увлечения злосчастным математическим методом, склонности принимать формулировку за доказательство. Исследование изменений цен, которое может расчитывать на успех, не должно исходить из догмата, что G, G', U и U' одни только и представляют условия, непосредственно определяющие эти изменения, — оно должно заняться также и самим процессом образования цен. Тогда обнаружится, что значение количества денег отступает на второй план, причем его заслоняют другие факторы, совсем не встречающиеся в формуле Фишера. Мне кажется, что в своей „Теории смещения цен" я дал убедительное доказательство, что между вздорожанием, с одной стороны, и прогрессом производительности—с другой, существует, во всяком случае, самостоятельная связь, не зависящая от изменения в области денег. Благодаря прогрессу производительности, наступает (на стороне потребления) удешевление потребительных благ, что ведет к росту покупательной силы потребителя; а, следовательно, вызывает рост спроса на другие товары и вздорожание их (обесценение денег); в захваченной подобным процессом отрасли производства возникают затем подъем, напряжение кредита и вздорожание денег. Поскольку такие случаи повышения производительности охватывают значительные скопления капитала и товаров, а, следовательно, заключают в себе изменения в распределении доходов,—постольку в результате их в одних отраслях производста возникает обесценение денег и товаров, в других же, напротив, наступает недостаток денег и товаров; благодаря этому, получаются такие изменения и перемещения цен, которые в нормальные периоды хозяйственного прогресса гораздо важнее зависимости уровня цен от количества денег (продукции драгоценных металлов). К тому же эта зависимость цен от количества денег является по большей части лишь косвенной, что противоречит формуле Фишера. Именно, она может проявиться заметно (как показывает приведенный выше пример), лишь влияя на покупательную силу хозяйствующих субъектов, почему она вызывает не одно только перемещение цен, но и возрастание производительности, иначе говоря, „подъем". В теоретической формулировке это равносильно тому, что функция денег, как средства обмена, является не единственной функцией, при чем, благодаря ей, они, сверх того, выполняют также функцию средств накопления имущества (т. е. функцию распределения и функцию расширения производства). Но точка зрения количественной теории действительна лишь для функции денег, как средства обмена. Этого, впрочем, Фишер ни разу не попытался обосновать в качестве минимума своей тезы, в качестве правильного зерна количественной теории; ведь он не разграничивает отдельных функ-

ций денег. Как раз то обстоятельство, что во всяком акте участия денег в обмене в роли посредника одновременно даны как перемещения благ, так и явления распределения, (влияющие на потребление и производство),—это обстоятельство делает теоретически невыполнимым требование Фишера, чтобы при изменениях количества денег все прочие величины оставались без изменения. Ведь все эти функции органически связаны друг с другом. Возрастание G обозначает поэтому, кроме изменения величины U, G^1 и U^1, также изменения тех определяющих цену величин, которые охватываются терминами „предложение" (производство) и „спрос" (покупательная сила). Итак, если Фишер полагает, что ему удалось с помощью количественной теории объяснить рост цен за период 1896 — 1909 г. (12 глава) и даже всю историю цен, то эти притязания звучат мало убедительно. Вывод Фишера: „история цен была по существу историей состязания друг с другом в быстроте между увеличением средств обращения (G и G^1) и расширением торговли (H) . . . . . " (стр. 200), этот вывод, во всяком случае, поддается истолкованию в смысле также и других теорий, а не только одной количественной. Изменение производительности и ее предпосылок, изменение распределения и содержащиеся в том и другом борьба за власть, организационные мероприятия и общие явления эволюции— вот что является гораздо более важным. Это подтверждается и опытом войны. Уровень цен в Америке должен был бы повыситься в несколько раз, изменяясь пропорционально ввозу в нее золота; на самом же деле он держится в весьма умеренных границах. Точно также мы видим, что в Скандинавии и Германии рядом с увеличением количества денег играют самостоятельную роль также и изменения, происходящие в производстве. Предположим, что в Германии количество денег возросло бы в 5 раз, тогда как производство сократилось бы на некоторую долю, пусть на $^1/_3$, тогда, согласно „уравнения обмена", уровень цен должен был бы вырасти в 15 раз, но в действительности этого не наблюдается. Конечно, вступая на реальную почву, не следует откладывать в сторону теоретической точки зрения, но необходимо располагать правильной глубокой теорией, отточенными, кристально ясными понятиями, чтобы быть в состоянии воспринять и объяснить все богатство действительности.

Лефлин

КРИТИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ [1]

Характер задачи

§ 1. Изучение законов денежного обращения необходимо, как вступление к центральному и основному обсуждению тех начал, которые регулируют цены. В этом—кардинальная сторона всего вопроса о деньгах. Если наше рассмотрение этого вопроса не даст нам более ясного понимания проблемы цен и некоторых данных для ее разрешения — лучше было бы вовсе к нему не приступать. Ибо во всей истории экономической науки, с Николая Орезма и до наших дней, ни по какому иному вопросу не было большего спора, со столь малыми результатами, как по вопросу о теории цен. Поэтому-то к такого рода трудной задаче следует приступать с осмотрительностью и вниманием.

Пытаясь выяснить те законы, которые регулируют общий уровень цен, мы прежде всего наталкиваемся на постоянно повторяемую теорию цен, глубоко укоренившуюся в экономической литературе, поддерживаемую выдающимися авторитетами и наложившую резкую печать на все экономические сочинения нашего времени—и не только в вопросе о деньгах, но и в вопросе о международной торговле,—так что требуется незаурядная смелость для оспаривания ее обоснованности. Я имею в виду ту теорию, которая утверждает, что общий уровень цен определяется соотношением между количеством денег в обращении и количеством обмениваемых товаров.

Экономический метод

Приступая к критическому исследованию количественной теории денег, мы должны раньше всего поставить вопрос о методе, при чем единственно возможным может быть лишь тот метод, который был предложен Кернсом (Cairnes) и горячо поддержан Волкером (Wolker). Если какая-нибудь теория, сколь бы она ни была общепризнана в прошлом, не

[1] Глава VIII в книге S. L. Laughlin:—„The principles of Money", London, 1919 г., перев. А. Сухотин.

в состоянии объяснить экономические факты современного общества,—ясно, что либо она покоится на ложных посылках, либо ошибочно рассуждение, приведшее к ее установлению. Только путем индуктивного исследования можно выяснить, соответствует ли теория существующему взаимоотношению между причиной и следствием. Нельзя, разумеется, сочувствовать ненаучному духу тех сторонников какой-нибудь теории, которые не признают за исследователем права проверять ее посредством индуктивного приложения экономических критериев. [1] Давность теории не предохраняет ее от критического исследования. Если будет доказано, что основные положения количественной теории неверны, что весь ход ее рассуждений ошибочен, что она удовлетворительным образом не объясняет существующих фактов, если все это будет установлено, — ясно, что от теории этой придется отказаться. И, наконец, в дополнение к этому, если окажется возможным предложить иную теорию цен, которая объяснит соответствующие данные статистики, то это будет новым подтверждением несостоятельности старой теории. В дальнейшем, исходя из этих посылок, попытаемся дать критику количественной теории денег.

§ 2. Сущность количественной теории, без сомнения, сводится к следующему: 1) цены устанавливаются исключительно посредством действительного обмена „денег“ на товары, и 2) уровень цен определяется соотношением между количеством обмениваемых товаров (с принятием в расчет и того, сколько раз каждый товар переходит из рук в руки) и количеством „денег“ (каковы бы они ни были), находящихся в обращении (с принятием в расчет скорости обращения).

Условия, при которых количественная теория выдерживает критику

Условия, при которых теория эта может почитаться соответствующей фактам, суть следующие:

1. Осуществляемая центральной властью монополия чеканки звонкой монеты или же выпуска бумажных денег. Предполагается, при металлическом обращении, прекращение свободной чеканки [2], иначе монеты сравнялись бы в цене с теми слитками, из которых они сделаны (за вычетом стоимости их чеканки). При нынешнем режиме свободной чеканки золота, действующем в большинстве торговых стран,—раз не ограничено количество выпускаемых

[1] Нельзя согласиться с тем положением Волкера, будто количественная теория денег является лишь развитием закона спроса и предложения, а потому не требует проверки путем индуктивного исследования. См. „Quarterly Journal of Economy“, июль 1895 г., стр. 374.

[2] На этом, очевидно, основываются и Рикардо и Волкер, а Де-Вити (De-Viti „Traité d'Economie politique“ гл. 1, § 3, 2), со своей стороны, полагает, что должно быть свободное взаимодействие между слитками и денежными знаками. Он, таким образом, должен признать при установлении цен, что есть какая-то причина, влияющая на ценность слитков.

монет,—единственными видами денег, носящих печать правительственной монополии, являются монеты и неразменные бумажные деньги. Если же приверженцы этой теории считают, что она верна даже при свободной чеканке, они должны утверждать, что ценность слитков определяется ценностью звонкой монеты, фактически обращающейся в качестве средства обращения, что только вследствие ее использования в качестве средства обращения определяется ценность как слитков, так и металлических денежных знаков; и что спрос на деньги исключительно или по преимуществу является спросом на орудия обмена.

2. Второе же условие вытекает из следующего: теория является истинной лишь при том положении вещей (ср. у Милля), при котором „деньги" служат единственным орудием обмена и, в действительности, переходят из рук в руки. Непосредственный же обмен или производящийся при помощи усовершенствованных банковских операций не оказывает влияния на цены.[1] Кредит предполагается несуществующим.

3. При наличии нынешнего положения вещей, когда беспрепятственно существуют и свободная чеканка и кредит (вместе с другими разновидностями средств обращения), некоторыми приверженцами этой теории (как, напр., Милль), в противоположность Волкеру, делается попытка доказать ее общеприложимость путем утверждения, будто кредит оказывает совершенно такое же действие на цены, как и „деньги".

Изложение и доказательство этой теории неизбежно предполагают монополию и употребление „денег" в качестве единственного орудия обмена, во всех его проявлениях. Что считается истинным при построении гипотезы, признается таковым и в приложении к миру существующих фактов, в гипотезу не включенному. Перенесение „аксиоматического принципа" с его гипотетической почвы в условия современной жизни создает серьезные затруднения логического порядка и вызывает для объяснения существующего положения слишком вольное обращение и с теорией и с фактами. Вот откуда, по моему мнению, рождается та любопытная разноголосица, которая господствует среди сторонников количественной теории относительно того, что же такое „деньги", и относительно того, каким образом определяются цены. Дело же в том, что основное положение теории ложно; ошибочная же теория никогда не сможет объяснить феномены цен.

Основная ошибка количественной теории

§ 3. Центральная ошибка количественной теории заключается, по моему мнению, в принятой посылке, будто цены определяются соотношением между подлежащими обмену товарами (т. е. работою денег) и теми средствами обмена, которыми эта работа производится. Это практически сводится к утверждению, что силой, регулирующей цену, является

---

[1] Такого мнения придерживается Волкер, когда он говорит: „Многие блага могут в торговом обороте обмениваться либо непосредственно, путем мены одного на другое, либо косвенно, путем использования коммерческого и финансового кредита, без помощи денег. Такого рода блага не являются факторами, определяющими спрос на деньги".

цена или та сумма денег, которая фактически получена за товар, какова бы она ни была. Что, например, регулирует цену пшеницы? Ни что иное, как количество средств обращения, на которое она, в действительности, была обменена. Сколько лесу может срубить дровосек? Да столько, сколько он его срубает,—великое открытие! Подобный процесс установления цен (причем имеются в виду все товары и все деньги, находящиеся в обращении), сводится, таким образом, к простому сопоставлению товаров с последствиями такого сопоставления; сопоставляется нечто, долженствующее быть, еще сделанным, с чем-то сделанным в действительности. Смешивается следствие с причиной, производящей следствие. Нам, таким образом, не дается путеводной нити для выяснения причин, влияющих на общие цены. Что определяет цену товаров? Ответ: те цены, которые определены.

Установление цены предшествует обмену

Предложение некоторой суммы средств обращения за товары есть лишь результат предыдущего процесса установления цены. Это особенно очевидно в случаях, когда сделки осуществляются путем бухгалтерских операций и кредитными перечислениями всякого рода. Цена должна быть определена до занесения в приход соответствующей суммы [1]. Откинем вопрос о кредите. Разве фермеры, например, устанавливая в золоте цены на яйца, в действительности принимают в соображение только работу денег и сумму наличных средств обмена? Если же мне возразят, что это относится лишь к цене отдельного товара; а количественная теория имеет дело только с общим уровнем цен, я отвечу, что нет в действительности отвлеченного уровня цен, независимого от цен отдельных товаров, что общий уровень цен есть ни что иное, как среднее от цены отдельных товаров; что условия, при которых определяется цена отдельного товара, по самой природе вещей, должны влиять на общий уровень, являющийся средним от отдельных цен.

Иллюстрация ошибки

Для обнаружения незначительности реального влияния средств обмена на относительные ценности товаров и золота можно привести следующую иллюстрацию. Во время нашей гражданской войны северный офицер *А* вел переговоры об обмене пленными с южным офицером *Б*. Офицер *А* предъ-

[1] Здесь Волкер мог бы возразить, что эта цена определяется каким-нибудь другим, в ином месте произведенным, обменом на деньги; об этом мне придется поговорить ниже.

явил в Ричмонде офицеру *Б* в качестве ордера документы, с перечнем имен и проч., в доказательство, что он в Мемфисе передал 10.000 пленных южан в обмен на 10.000 пленных северян, которых в Ричмонде содержал *Б*. Требование, которое *А* предъявлял *Б*, основывалось только на том, что в его обладании находилось 10.000 пленных южан; „покупательная сила“ документа, если можно так выразиться, сама по себе была ничтожной; количество средств обмена, которое представлял документ, являлось следствием того числа пленных, которое было взято, что, в свою очередь, зависело от результатов предшествовавших военных операций, искусства генералов, численности войск и т. д., короче говоря, от производственного процесса, связанного со взятием в плен и соразмеренного с тем сопротивлением, которое оказывал неприятель. Равным образом, обмен не мог бы иметь места, если бы у *Б* не было пленных северян, которых он мог засчитать за тех пленных, которых предлагал *А*.

Количество этих людей, фактически подлежащих обмену, было только следствием всех предшествовавших переговоров между *А* и *Б* (или их соответственными правительствами) о том, сколько штатских идет за одного капитана, сколько рядовых за одного майора и т. д. Письменные требования, предъявленные офицерами *А* и *Б* при совершении самого обмена, были лишь результатом или следствием всей совокупности операций по обмену, стоявших позади самой операции передачи в данный момент. Эти персональные списки не определяли ни того, сколько человек можно было фактически обменять, ни того, по какой „цене“ мог быть этот обмен произведен. Наоборот, число людей, взятых в плен северянами, число людей, взятых в плен южанами, соглашения (т. е. процесс установления цены), заключенные сторонами о том, во сколько рядовых оцениваются офицеры,— вот что определяло характер договорного документа.

Колебания цен определяются мерилом ценности (Standard[1]), а не средствами обмена

Таким образом, мы можем сделать тот вывод, что количество денег, затраченных в качестве фактического средства обмена, определяет цену не в большей степени, чем реестр актов и документов на передачу владения определяет цены земель, оффициально объявленных к продаже. Орудия обращения не суть причины цен; они лишь удобные средства обмена товаров, цены которых уже определены ранее, причем орудие обмена не обязательно состоит из того материала,

[1] Standard,—мы везде переводим „мерило ценности“, хотя у Лефлина „мерило“ (Standard) не лишено некоторого металлистического привкуса. *Л.*

из которого состоит мерило цен. Цена есть меновое отношение между благами и тем товаром — деньгами, который служит для них мерилом, независимо от того, является ли этот товар—деньги в данном случае орудием обмена или нет. Существует огромное различие между мерилом, в котором выражаются цены отдельных товаров, и теми средствами обмена, при помощи которых товары фактически переходят из рук в руки. Прежние авторы не обращали внимания на эволюционный процесс, посредством которого орудия обмена, отличные от товара, служащего мерилом цены, выступили на арену торгового оборота. Некоторые виды денег являются только орудиями обмена и не оказывают никакого влияния на цены. Можно было бы думать, что различение между мерилом, в котором выражаются цены, и тем орудием, при посредстве которого обмениваются товары, столь элементарно, что необходимость в таком различении не требует пояснений. Но вот Волкер полагает, что главнейшей, если не единственной, функцией денег является то, что они служат средством обращения.

„Эта функция (мерила ценности) не является обособленной и независимой функцией денег, но чисто побочной и подчиненной функцией. То, что способно служить всеобщим средством обращения, не только тем самым служит обычным измерителем ценностей, но вообще все, что фактически является средством обращения, по необходимости, должно, по самой своей природе и деятельности, создавать цены“.

Подобное понимание денег, несомненно, влечет за собой совершенно произвольное толкование того, что большинство людей понимает под средствами обращения, а также влечет за собой их догматическое исключение из категории денег. [1] Оно совершенно не согласуется с существующими фактами:

Говоря о спросе на деньги и их предложении, г. Милль высказывался в том смысле, что увеличение количества денег, предлагаемых за товары, подняло бы их цены pro tanto (при прочих равных условиях). Но ведь предложение повышенной суммы денег за товары само по себе есть изменение цены, т. е. именно то, что следует объяснить. Если допускается повышение цены, то, разумеется, больше денег будет предложено. Но вопрос вот в чем: почему предлагается больше денег? Иначе говоря: почему поднялись цены? Без сомнения, меновая ценность, например, золота, по отношению к товарам

---

[1] „Политическая экономия“, стр. 156. Было бы интересно узнать, как Волкер толковал значение некоторых банковых операций. Он не признавал чеков и проч. деньгами; следовательно, отрицал, что они могут быть орудием обмена. Если бы он выдвинул возражение, что они не обладают „универсальностью“, это все-таки не опровергало бы того факта, что они в поразительных размерах сделались орудиями обмена.

может измениться либо от причин, лежащих на стороне золота, либо от причин, касающихся товаров. [1]

Присовокупление кредита не спасает количественной теории

Если, следуя за г. Миллем, мы станем включать в покупательную силу также и кредит и полагать, что количество денег, сравниваемое с работой денег, составляется из всех находящихся в обращении денег плюс весь кредит, то и такая форма количественной теории не более приемлема, чем первая. Ее основная ошибка всегда остается и сводится к тому, что при определении цены денежная сторона меновой пропорции рассматривается, главным образом, как отношения средств обмена. Если таково утверждение,—а именно, что все, служащее средством обмена, входит в количество денег,— в таком случае г. Милль логически понуждается признать и кредит средством обмена (что нелогично отвергает Волкер). Но логическое рассуждение, основанное на ложной посылке, неминуемо ведет к ложному выводу. Ибо неверно даже и то, будто уровень цен изменяется в зависимости от общего количества и „денег" и кредита. Нормальный кредит, как посредник обмена, не оказывает влияния на цены. Самой краткой ссылки на факты достаточно, чтобы обнаружить несостоятельность выводов г. Милля. Громадный рост депозитов и чекового обращения за последние тридцать лет в Соединенных Штатах происходил с заметной тенденцией в сторону понижения цен на товары. Из года в год, по мере роста производства и увеличения количества обмениваемых товаров, этот посредник обмена, опирающийся на товары, а не на деньги, возрастал соответственно увеличению товарооборота. Это весьма гибкое орудие обмена может возникать только (за вычетом спекуляции и ненормального кредита) при наличии товарных сделок. Таким образом, феноменально возрастает „банковский кредит", новое и весьма реальное средство обращения, но он не повышает (и в действительности не повысил) уровня цен. Причину этого найти не трудно. Таблицы цен показывают цены по данным единицам отдельных товаров (по ярдам, бушелям и т. п.); но, с ростом промышленного

---

[1] Та мысль, что после 1850 г. увеличившееся предложение золота подняло цены, по необходимости, повлекла за собой убеждение (среди сторонников количественной теории), что золото обязательно должно было попасть в обращение. Совсем недавно годовая добыча золота утроилась, но цены соответственно этому не возросли. Почему же золото не поступает в обращение? На самом деле, приток нового золота повлиял на теории цен в большей степени, чем в XVI веке громадный поток серебра из Нового Света. Тогда, как и впоследствии, многие авторы упустили тот факт, что лишь постольку, поскольку оно (золото или серебро) понижает ценность мерила, влияет оно на цены, вне зависимости от того, поступает ли золото или серебро в обращение, или нет.

развития, данный капитал и данный труд производят большее количество единиц, чем раньше, так что по мере возрастания количества наличных полезных благ, каждая единица может продаваться по более низкой цене. Если хлопчато-бумажная фабрика удваивает свое производство при прежней затрате капитала и труда и понижает наполовину цену за ярд, денежная цена всего удвоенного производства не выше прежней и не требует большего количества орудий обмена для его обращения. Но если возросшая масса товаров увеличила свою ценность, если вся совокупность общественного богатства увеличилось, как оно в действительности и есть, то и тогда увеличившаяся торговля создает, посредством современных кредитных операций, необходимые орудия обмена (которые Волкер не считает деньгами), в точной пропорции к существующим сделкам. Поэтому, если г. Милль логически и понуждается сказать, для согласования количественной теории с современными условиями, что раз кредит есть средство обмена, он должен включаться в количество денег, находящихся в обращении, все-таки его аргументация в целом не соответствует фактам нашей нынешней экономической жизни. Усовершенствованная система прямого обмена, созданная современными банками, не оказывает большего влияния на нормальные цены товаров, выраженные в металле, служащем их мерилом, чем примитивный непосредственный обмен.[1] Таким образом, не представляется возможным, по моему мнению, объяснить движение цен при помощи какой-либо теории, основанной на количестве средств обращения.

Ошибки, проистекающие от непринятия во внимание неденежного спроса

§ 4. Цены товаров суть ни что иное, как количества металла, служащего мерилом, за которые они обмениваются. Пытаясь определить уровень цен, т. е. то количество денежного металла, которым оцениваются товары, путем признания денежного фактора в качестве действительного орудия обмена, сторонники количественной теории опрометчиво упустили из виду иные факторы, влияющие на ценность самого металла, играющего роль денег. Те из них, которые были приверженцами биметаллизма, весьма настойчиво утверждали, что спрос на золото для художественных работ, для ювелирного и при-

[1] Не разрешает означенного вопроса и то утверждение, будто увеличение сделок настолько превысило увеличение обращения, что цены упали. Этим путем пытаются подкрепить количественную теорию, доказывая ее приложимость к фактам. Но ведь нет статистических данных, доказывающих будто цены упали из-за того, что денег (что бы под ними ни разуметь) оказалось в обращении недостаточное количество. Если разуметь золото, то количество его недостаточным не было, поскольку дело касается новейшего производства.

кладного дела, увеличил спрос на золото, повысил его ценность, а, следовательно, имел тенденцию снижать золотые цены. Каковы бы ни были действительные статистические данные, принцип, на котором покоилась их аргументация, был верен; они были правы, утверждая, что все влияющее на спрос (или предложение) золота должно теоретически оказывать воздействие на ценность золота, как мерила цен, а, следовательно, и на самые цены. Таким образом, это положение допускает, что есть и другие факторы, кроме количества денег в обращении, влияющие на цены и, следовательно, молчаливо отказывается от количественной теории. Неденежный спрос на денежный металл (т. е. на золото) входит существенной составной частью в спрос на него и может повлиять на ценность золота и золотые цены совершенно таким же образом, как и всякий иной спрос, например, денежный спрос. Изменит-ли он сколько нибудь ощутительно цены или нет, зависит от величины и силы этого спроса по отношению ко всему существующему количеству (или предложению) золота. Если количественная теория выставляется как строгое приложение общей теории спроса и предложения, она должна принимать в соображение неденежный спрос на денежный металл.

Количественная теория не есть точное приложение закона спроса и предложения

§ 5. С большой догматической строгостью высказано было положение, что количественная теория не должна проверяться статистическим методом для выяснения того, соответствует ли она фактам, ибо она есть лишь приложение общего закона спроса и предложения в частном применении к деньгам и ценам. [1] Хотя я и склонен допускать нежелательность попыток опровергать при помощи статистики закон спроса и предложения, я все-же позволяю себе обратить внимание на то, что в данном случае, так называемый, спрос на товары, равнозначащий количеству находящихся в обращении денег, вовсе не является спросом; что такого рода „спрос“ не оказывает решающего влияния на цены, которое ему приписывается количественной теорией. Что является спросом на товары, определяющим — при сопоставлении с предложением товаров—их цену? Согласно количественной теории, им является количество „денег“ (каковы бы они ни были), фактически предлагаемое за товары; или же им являются орудия обмена (включая кредит, как полагает Милль), при посредстве которых товары фактически обращаются.

[1]) W. C. Mitchell—Quantity Theory and the Value of Money. Митчель—количественная теори и ценность денег. „Journal of Political Economy,“ март, 1896 г., стр. 141.

По мнению Волкера, банковские чеки и подобные им документы не оказывают влияния на цены, так как он думает, что цены, устанавливаемые иным путем, путем действительного перехода денег из рук в руки, определяют, со своей стороны, уровень цен товаров, обращающихся посредством банковских операций; это значит, что, даже по мнению Волкера, при этих кредитных операциях цена устанавливается раньше совершения самого обмена. Если те немногие случаи, при которых товары обмениваются исключительно посредством перехода денег из рук в руки, определяют цены для всех прочих товаров, обмениваемых иными способами,— значит, мы имеем дело со спросом на товары, определяемым не как спрос на все товары, находящиеся на рынке и ожидающие обмена, но как ограниченный спрос на немногие товары, за которые лица, торгующие в розницу или в провинциальных местностях, готовы предложить наличные деньги. При таком понимании, спрос на товары, в качестве силы, определяющей общий уровень цен в стране, представляется совершенно недостаточным для требуемого решения всей проблемы. Раз признано, что „спрос“ на товары должен влиять на их цену, было бы пародией интерпретировать общий спрос вышеуказанным образом. Неверно, как я только что старался это показать, определять спрос на товары как количество орудий обмена, посредством которых товары фактически обращаются.

Таким образом, те, кто отрицает обоснованность количественной теории, не могут никаким усилием воображения почитаться отрицающими закон спроса и предложения. „Они признали основной закон и отвергли теорию только потому, что она показалась им не соответствующей этому закону“. [1] В следующей главе, в которой дано будет другое построение теории цен, я покажу, что мною полностью признается закон спроса и предложения как в отношении металла, служащего мерилом цен, так и в отношении товаров.

§ 6. Итак, в каком смысле можем мы говорить, что цены определяются спросом и предложением? Общий принцип, установленный г. Миллем, гласил, что ценности товаров, определяемые законами, регулирующими ценность в условиях непосредственной мены, остаются неизменными и при введении денежного обращения; единственной новой проблемой является отношение товаров к деньгам. Это значит, что бесспорно существуют некоторые общие силы, регулирующие ценность товаров (включая и золото, которое тоже товар), и что они применимы ко всему, а не только к частному случаю ценности, именуемой ценою, которая есть ни что

---

[1] F. A. Walker—Quarterly Journ. Econ., июль, 1895 г.

иное, как ценность денежного металла по отношению ко всем остальным товарам.

Частный спрос и предложение

Нельзя упускать из виду различия между частным и общим спросом-предложением. В первом случае какой-нибудь предмет может изменять свою ценность относительно другого, или относительно всех прочих вследствие колебаний в предложении его или в спросе на него; и если мы, для примера, предположим, что золото не подвергается такого рода колебаниям, эти изменения в ценности будут точно отмечаться в единицах золота (как общего измерителя), т. е. в цене этого отдельного предмета потребления и в ценах прочих товаров, с которыми он сравнивается. Во втором случае повышение спроса на все товары может возникнуть только вследствие повышения предложения всех товаров; общее предложение и общий спрос суть тождественные явления, только рассматриваемые с различных сторон. [1] Каждый производитель предлагает товары, чтобы получить возможность удовлетворить свой спрос, и каждый производитель может увеличить свой спрос, только если он увеличил свое предложение.

Общий спрос основан на товарах

Общий спрос на все товары не может экономически быть отделен от общего предложения всех товаров; относительные ценности и цены каждого из товаров, составляющих общее предложение, определяются посредством относительного (т. е. специального) действия закона спроса и предложения между отдельными товарами. Итак, каким образом можем мы говорить об общем спросе на товары, проистекающем вследствие существования денег? Это, в действительности, только призрачный спрос, воображаемая фикция. Реальный спрос идет от товаров, и то обстоятельство, что отдельная ценность каждого предмета потребления выражается в деньгах (в виде его цены), не влияет на характер спроса; и характер спроса не зависит от того, что товары, при посредстве орудий обмена, временно выражаются в установленных денежных единицах. X. обменивается на деньги; потом те же деньги выплачиваются за У. Реальный обмен есть обмен X на У; посредническая роль денег не оказывает действительного влияния на процесс взаимной оценки X и У, деньги употребляются здесь просто для удобства.

---

[1] Об этом см. у Кернса, „Руководящие начала политической экономии гл. II. I. E. Cairnes hlading Principles of Political Economy“.

Цена есть вид частного спроса и предложения

Вопрос о цене,—вопреки тому утверждению, будто мы имеем дело с общими, а не с частными ценами,—есть, без сомнения, разновидность вопроса о частном спросе и предложении, некоторый вид отношения между одним предметом, выбранным в качестве денежного мерила, и всеми прочими товарами. Теоретически проблема эта весьма проста. Все, что может повлиять на меновое отношение между товаром-деньгами и всеми прочими товарами, оказывает влияние на уровень цен. Итак, при изучении ценности денег, как могло возникнуть предположение, что мы имеем дело только с общими ценами? Ответ прост: влияния, действующие только на стороне товара-денег и могущие поднять или снизить его ценность, неминуемо,—если силы, действующие на стороне товаров, остаются неизмененными,—снизят или поднимут цены вообще. Единственно важный пункт в данном случае сводится к тому, что влияющий на цены фактор является фактором, действующим только на самый товар-деньги. Это, однако, не заставит нас думать, что цены могут испытывать влияния только от причин, воздействующих на самый денежный металл; еще менее это заставляет нас предполагать, что мы должны обращать внимание только на ту часть служащего мерилом товара, которая используется в качестве орудия обмена.

Ошибка количественной теории в отношении спроса на деньги

Количественная теория заблуждается, ошибочно применяя общий закон спроса и предложения; она устанавливает искусственную теорию спроса, совершенно независимую от товаров, на которых в действительности основывается спрос; символы обмениваемых ценностей, т. е. орудия обмена, она принимает за начальную силу, определяющую относительную ценность товаров и золота. Ошибочность количественной теории проявляется также и в том, что она неверно определяет спрос на деньги. Утверждение, что спрос на деньги сводится к общей массе обмениваемых товаров (с принятием в расчет того, сколько раз каждый товар переходит из рук в руки), есть утверждение, далекое от истины. Спрос на товар-деньги проистекает как от не-денежной, так и денежной потребности в нем, а денежный спрос на него, как на орудие обмена, не имеет почти никакой связи с общей массой сделок, ибо количество служащего мерилом товара, требуемое обществом в качестве орудия обмена, видоизменяется от торговых навыков общества, от его склонности

экономить использование мерила ценности, от развития в нем банковских операций, от общего уровня его коммерческого понимания, от степени взаимного доверия между контрагентами, от прочности государственной власти, от наличия законности и порядка, от характера деловых отношений и многих других подобных условий. В действительности, ввиду того, что бо̀льший объем торговых операций и большее развитие экономических отношений обычно сосуществуют с тенденцией уклоняться от ненужных рисков и затрат, практически верно то, что там, где производится наибольшее количество меновых сделок, мы находим в обращении относительно малое количество установленных в стране денег. Вместо количества требуемых для обмена денежных знаков, находящегося в определенной пропорции к увеличивающемуся количеству сделок, в современных передовых странах мы обычно находим несколько иную картину; и те государственные деятели, которые невежественно указывают на большее чем в других странах обращение на душу населения в их стране, тем самым неумышленно разглашают по всему свету об отсталости денежного и хозяйственного развития своей страны.

§ 7. И, наконец, количественная теория не объясняет фактов. Я сам был когда-то приверженцем этой рикардовской теории, но с течением времени усомнился в ее истинности, ибо она не давала решения практическим проблемам цен. С точки зрения экономического метода, неспособность данной догмы объяснить факты есть лучшее доказательство неудовлетворительности ее посылок и всего рассуждения, приведшего к ее установлению. Но раз, по моему мнению, неверны и ее посылки и весь ход рассуждения, я предпочел в моем изложении начать с них, а уж потом перейти к доказательству неустранимого несоответствия между теорией и фактами.

Объем настоящей работы не позволяет заняться здесь статистическим исследованием тех многих случаев, где могут быть приведены достаточные данные о ценах и о количестве денег в обращении, для обнаружения противоречия между теорией и данными опыта. И в самом деле, как уже указывал г. Маршалл, [1] статистических данных для подкрепления количественной теории не существует. Лишь в самое последнее время явилась на свет заслуживающая доверия статистика

[1] Хотя г. Маршалл и полагал, что в нашем распоряжении имеются достаточно хорошие статистические данные о массе продаваемых товаров, он вместе с тем утверждал, что у нас нет данных ни о том, сколько раз в год каждый товар переходит в среднем из рук в руки, ни о том, сколько в среднем раз переходит в год из рук в руки каждая монета или каждая единица обращения. А еще он утверждал, что у нас нет достоверной статистики и о том, какая существует пропорция между количеством сделок, совершаемых при помощи средств обращения и без них.

цен и денежного обращения. И все же, ознакомившись с доступными обследованию данными по Соединенным Штатам, никто бы не заколебался утверждать, что нет ни одного обследованного случая, при котором была какая-либо пропорция между движением цен и количеством денег в обращении. Вне всякого сомнения, исследователь, который приступил бы к вопросу методом индукции, пытаясь найти законы, регулирующие цены, не иначе, как путем обследования положительных данных, не мог бы сознательно прийти к количественной теории. Теория эта вытекла из чистейшей дедукции, не проверенной никаким статистическим обследованием

Количественная теория не объясняет фактов

Взяв два различных критерия для выяснения отношения количества денег в обращении к уровню цен в Соединенных Штатах, — условия в которых типичны и для многих других стран, — мы обнаружим, что количественная теория поразительно расходится с фактами. Если в теории указана причина, которая, будто бы, порождает некоторые следствия, а при проверке на опыте оказывается, что следствия эти никогда не наступают после предположенной причины, без сомнения никто не обязан рассматривать произвольно провозглашенное взаимодействие между причиной и следствием в качестве установленного экономического закона. Конечно, нам могут сказать, что соотношение количества денег с работой денег регулирует цены только *при прочих равных условиях*; но если эти „прочие условия“ столь существенны, что за весьма значительными изменениями в количестве обращения не следует соответствующих изменений в уровне цен, — это равносильно доказательству того, что эти „прочие условия“ более влиятельны, нежели количество денег. Никто не сомневается в том, что повышенное предложение металла, служащего мерилом, влияет на его ценность, а, следовательно, влияет и на цены; но мы знаем также, что количество металла является лишь одним из нескольких факторов, влияющих на цены.

Первым критерием мы возьмем движение цен в Соединенных Штатах за время от 1860 до 1891 г.; в течение первой части этого периода (1862—1879) действовало бумажно-денежное мерило цен (неразменные бумажные деньги).[1] За сравнительно небольшие периоды времени, столь краткие, что в течение их сколько-нибудь серьезные изменения в торговых и деловых отношениях страны произойти не могли,

---

[1] Эти данные почерпнуты из статьи г-жи С. М. Харди „Количество денег и цены за годы 1860—1891“ (Miss S. M. Hardy—„The Quanttity of Money and Prices, 1860—1891“).

мы находим резкие колебания цен, вовсе не соответствующие увеличению или уменьшению количества обращающихся денег.

Цены в Соединенных Штатах за годы 1860—1898

Принимая количество средств обращения в 1860 г. за 100, мы выражаем их размеры в последующие годы до 1900 г. в процентных отношениях к данным 1860 г.; линия *BB* на диаграмме изображает соответственные изменения, происходившие в обращении. Линии этой, показывающей количество денег в обращении, противополагается другая линия *AA*, показывающая движение цен в Соединенных Штатах, на основании таблиц, опубликованных в сенатском докладе Альдрича. Не трудно убедиться, что нет никакого соответствия между количеством денег в обращении и уровнем цен.

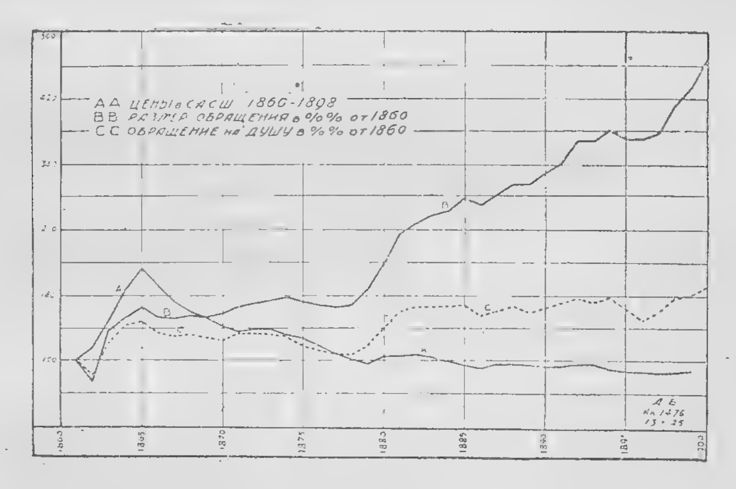

Диаграмма.

Ошибочность ссылки на „душевое обращение“

Если будет сделано возражение, которое уже высказывал Волкер, [1] что такого рода исследование не принимает в соображение растущий спрос на деньги, вызываемый ростом народонаселения, можно будет убедиться из диаграммы, что и обращение на душу (CC) не находится ни в какой связи с движением цен.

Таким образом, путем статистического исследования обнаруживается слишком даже ясно, что цены, видимо, не нахо-

[1] „Quarterly Journal of Economy“, Июль 1895 г. стр., 375 и след.

дятся в прямой зависимости от изменений в количестве находящихся в обращении денег. Но сторонники количественной теории совершенно справедливо могут заявить, что они никогда не утверждали, будто цены колеблются исключительно только в зависимости от изменений в величине обращения, но что они колеблются в зависимости от отношения, существующего между этой величиной и количеством сделок. Даже, если обращение увеличилось, а за этим последовало падение цен, это, разумеется, означает, что произошло необычное увеличение в работе денег и, что падение цен обусловлено было изменившейся пропорцией между количеством денег и возложенной на них работой.

Объем работы денег

В индуктивном исследовании зависимости цен от количества денег в обоих подлежащих рассмотрению случаях следует помнить, что не представляется возможным точно проверить один из тех факторов, который, согласно количественной теории, влияет на деньги, а именно—работу денег. Если операции расчетных палат взять в качестве доказательства увеличения количества обмениваемых товаров, для каковой цели они в данном случае вполне пригодны,—полученные данные не позволят сделать заключения, что такого рода увеличение работы денег означает увеличившийся спрос на деньги в качестве орудия обмена (за тем лишь исключением, поскольку процентное отношение банковских рессурсов к большей сумме вкладов требует безусловно большего денежного резервного фонда). В качестве доказательства действия увеличившегося спроса на деньги, данные эти привлечены весьма неудачно, ибо они не больше и не меньше, как свидетельство об огромной сумме сделок (колеблющейся в пределах от 80.000 до 100.000 миллионов долларов и более), производимых посредством банковских депозитов, играющих роль орудия обмена с затратой лишь самой незначительной доли наличных денег. Вместо того, чтобы служить доказательством, пригодным для обнаружения увеличившегося спроса на деньги, они только подчеркивают огромную пропорцию меновых сделок, совершаемых при посредстве банковских операций без помощи металла, в котором выражаются цены всех товаров.

Использование расчетных операций в качестве доказательства

Но нет никакого доказательства того, что работа денег или спрос на деньги, увеличивается непропорционально

к увеличению обращения. Наоборот, обнаруживается, повидимому, нечто совсем другое. Для выяснения этого вопроса, поскольку он может быть выяснен статистически, В. К. Митчелл произвел исследование, из которого он извлек нижеследующие выводы [1] для периода с 1860 до 1891 г.

Показания статистики в отношении работы денег

1. Общее увеличение, за годы 1860—1891, количества обмениваемых товаров было в два раза—в земледелии и немногим менее чем в пять раз—в промышленности.

2. Исчезновение посредников и подобного рода улучшения заметно уменьшили число раз, которое одни и те же товары переходят из рук в руки, и соответственно сократили количество сделок.

3. Вклады увеличились в 11 раз.

4. „Обращение“ увеличилось в $3^1/_2$ раза.

5. Если в 1860 г. было 100 единиц работы денег, то в 1891 г.—самое большее—500. В 1860 г. обращение составляло 63% всей совокупности орудий обмена (включая банковские депозиты); в 1891 же году оно составляло 33%. Работа, проделанная „деньгами“, равнялась в 1860 г. 63 процентам при 100 единицах, т. е. 63 единицам; в 1891 г.—33 процентам при 500 единицах, т. е. 165 единицам. Таким образом, проделанная „деньгами“ работа, выраженная в единицах, увеличилась приблизительно в $2^2/_3$ раза. Но фактическое количество денег в обращении увеличилось в $3^1/_2$ раза.

Таким образом, нельзя сказать, что понижение уровня цен с 1860 до 1891 г. можно приписать непропорциональному увеличению работы, возложенной на деньги, по сравнению с ростом количества самих денег. Во всяком случае, каково бы ни было количество сделок, орудия обмена должны и всегда будут выражаться в сумме, равной количеству товаров, которые при их помощи обращаются.

Цены и обращение в 1872—1880 г.

Второй критерий, которым мы воспользуемся, равным образом, свидетельствует против практической ценности количественной теории. Нижеследующая таблица показывает изменения, происходившие в денежном обращении и ценах за период времени, включающий кризис 1873 года.

---

[1] „Quantity Theory of the Value of Money“ („Количественная теория ценности денег“), март 1896 г., стр. 164.

(ЦИФРЫ В МИЛЛИОНАХ ДОЛЛАРОВ).

ГОДЫ	Общая сумма за год расчетных операций в Нью-Иорке	Общая сумма вкладов в Соед. Штат. [1]	Частные вклады только в национ. банках	Объем обращения	Индекс цен. Цифры за год	
1872	33.844,3	738,9	628,9	738,3	138,8	
1873	35.461,0	750,0	640,0	751,8	137,5	
1874	22.855,9	861,3	638,8	776,0	133,0	Депрессия.
1875	25.061,2	1.166,4	679,4	754,1	127,6	
1876	21.597,2	1.146,2	666,2	727,6	118,2	
877	23.289,2	1.100,4	630,4	722,3	110,9	
1878	22.508,4	1.081,4	668,4	729,1	101,3	
1879	25.178,7	1.133,8	736,9	818,6	96,6	
1880	37.182,1	1.389,3	887,9	973,3	106,9	

Что касается работы денег, общая сумма ежегодных операций в Нью-Иорке дает отличное представление о неизбежном относительном падении количества сделок, чего и следовало ожидать в период после жестокого экономического кризиса. Количество меновых сделок за самые худшие годы депрессии с 1874 по 1878 г. включительно обнаруживает сокращение приблизительно на одну треть. Это вполне может быть принято за общее указание того уровня, до которого опустилось общее количество меновых сделок.

Приведенная таблица показывает, что работа денег за этот период значительно сократилась, и это совпадает с общими личными наблюдениями за этот период. Но, далее, переходя к следующему фактору, количеству денег в обращении, мы усматриваем, как и следовало этого ожидать из знакомства с нашей денежной историей, что нет на практике никаких изменений, совершенно ничего похожего на упадок. Согласно старой, количественной теории, явное сокращение работы денег, в комбинации с сохранением существующего спроса на товары в виде количества денег в обращении,

[1] См. „Report Comp. of Currency", 1883, стр. CXXVIII, для годов после 1874 г. Для иных, кроме национальных банков, цифры за 1872—1874 гг. неудовлетворительны.

должно было вызвать повышение цен. К несчастью для этой теории, последний столбец таблицы свидетельствует о понижении цен, приблизительно, на одну четверть. Ясно, что перед лицом фактов количественная теория в подобных случаях не даст объяснения движению цен.

Цены и кредит

Очевидно, что со стороны тех, кто включает кредит в количество денег, будет сделано возражение, что указанное выше понижение цен было вызвано сокращением кредита и падением „покупательной силы" у всех вообще товаров. Подобное возражение заставляет, конечно, подвергнуть обсуждению вопрос о влиянии кредита на цены. Единственное падение цен, связанное с кредитом, вызывалось исчезновением ненормального ложного кредита и возвращением к нормальному кредиту. Это было уменьшением не реальной, но фиктивной покупательной силы, явившейся в результате спекуляции. Хотя некоторые резкие колебания рыночных цен и могут быть приписаны кредиту, в особенности, в периоды активной ликвидации, тем не менее остается верным и то, что нормальные цены, при наличии которых товары могут безостановочно производиться, не могут постоянно зависеть от кредитных операций. Значительное понижение цен за семь лет с 1873 до 1880 г. и низкий их уровень, на котором они продолжали стоять с тех пор, несомненно, были вызваны какими-нибудь иными причинами, а не временными причинами, которые могут воздействовать на рыночные цены; причины эти должны влиять на постоянную и нормальную ценность товаров.

Связь количественной теории с господствующими в Америке взглядами [1]

Неизменный уровень цен

§ 8. Из предположения о бедственности возможного понижения цен, вследствие сокращения средств обращения, возникло всеобщее убеждение, что идеалом было бы неизменное сохранение их общего уровня. И вот предполагается, что для достижения этой желаемой цели следует, регулировать размер обращения таким образом, чтобы цены всегда держались на прежнем уровне. Это предположение, стремя-

[1] Этот параграф приведен с некоторыми незначительными сокращениями. Л. Э.

щееся к устранению затруднений, возникающих между должниками и кредиторами" вследствие изменений в мериле цен и контрактов, грешит тем, что при этом упускается различие между функциями орудия обмена и мерила. Для удержания данного уровня цен следует направлять усилия на мерило и его реальную ценность, а не на количество имеющихся в стране орудий обмена.

Вследствие слепого доверия к количественной теории, в Соед. Штатах возникла невежественная, но широко распространенная, враждебность к банковским эмиссиям и операциям банковских учреждений. Держится убеждение, что законодательная власть, предоставляя банкам право выпускать банкноты, дает им возможность контролировать количество находящихся в обращении денег и, таким образом, позволяет им повышать или снижать цены. Без сомнения, эта точка зрения выдвигается политическими демагогами в своекорыстных целях, и, вместе с тем, она подкрепляется постоянными ссылками на экономические авторитеты, защищающие количественную теорию. В действительности банки выпускают только орудия обмена (все равно, используют ли они свои вклады или прибегают к эмиссии), которые не оказывают ощутительного влияния на мерило цен, [1] и, если бы более высоким уважением пользовалась их деятельность по выпуску главной массы орудий обмена, банки сделались бы самыми популярными учреждениями в стране.

---

[1] Влияние на цены кредита, предоставляемого банками,—вопрос совершенно иной.

ЛИТЕРАТУРА К III ГЛАВЕ

1. *Рикардо, Д.*—Высокая цена слитков. Ответ Бозанкету и Эдинбург. Обозр. Предложения в пользу экономического и прочного денежного обращения. Начала полит. экономии, гл. XXVII.

2. *Фишер, Ир.*—Покупательная сила денег.

3. *Сборник* под ред. *Бернацкого.*— Вопросы денежного обращения (ст. новый вариант количественной теории денег).

4. *Кассель, Г.*—Мировая денежная проблема.

5. *Зомбарт, В.*—Германское нар. хозяйство в 19 столетии.

6. *Мукосеев, В.*—Повышение товарных цен.

7. *Аргентариус* (*Лянсбург*).—Валюта.

8. *Фалькнер, С.*—Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства.

9. *Кейнс, Д. Ж.*—Трактат о денежной реформе.

10. *Диль, К.*—Золото и валюта.

11. *Патлаевский, И.* — Теория денежного обращения Рикардо и его последователей.

12. *Гамбаров, П.*—К вопросу о выпуске банковых нот

13. *Кауфман И.*—Неразменные банкноты в Англии.

14. *Wicksell,*— Geldzins und Güterpreise.

15. *Cassel.*—Theoretische Socialoekonomie.

16. *Schumpeter.*—Der Socialprodukt und die Rechenpfennige.

17. *Feiler.*—Die Umlaufgeschwindigkeit des Geldes.

18. *Hoffmann.*—Kritische Dogmengeschichte der Geldwerttheorien.

19. *Laughlin.*—The principles of Money.

20. *Spiethoff.*—Die Quantitätstheorie als Haussetheorie.

21. *Kirmaier.*—Die Quantitätstheorie.

22. *Took.*—An Inquiry into currency.

23. *Took and Newmarch.*—History of prices.

24. *Wagner, A.*—Geld und Kredittheorie der Peélschen Bankakte.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Г. Е. Кнапп

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ ДЕНЕГ [1]

Государственная теория денег есть догматическое выражение ряда историко-правовых фактов, которые в течение 19 века обнаружились в области денежного обращения важнейших культурных государств. В настоящее время платежный механизм всюду регулируется нормами административного права. Эти правовые нормы, поэтому, являются основным материалом для исследования, а задачей догматического анализа является развитие общих положений, основанных на правовом материале.

Совершенно справедливо указание на то, что первоначально платежи производились с помощью взвешивания отдельных кусочков руды, серебра и золота; но неправильно представление, что и в современных культурных государствах платежи совершаются подобным же способом: такой „пензаторный" способ платежа повсеместно ныне вышел из употребления. В настоящее время существует лишь два иных способа производства платежей: 1) платежи производятся путем передачи отчеканенных монет или различных знаков, которым правовой порядок авторитарно приписывает определенную платежную силу в известных единицах ценности; это есть „хартальный" способ платежа; 2) платежи совершаются путем трансферта по счетам в центральных кредитных учреждениях; это есть „жиральный" или расчетный способ платежа. Из двух этих способов платежа хартальный способ является наиболее важным. Для обозначения хартальных платежных средств существует термин: деньги.

Таким образом, понятие „деньги" отнюдь не равнозначно понятию „платежные средства"; деньги не единственное, а лишь важнейшее из существующих в настоящее время способов производства платежа.

В этом смысле деньги могут возникнуть только тогда, когда уже выработалось представление об известной единице ценности (марка, франк, рубль, фунт стерлингов); это представление перешло к нам от времен совершения пензаторных

---

[1] Перевод статьи Кнаппа—Государственная теория денег в „Handwörterbuch des Staatswissenschaften". См. сборник „Вопросы денежного обращения" под ред. Бернацкого.

платежей. Когда правовой порядок, который создается государством, говорит, что таким-то и таким-то образом клейменные знаки имеют платежную силу, равную стольким то единицам ценности, это значит, что передача этих знаков кредитору будет правопорядком признаваться за платеж долга, а размер платежа определяется приданной государством денежным знакам платежной силой.

Особенно важно то, что само государство принимает эти знаки по существующим на них пометкам при платежах, которые производят ему отдельные лица и учреждения; таково основное положение, без которого немыслима самая денежная система.

Эти знаки могут быть монетами (вычеканенными кусками металла), но они могут быть также простыми свидетельствами (клейменными знаками из других материалов, большею частью из бумаги).

Монеты могут чеканиться из благородных и неблагородных металлов: золотые, серебряные, медные, никкелевые и т. п. монеты.

Ценность (Geltung) [1] каждого денежного знака определяется правовым порядком; она устанавливается законами, указами и распоряжениями соответствующих властей; эта ценность отнюдь не основана на том материале, из которого сделан денежный знак, что непосредственно видно, когда мы имеем дело с бумажными знаками и монетами из меди или никкеля. Но, даже и по отношению к серебряным и золотым монетам содержание в них металла отнюдь не является решающим моментом в вопросе о том, как они должны оцениваться. Правда, часто случается, что решение вопроса о том, имеют ли монеты еще платежную силу ставится от фактического веса заключающегося в монете металла. Так, напр., нередко законом устанавливается предел допустимых уклонений веса: если монета стала слишком легкой, то она уже теряет свою платежную силу. Но на этот факт нельзя ссылаться, как на возражение против нашей теории, ибо в настоящее время монеты уже больше не расцениваются пропорционально своему весу. Монета или обладает полной платежной силой, или она теряет свойство быть монетой и перестает оцениваться, как таковая.

На данной ступени развития уже нельзя определять единицу ценности. говоря, что талер, например $= {}^{1}/_{30}$ фунта чистого серебра, или что марка — ${}^{1}/_{1395}$ доля фунта чистого золота. Подобное определение было бы „металлистическим“, и оно

---

[1]. Geltung — буквально „значимость“, но мы считаем более удобным обозначать экономическую категорию, о которой здесь идет речь, общеупотребительным в политической экономии понятием „ценность“, хотя Кнапп вообще отрицает наличность ценности у денег. Л. Э.

уже больше не соответствует определениям нашего законодательства.

Единица ценности уже давно стала номинальной. Она принадлежит к категории исторически определившихся понятий нашего правопорядка. Определение германской единицы ценности, „марки", формулировано следующим образом: марка есть третья часть существовавшей до нее единицы ценности, т. е. талера.

На этом основании можно сказать, что наши деньги имеют номинально-хартальный характер.

Отсюда, конечно, не следует делать заключения, что металлы, и в особенности благородные металлы, не играют никакой роли в нашей денежной системе; отсюда только следует, что наши единицы ценности (марка, крона, франк, и т. п.) не могут быть определяемы как известные весовые количества металла.

Яснее всего это можно наблюдать в Австрии: ни гульден (до 1892 г.), ни крона (с 1892 г.) металлистически вообще не могут быть определимы; но крона исторически определяется как половина гульдена. Менее отчетливо, но все же еще достаточно ясно, это явление можно наблюдать в тех государствах, в которых существует „более нормальное" денежное обращение. Исторический ход развития был в Германии до сих пор столь благоприятным, что номинальный характер единицы ценности не выступал так ясно, как в Австрии; но этот номинализм лежит в основе и германской денежной системы.

Вследствие этого следует не только отказаться от металлистического определения единицы ценности, но можно даже положительно утверждать, что существование монетной системы отнюдь не является теоретически необходимой предпосылкой для существования денежного механизма. Возникновение монетной чеканки есть исторически важная ступень развития, ибо при помощи ее совершился переход от пензаторных платежей к хартальным; но в самом этом явлении заключается известный технический момент, в то время, как деньги, в качестве главного средства для производства платежей имеют юридическую природу.

Приведенные здесь утверждения могут возбудить опасение, что наша теория без дальнейших оговорок рекомендует выпускать денежные знаки из бумаги, в чем заключается опасность для всего народного хозяйства, как это явственно обнаружилось в период существования бумажных денег в России, Австрии, одно время во Франции и даже в Англии во время революционных войн. На это следует заметить, что государственная теория денег не рекомендует ни тех, ни других денежных знаков, а только указывает на нечто общее для всех видов денег, а именно, на авторитарное установление платежной силы для денежных знаков и на вытекающее отсюда

принятие этих денег самим государством при производимых ему платежах.

Характеристика нашей денежной системы отнюдь не исчерпывается сентенциями о том, из какого материала фабрикуются денежные знаки; это как раз и есть та ошибка, в которую так легко впадают металлисты. Мы настаиваем напротив, на существовании особой системы „литрического" управления, подразумевая под нею многообразную деятельность государства, направленную на регулирование всего платежного аппарата. Выпуск денежных знаков есть только часть этой деятельности.

Одной из главнейших обязанностей литрического управления всякого государства является систематическое принятие особых мер для укрепления, так называемых, вексельных курсов в отношении важнейших соседних государств. Если государство пренебрегает этой обязанностью, то вся организация денежного обращения страны оказывается неудовлетворительной. Поэтому, мы категорически отказываемся защищать такую организацию денежного обращения, при которой не предусмотрено регулирование этих вексельных курсов или, при которой, хотя оно и предусмотрено, но фактически осуществление мер девизной политики не приводит к желательным результатам. По отношению же к средствам, с помощью которых может достигаться эта цель, мы не так разборчивы, как металлисты, мнение которых и до сих пор еще является господствующим.

Для успокоения умов мы должны сказать еще следующее: государственная теория денег отнюдь не рекомендует, так называемого, бумажно-денежного хозяйства; последнее заключается в том, что в случае настоятельной нужды государство решается выпускать в большом количестве неразменные бумажные деньги. Так, например, было в Австрии в 1866 г., когда государственных кредитных билетов было выпущено на сумму 312 мил. гульденов, и эти билеты были снабжены принудительным курсом. В данном случае мы имеем дело с мероприятием финансовой политики. Государство не могло никаким иным способом получать необходимые для него платежные средства: нельзя было ни заключить займа, ни добиться увеличения доходов путем соответствующего повышения налогов. Возможность подобных затруднительных положений создается на почве хронических дефицитов, и они являются политическим несчастьем, которого, разумеется, никто ни в коем случае не станет рекомендовать. Само собой разумеется, мы придерживаемся того взгляда, что порядок в государственном хозяйстве—т. е. равновесие между расходами и доходами—должен быть обычным и нормальным состоянием, а когда этот порядок разрушается верховной властью, то он опять должен быть восстановлен.

Но задачей государственной теории денег безусловно является серьезное изучение и характеристика состояния денежного обращения, поскольку оно может послужить зерном новой организации платежного оборота в подобных государствах. Зло состоит не в бумажном свойстве платежных средств, как думают металлисты, оно заключается в упадке государственного финансового хозяйства, в том, что государство должно производить такие расходы, которые не могут быть уравновешены столь же крупными доходами. В подобном положении у государства нет обыкновенно в руках также средств для того, чтобы поддерживать в надлежащем состоянии, так называемые, вексельные курсы по отношению к важнейшим соседним государствам. Упадок финансового порядка влечет за собой обыкновенно и упадок системы „литрического" управления. В этом и состоит, так называемое, бумажно-денежное хозяйство, имя которому дано по маловажному, несущественному для него обстоятельству.

2. Чтобы вкратце изложить государственную теорию денег, представим себе, что общепринятым порядком производства платежей является пензаторный порядок, т. е. представим себе, что все платежи внутри какого-либо государства производятся путем взвешивания масс какого-либо металла, например, руды, серебра или золота. В этом случае, единица ценности будет определяться с помощью весовой единицы какого-либо металла, например, она будет означать фунт серебра. На данной ступени развития еще не додумались до чеканки монет.

Но очень скоро возникают монеты, которые содержат в себе определенное количество того или иного металла, например, монеты, называемые „пфеннигом", в котором заключается $^{1}/_{240}$ фунта серебра.

Теперь государство предписывает: долг в 1 фунт серебра будет уплачиваться с данного времени не посредством взвешивания металла, а путем передачи монет—240 пфеннигов.

С этого момента каждая монета является уже не пензаторным, а хартальным платежным средством, т. е. деньгами. Различие проскальзывает в особенности при наступающем со временем уменьшении веса монеты. Несмотря на это, монеты нужно только считать, а не взвешивать. Чем больше происходит стирание монеты, тем резче выступает различие между этой хартальной системой и существовавшей раньше пензаторной.

Для внутреннего обращения это обстоятельство не играет большой роли; кто должен принимать более легкие монеты, тому также разрешено и платить более легкими монетами. Всякий житель данного государства находится то в роли получающего, то в роли платящего и поэтому совершенно ошибочно рассматривать отдельных индивидуумов только, как получателей более легкой монеты.

Если государство устанавливает положение, что любое количество металла по требованию его владельца должно быть перечеканено в монеты того-же веса, то эти монеты приобретают характер „наличных“ денег. В этом случае цены на невыделанный металл не могут опускаться ниже ценности денег, т. е., например, фунт серебра не может тогда расцениваться ниже 240 пфеннигов, ибо эту сумму выдает государство, обязанное принимать серебро для чеканки.

Но может ли фунт серебра иметь цену больше, чем 240 пфеннигов? Он может цениться выше, когда пфенниги сильно попорчены, но если они еще полновесны, то владелец 240 пфеннигов имеет в своих руках фунт серебра и не станет платить за фунт чистого серебра больше. При этом предполагается, что в нашем государстве существует только один вид денег, а именно пфенниговые монеты.

Если государство заботится о полновесности пфеннигов, которые являются наличными деньгами, то это, во-первых, весьма целесообразно, поскольку государству постоянно приходится вступать в сношения с заграницей; во-вторых, результатом этого является стабилизация цен на серебро, колебаниям которых ставятся узкие пределы.

В данном случае металл-серебро должен представляться как бы мерилом ценности, а единица все еще может быть, повидимому, определена с помощью известного количества серебра. Но это происходит тольку потому, что одновременно действуют два законодательных постановления: неограниченное принятие серебра для перечеканки в пфенниги и пользование исключительно этими пфеннигами—и только полновесными—в денежном обороте, при недопущении всех других видов денег. Если отменить одну из этих норм, то обнаружится, что единица ценности давно уже стала номинальной. Отсюда можно сделать следующее заключение: при хартальном характере средств платежа постоянство цен на металл есть явление, вызываемое литрической организацией.

Мы объяснили это положение на примере серебра; но те-же самые рассуждения могут быть применены и по отношению к золоту.

При хартальном, т. е. денежном устройстве не существует устойчивой цены на самый металл. Устойчивость эта достигается путем постоянно применяемых искусственных мероприятий.

Такой порядок вещей существует еще и по сию пору; в странах с серебряным обращением цена на серебро, а в странах с золотым обращением цена на золото, искусственно стабилизируются.

Точно также, вообще, не существует какого-либо постоянного отношения между ценностью золота и серебра.

Наличные деньги в более общем виде можно определить следующим образом: для существования наличных денег необходимо постановление о том, что какой-либо металл должен приниматься государством в неограниченном количестве для перечеканки в монеты хартального характера; за каждую весовую единицу металла государство выдает монет на общую сумму, равную x единицам ценности (например, за 1 фунт серебра государство выдает монеты, которые в общей сложности имеют платежную силу в 240 пфеннигов); наконец, монеты должны, по крайней мере, сразу после чеканки, содержать на единицу их платежной силы 1/x весовых единиц металла.

Система наличных денег есть идеал всех металлистов, которые совершенно справедливо еще требуют, чтобы при ее существовании в обращении находились только полновесные монеты.

Но во всех государствах имеются такие виды денег, которые не соответствуют этим требованиям; не „наличные“ виды денег мы называем „нотальными“, независимо от того, будут ли это монеты или бумажные знаки. Так, например, в Германской империи с 1871 г. талер был нотальным денежным знаком, потому что тот металл, из которого он был сделан, т. е. серебро, не принимался для перечеканки; на этом же основании и современные германские серебряные монеты носят нотальный характер, равным образом, как медные, так и никкелевые монеты, так как ни медь, ни никкель не могут быть приняты для обязательной перечеканки по требованию частных лиц. Свидетельства имперского казначейства, банкноты Имперского и других эмиссионных банков Германии также являются нотальными деньгами. Если мы всех их причисляем к денежным знакам Германской империи, то это основывается на следующем: все эти виды денег принимаются в платежи, согласно хартальному праву, центральным учреждением германского литрического управления, т. е. Имперским банком.

Отсюда вытекает, что в Германии только золотые монеты в 10 и 20 марок являются наличными деньгами в нашем смысле слова, ибо всякое количество золота будет принято по расценке: 1 фунт чистого золота равен 1395 марок и (за вычетом пошлины по чеканке в 3 марки) перечеканено в монеты, причем всякая марка обозначенной на монете суммы будет содержать 1/1395 долю фунта чистого золота.

3. Мы разделили пока деньги на наличные и нотальные, в зависимости от установленных законодательством условий их выпуска.

Руководствуясь другими критериями, можно получить и иные классификации видов денег. Важнейшее различие, которое может послужить таким критерием, заключается в том, какими деньгами может требовать уплаты получатель, когда

платежи производит государство, или, вообще, какими деньгами обязано в конечном счете расплачиваться государство.

В Германии с 1871 г. законодательство гласит следующее: государство, в особенности же Имперский банк, как центральное учреждение, может производить окончательные платежи или золотыми монетами, или талерами. От прочих же платежных средств (банкноты, свидетельства имперского казначейства или же имперские монеты) при больших платежах получатель может отказаться или же, если он их добровольно принял, может потребовать их размена, причем этот размен производится или на золотые монеты или на талеры.

Но с 1876 г. Имперский банк добровольно отказался от своего права производить платежи талерами, следовательно, с 1876 г. государство, в конечном счете, готово платить золотыми монетами. Если получатели этого не всегда требуют, то это уже совсем другое дело; но государство готово по их требованию производить платежи золотом.

В Австрии, даже после 1892 г., дело обстоит совершенно, иначе; еще и теперь там не существует обязательного размена банкнот; добровольно банк производит подобный размен, но принудить его к этому на основании закона нельзя; поэтому в Австрии окончательным платежным средством являются банкноты.

Это явление можно выразить в терминах административного права: тот вид денег, расчет которыми государство при производстве платежей объявляет окончательным, мы называем *валютным*.

Таким образом, в Германии золотые монеты, а в Австрии банкноты, являются валютными деньгами.

Не валютные виды денег мы называем *акцессорными*. В Германии банкноты, свидетельства имперского казначейства, серебряные, никкелевые, медные имперские монеты, а также и талеры с 1876 г. являются акцессорными деньгами. В Австрии все металлические монеты являются акцессорными деньгами; таковыми даже являются, что следует особенно подчеркнуть, золотые монеты.

Итак, наши наличные деньги (золотые монеты) занимают валютное положение. Наоборот, в Австрии единственный вид наличных денег (тоже золотые монеты) занимает не валютное, а акцессорное положение.

Золотая валюта существует там, где наличные золотые деньги находятся в валютном положении; такой порядок существует в Германии с 1876 г. и в Англии с 1821 г.

В Австрии этой системы не существует, там в валютном положении находятся банкноты.

Понятие валютных денег определяется, таким образом, поведением государства при производстве им своих платежей.

4. Совершенно иной будет классификация различных видов денег, когда мы в основу деления положим различие в степени принуждения, применяемого при платежах, производимых частными лицами между собой или при платежах, производимых государством частным лицам; при этом речь идет вообще только о тех видах денег, которые по общему правилу принимаются государством, ибо только они и являются государственными деньгами. Таким образом, когда дело идет о платежах, по которым получателем выступает не государство, то может случиться следующее:

1) Принятие или непринятие данного вида денег может быть предоставлено исключительно произволу частных лиц, т. е. принятие может быть чисто факультативным; так, напр., принятие в уплату свидетельств имперского казначейства Германской империи зависит исключительно от согласия лица, коему производится платеж.

2) Принятие данного вида денег может носить до известной степени принудительный характер: а) это принуждение может существовать лишь в отношении к небольшим платежам; так, напр., по отношению к немецким медным и никелевым монетам, это принуждение имеет место до „критической суммы“ —1 марки, а по отношению к серебряной монете до критической суммы в 20 марок: это—разменные или биллонные деньги; б) обязательное принятие может иметь место по отношению ко всем платежам, какие только будут производиться данным видом денег, независимо от суммы платежа; в таком случае мы имеем дело с деньгами, снабженными легальным курсом (Kurantgeld), при этом их обращаемость покоится не на их технических качествах, а именно только на этом принуждении. Деньгами, снабженными легальным курсом, являются в настоящее время (после отмены талера) в Германии только золотые монеты; в Австрии, на ряду с золотыми монетами, и банкноты являются такими деньгами, потому что по закону их обязаны принимать на любую сумму; на том же основании и серебряные гульдены можно считать деньгами, обладающими легальным курсом.

Итак, золотые деньги являются: а) наличными деньгами, б) снабженными легальным курсом, с) валютными деньгами. Когда в Германии существовали талеры, то они были: а) нотальными, б) снабженными легальным курсом, с) акцессорными деньгами (последними с 1876 г.).

Далее можно еще разделить деньги на окончательные и провизорные; деньги являются провизорными, когда они разменны на какой либо вид окончательных денег, т. е. на такие деньги, платеж которыми закон считает окончательным. В Германии окончательными являются золотые монеты; до 1876 г. таковыми были также и талеры. Все другие виды денег в Германии разменны на золотые монеты, причем под

лежащими размену признаются не только все бумажные виды денег, но также серебряные, никелевые и медные монеты.

В Австрии любой вид денег является окончательным; таковыми являются с 1892 г. золотые монеты; затем окончательными признаются как серебряные деньги, так и банкноты, даже различные виды мелкой биллонной монеты в Австрии не подлежат обязательному размену (и только обязанность принимать их ограничена по закону известным пределом).

В зависимости от того, свободна или ограничена возможность увеличивать количество денежных знаков данного вида, можно различать деньги на свободно воспроизводимые и несвободно воспроизводимые. В Германии могут быть бесконечно увеличены в своем числе золотые монеты, равным образом и Имперский банк может безгранично увеличивать число своих банкнот, причем он только должен соблюдать правила относительно, так называемого, „покрытия" и при известных обстоятельствах уплачивать в казну, так называемый, налог на банкноты. Количество же свидетельств имперского казначейства не может быть безгранично увеличиваемо; такому же ограничению подлежат с 1871 г. и талеры; количество банкнот, которые могут быть выпущены другими эмиссионными банками, кроме Имперского, также строго ограничено известной максимальной нормой. Количество биллоной монеты (из меди, никеля и серебра) также контингентировано: имперское правительство может ее выпустить только на известную сумму, исчисляемую на душу населения.

Вся описанная нами выше организация денежного обращения возникала постепенно и инстинктивно вошла в жизнь, причем большинство мероприятий есть результат на ощупь производимых попыток создать с помощью государства, наряду с наличными деньгами, приобретающие все большее и большее значение нотальные виды денег; но при этом государство видело опасность в том, что наличные деньги все больше и больше уходят из его кассы, а при таком положении дел наличные деньги не могли бы сохранить за собой валютарное положение.

Поэтому и вводится ограничение производства нотальных денежных знаков, а по отношению к банкнотам на эмиссионный банк возлагается обязанность заботиться об их постоянном размене на наличные деньги.

Наряду с этим существует стремление, чтобы каждый индивидуум сообразно своей потребности, в любое время мог получить вместо нотальных денег наличные деньги; для этого и существует ограничение обязанности принимать, напр., биллонную монету, известным пределом и установлен принцип добровольного принятия, например, свидетельств имперского казначейства; для этого существует и размен биллонной монеты на наличные деньги.

Этими двумя основаниями, которые, впрочем, противоречат отчасти друг другу, и объясняется вся сложность законодательства, задачей которого является, во-первых, удержание наличных денег в валютном состоянии, а затем предоставление возможности владельцам нотальных денег получить в любой момент наличные деньги.

5. Наконец, уже с совершенно иной точки зрения, можно различать деньги, у которых рыночная ценность заключенного в них металла либо ниже, либо равна, либо выше приданной им государством платежной силы.

Существуют прежде всего виды денег, изготовленные из такого материала, что при продаже этого материала по рыночной цене за него можно получить меньшую цену, чем та, которая обозначена на деньгах; такими деньгами являются, например, все виды бумажных денег, затем серебряные монеты при современных ценах на серебро, наконец, никелевые и медные монеты.

Наоборот, золотые монеты представляют пример равенства цены заключенного в монете металла и их платежной силы; продавая их в качестве материала, за них можно получить цену, почти равную сделанному на них обозначению, потому что как это было уже объяснено выше, мы искусственно регулируем цены на золото.

Германия никогда не знала денег, платежная сила которых была бы ниже их рыночной ценности, но, например, в Австрии с 1859—1878 г. серебряные гульдены имели более высокую рыночную ценность, чем та, которая была на них обозначена; продавая их, как материал, за них можно получить более высокую цену, по сравнению с той, которая за них платилась валютными деньгами (т. е. банкнотами), когда они расценивались в качестве серебряных гульденов.

Это явление можно выразить также следующим образом: во внутреннем обращении денежные знаки, которые в качестве материала обладают более высокой рыночной ценностью, нежели та, которая придана им государством, имеют положительный лаж (разница между ценой материала и оценкой в качестве денежного знака); лаж тех видов денег, у которых обе ценности одинаковы, равен нулю. Деньги же, у коих платежная сила больше рыночной ценности материала, имеют отрицательный лаж, но последний пребывает в скрытом состоянии, ибо пользование такими денежными знаками просто, как материалом, связано с убытками.

Отсюда и определяется понятие лажа для различных видов денежных знаков в каком-либо государстве и притом только во внутреннем обращении. [1]

---

[1] Лаж в сношениях с заграницей это уже нечто совершенно иное.

Денежные знаки с положительным лажем исчезают из обращения, потому что владелец их может с выгодой продать в качестве материала. Наоборот, денежные знаки с отрицательным лажем надолго остаются в обращении, потому что всякое иное пользование кроме, „литрического“, т. е. в качестве денег, невыгодно.

Если мы взглянем на важнейшие государства, с точки зрения существующей в них ныне системы денежного обращения, то нам ясно будет видно, что в Англии, Франции, в Германии, в Австрии, Северо-Американских Соединенных Штатах, в Италии, одним словом, повсюду, нотальные деньги, платежная сила которых превышает ценность заключенного в них металла, получили такое распространение, что их можно считать преобладающими во внутреннем обращении. Разумеется, на ряду с ними, еще повсюду существуют наличные деньги, и особенно развилось пользование золотыми деньгами. Общественное мнение считает такое положение дел безвредным, раз только владелец нотальных денег может при обмене их в каком-либо официальном учреждении получить вместо них наличные деньги. Государственная теория денег из истории этого развития делает следующий вывод: для внутреннего обращения совершенно достаточно нотальных денег, даже при их низкой рыночной ценности в качестве материала. То обстоятельство, что на ряду с ними удерживаются и наличные деньги, в особенности наличные золотые деньги, имеет то значение, что с помощью их—раз им обеспечено валютное положение—достигается удержание прочных вексельных курсов или, говоря точнее, с помощью их облегчается поддержание устойчивых курсов между валютными деньгами различных стран; другими словами, они служат для укрепления междувалютных курсов. В этом и заключается их крупное значение еще и в настоящее время.

6. Как известно, наши деньги не имеют платежной силы за границей, так как их платежная сила покоится на распоряжениях государства и, таким образом, может сохраняться только внутри данного государства. Наоборот, наши деньги за границей имеют некую, постоянно колеблющуюся цену, т. е. за границей у менял в иностранных единицах ценности за них можно получить то одну, то другую цену. При установлении этой цены играют роль два обстоятельства: а) материальные свойства денежного знака, потому что в международном обмене деньги рассматриваются просто как товары; б) биржевой оборот, т. е. состояние спроса и предложения иностранных денег со стороны заинтересованных лиц, встречающихся на рынке. Цена наших денег на иностранных биржах определяется в пределах, установленных, с одной стороны, ценностью литрического их употребления, а с другой—ценностью, которую они имеют в качестве простого товара;

решающим является для владельца более выгодное пользование.

Так называемый „паритет“, т. е. прочное отношение, по которому деньги одного государства размениваются на деньги другого государства, сам по себе не существует. Такой паритет скорее является целью, которая беспрерывно снова должна достигаться. Это явление явственно можно наблюдать на отношениях между странами с различным металлическим обращением (напр., между странами с золотым и серебряным обращением), или между странами, в коих, с одной стороны, существует металлическое денежное обращение, а с другой— бумажно-денежное.

Междувалютные курсы всегда устанавливаются по отношению к валютным деньгам как той, так и другой страны. Прочие виды денег (акцессорные) совершенно не принимаются при этом во внимание. В том случае, если в денежном обращении обеих государств существует „наличная“ организация валютных денег и притом роль наличных денег играет один и тот же металл (например, и в той и другой стране золото, или в той и другой стране серебро), то само собой понятно, что монетный паритет будет рассматриваться, как паритет для междувалютного курса, потому что в данном случае, валютные деньги одной страны чисто физическим образом обратимы в валютные деньги другой страны. При этом регулирование междувалютных курсов весьма упрощается.

Так как к 1871 г. Англия уже имела золотое обращение, а Франция перешла к нему в 1870 г., то и Германская империя с 1871—1876 г. перешла к золотой валюте; существенным доводом в пользу этой реформы было стремление простейшим путем укрепить междувалютные курсы по отношению к западным державам. Начиная с 1892 г., Австрия вступила на тот же самый путь, хотя последнии шаг к введению золотого обращения еще не сделан, так как ей недостает платежей наличными.

Систему мероприятий, с помощью которых достигается укрепление междувалютных курсов, мы называем экзодромией.

Новейшее развитие денежного обращения с 1871 г. яснее и короче всего можно обрисовать в следующих словах: во внутреннем обращении все более и более распространяется употребление нотальных денежных знаков, отличающихся низкой, по сравнению с их платежной силой, ценностью материала, из которого они изготовлены; наличные деньги еще существуют, но таковыми все более и более становятся только золотые деньги, так как Англия уже давно имела золотое обращение, и поэтому золотые деньги в валютном положении представлялись простейшим средством для регулирования междувалютных курсов.

Металлисты объясняют распространение золотого обращения какими-то особыми свойствами этого металла, но таковых вообще не существует; истинная причина—совершенно иной природы: она заключается в господствующем положении Англии в мировой торговле, отсюда по чисто историческим основаниям и прочие государства последовали примеру Англии.

7. Но почему медлит Австрия с проведением начатой реформы? В Австрии банкноты и по сию пору неразменны и занимают валютное положение. Новые, созданные в 1892 г., золотые деньги занимают акцессорное положение и, таким образом, в Австрии нет золотого обращения. И даже сомнительно, будет ли вообще сделан последний шаг, т. е. проведение размена банкнот на вновь созданные золотые монеты. Причина тому следующая: в Австрии междувалютный курс, по отношению к странам с золотым обращением, стоит al pari—1 крона=85 пфен., причем он поддерживается иными способами, а именно тем, что центральный банк, снабженный крупными средствами, в состоянии всякий раз, как только на бирже обнаружится уклонение от этого паритета, бороться с этими колебаниями путем соответствующей противоположной спекуляции. До сих пор этот метод экзодромической политики проводился с успехом. При нем совсем нет надобности в размене банкнот на золото; этот метод с одинаковой успешностью поддерживает на прочном уровне курс по отношению к западным державам; но раз поддержание курса достижимо иным путем, то нет необходимости переходить к наличным платежам.

С этой точки зрения развитие системы денежного обращения можно охарактеризовать следующим образом: первоначальной системой является денежное обращение, основанное исключительно на наличных деньгах, но мало-по-малу переходят к нотальным видам денег (всевозможная биллонная монета, банкноты, свидетельства имперского казначейства), с низкой ценностью заключенного в них материала. Эти виды денег занимают акцессорное положение, но все страны удерживают валютное положение за наличными деньгами и единогласно выбирают в качестве наличных денег золото. При этом, по большей части, заботятся о том, чтобы все виды акцессорных денег были разменны на наличные золотые деньги и этот размен до сих пор считается необходимым. Но так как суть этой системы сводится только к тому, чтобы достичь прочных междувалютных курсов, то хотя это и есть одно из решений задачи, но отнюдь не единственно возможное решение. В новейшее время распространяется система укрепления курсов путем соответствующей выравнивающей биржевой спекуляции, причем становится излишним размен отдельных нотальных денежных знаков. Раз удается поддер-

жать в прочном состоянии междувалютные курсы, то нет нужды предоставлять золотым монетам валютное положение. Значение золотых денег заключается еще в том, что они, сообразно ныне существующим системам денежного обращения, физически превратимы в золотые монеты иностранных государств. Это государственно-правовое свойство, разумеется, следует оставить за золотыми монетами. Запасы золотых монет будут, по большей части, скопляться в центральных банках и будут служить основой для направленных к выравниванию курса биржевых операций, но во внутреннем обращении почти нельзя заметить золотых денег.

Ясно, что совершенно такие же результаты могли-бы быть достигнуты с помощью серебра, если бы только историческое развитие, в особенности в Англии, приняло другое направление.

Наконец, чисто теоретически, было бы мыслимо совершенно исключить золото из денежного обращения, но в таком случае было бы необходимо заключить между отдельными государствами договоры о паритетах, международное соблюдение которых, однако, более сомнительно, чем то упорство, с которым каждое государство в отдельности придерживается убеждения, что из одной весовой единицы золота безгранично можно чеканить такое-то количество фунтов стерлингов или столько-то марок. Это представление относительно норм, которые должны регулировать чеканку, преломляясь в общественном сознании, наводит на мысль, что единица ценности может быть выражена металлистически; это заблуждение, хотя и весьма удобное для защиты общепринятой системы денежного обращения. То положение, которое в настоящее время почти повсюду, в силу существующего денежного устройства, занимает золото, можно поддержать и оправдать только в том смысле, что оно делает излишним заключение каких бы то ни было договоров о паритете. Будет ли существовать эта система вечно, это вопрос, который не требует неотложного решения. [1]

11. Родственное взглядам металлистов мнение заключается в том, что какому-нибудь определенному металлу из числа тех, которые служат материалом для изготовления денег, должна быть обеспечена устойчивость цен в валюте данной страны. Ныне, почти повсеместно, в качестве такого металла принято золото. Эта устойчивость цен на золото и существует в странах с золотым обращением, но только для отдельных лиц, противостоящих государству, а не для самого государства. Выполнение этого требования практически следует признать желательным, но только потому, что оно пред-

[1] §§ 8—10 мы опускаем, как несущественные для точки зрения Кнаппа. Л. Э.

ставляет собою один из возможных способов регулирования междувалютных курсов. Наоборот, неправильно было-бы усматривать в этом качество, которым непременно должны обладать денежные знаки; мы равнодушны в настоящее время к ценам на серебро, впоследствии для нас могут стать безразличными и цены на золото. Современные потрясения и расстройства денежного аппарата вызываются не условиями, коренящимися в материале, из которого изготовляются деньги, а иными причинами: например, в случае, если междувалютные курсы не могут быть урегулированы, или если государство отрекается от какого-либо вида денежных знаков, отказываясь признавать за ним его прежнюю платежную силу.

Собственно говоря, металлическое воззрение втайне требует, чтобы все не наличные деньги могли по требованию обладателя обращаться в наличные деньги, однако, подобная ликвидация нотальных денежных знаков является, например, в Германии возможной по отношению к отдельным лицам лишь тогда, когда они не выступают все одновременно со своими притязаниями. В случае же, если бы все владельцы нотальных денег согласились одновременно потребовать размена своих денег в наличную форму, исполнение этого требования оказалось бы невозможным.

Из этого следует, что уже давно наличные деньги перестали быть главнейшим орудием платежа во внутреннем обращении и употребляются только для регулирования междувалютных курсов. Металлист может жаловаться на вырождение, но в таком случае он отрекается от научного анализа, выросшей на историко-правовой почве, платежной системы и должен желать возврата к древним стадиям общественного развития. Государственная же теория денег, напротив, занимается этим анализом для того, чтобы научно объяснить современное состояние денежного обращения и извлечь отсюда необходимые выводы для практики, при этом мы не осуждаем, а только выясняем ту важную роль, которую играет металл в современной системе денежного обращения.

Ф. Бендиксен

I. О ЦЕННОСТИ ДЕНЕГ [1]

Вопрос о ценности денег, по существу, не входит в современное учение о деньгах. Если под ценностью понимать покупательную способность, то, по существу, речь идет о ц е н а х, а не о ценности денег. Если исходить из субъективной ценности денег, т. е. из психологической оценки денег отдельными субъектами, то это представляет собой теоретическую ошибку, ибо такая психологическая оценка вообще лишена экономического значения; она существует только в системах теоретиков ценности. Так называемая оценка денег есть ни что иное, как оценка тех благ, которые можно приобрести за эти деньги. Никто не ощущает ценность денег, как нечто независимое от цен хозяйственных благ.

Поэтому Кнапп вполне правомерно оставил в стороне, так называемую, проблему ценности денег. И те, кто не понял его позиции, без всякого основания видят в этом упущение с его стороны.

Вопрос о ценности денег, в сущности, ни что иное, как пережиток из времен металлизма. Вопрос тогда имел смысл, потому что в этот период отождествляли деньги и металл, и всякий акт оборота рассматривался, как обмен товара на металл; в особенности, если металл ценился как удобное средство накопления ценностей. В наше время, когда деньги являются абстрактной единицей ценности, когда мы знаем, что денежная ценность золота основана на государственном признании денег, а не наоборот, когда мы познали, что денежная система может существовать без всякой связи с драгоценным металлом, — вопрос этот абсолютно лишен всякого смысла.

Эволюция денег шла от средства обмена, обладавшего самостоятельной ценностью, к абстрактной единице ценности, хотя конкретная единица ценности отчасти и сохранила качественные свойства средства обмена, обладающего самостоятельной ценностью—в особенности это выражалось в металлическом содержании монеты. Это последнее обстоятельство является сильнейшим препятствием для уразумения сущности понятия абстрактной единицы ценности. Понятие это, однако,

[1] Статья в сборнике „Geld und Kapital", Iena 1920 г. Перевела А. Айзенштадт.

значительно выигрывает в ясности, если уразуметь, что и материальность вовсе не является существенным признаком денег. Предположим, что осуществилась бы та денежная система, которую я пытался описать в своей статье „Понятие денег“, и по которой основным платежным средством являются деньги на основе открытого счета в центральном банке, причем в наличном рассчете банкноты и монеты также являются законными платежными средствами, но представляют свидетельства на счета, открытые в банке, подобно тому, как в настоящее время банкноты являются свидетельствами на золото. При такой денежной системе деньги оказались бы совершенно лишенными своей материальной сущности. Теперь я ставлю вопрос: если найдется теоретик, который не станет оспаривать основ предложенной мною денежной системы, — стал ли бы он относиться к таким жиральным деньгам так же, как к хозяйственному благу, служащему средством обмена, и стал ли бы он говорить о „меновой ценности“ этого средства обмена, или же согласился ли бы он со мной в том, что его теория предполагает только материальные деньги? Если он не согласится с последним положением и будет настаивать на том, что такие жиральные деньги в моей денежной системе являются средством обмена, обладающим самостоятельною ценностью, то все же он не станет отрицать, что в данном случае делается совершенно очевидной тождественность, так называемой, ценности денег с ценностью благ, которые можно приобрести на них, и что, таким образом, дальнейшие рассуждения о ценности денег, как таковой, делаются совершенно бесцельными.

Если кто-либо обладает вещным или обязательственным правом на одну десятую часть содержимого боченка вина, то это право не представляет для него ценности иной, нежели ценность одной десятой доли боченка. Жиро-деньги есть ни что иное, как право на хозяйственные блага и услуги, которые можно приобрести путем купли. Сколько благ я могу приобрести на них—это зависит от уровня цен, причем деньги рассматриваются как величина постоянная и отнюдь не являются объектом колеблющейся оценки, как это имеет место при меновых сделках.

Сущностью денег является зафиксированность в них права на требования за предварительные услуги, оказанные их владельцем. Измерение услуг и их эквивалентов требует сложных выкладок в единицах ценности, которые можно произвести путем записывания или при помощи жетонов — точь в точь, как при игре в карты. Есть ли у меня в руках жетоны или же мои требования заносятся в счет—это по существу безразлично. Существенным в обоих случаях является то, что у меня в руках есть документ, гласящий на определенное количество единиц ценности и уполномачивающий

меня на получение эквивалента. Таким образом, деньги являются только вспомогательным средством счета. Тут речь идет не об их ценности, а о том, чтобы из-за неверных приемов при создавании денег не получалось ошибок в счете, и чтобы неравноценные величины не рассматривались, как эквиваленты.

Кроме того, да будет позволено мне высказать следующие соображения.

В народно-хозяйственном отношении, т. е. например, с точки зрения национальной поимущественной статистики, деньги— и этого никто не станет оспаривать — не обладают никакой ценностью. Ценностью обладает единственно материал, из которого сделаны деньги, но это нас здесь не интересует. Каким же образом может благо, не обладая народно-хозяйственной ценностью, обладать ценностью с частно-хозяйственной точки зрения? Конечно, только в том случае, если оно обладает ценностью символической, т. е. не собственной ценностью, а ценностью других благ, находящихся в народно-хозяйственном обороте. Это же есть те блага, которые предназначены к продаже.

Далее: если бы деньги обладали собственной ценностью, которая, подобно ценности всяких других благ, подвергалась бы колебаниям, как могла бы эта колеблющаяся ценность не отозваться на образовании товарных цен? А между тем, от „совершенных денег" всякий требует обратного. Тут налицо неразрешимое противоречие: кто приписывает деньгам самостоятельную ценность, тот этим самым отрицает возможность образования „совершенных денег", не влияющих на уровень цен.

По каким заветным тропинкам мысль ученых снова и снова блуждает в этом лабиринте проблемы ценности? Мне кажется, я ясно вижу эти пути. Для ученых является аксиомой то положение, что обмен товара на деньги есть акт обмена материальных благ. Если верно это положение, то, думают они, деньги неминуемо должны обладать ценностью, и ученые натравливают всех борзых своего остроумия на эту мнимую и познаваемую только через ложную призму „металлизма"— ценность денег.

Аксиома эта, однако, является заблуждением. Если мы в деньгах видим непосредственный эквивалент товара, это — признак юридического, а не народно-хозяйственного мышления. Это буквально то же, как если бы мы билет на вход в театр смешивали со спектаклем в театральном зале. Деньги это только ордер, выдаваемый на получение эквивалента; в них нет самостоятельной ценности, они только отражают ценность эквивалента. Если уяснить себе это, то перед просветлевшим глазом исчезнет призрак ценности денег со всей той свитой замысловатых мудрствований, которые шествуют за ним по пятам.

II. КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕНЬГИ, ТОВАРНЫЙ ВЕКСЕЛЬ И БАНКНОТЫ [1]

Какие требования следует предъявить к классическим деньгам и к их созданию?

Создание денег должно быть организовано таким образом, чтобы каждый за свой труд мог бы получать деньги. Поскольку дело идет о личных или вспомогательных услугах в промышленности, оказывающий услугу связан с тем, кому он услуги оказывает. Последний, следовательно, имеет притязания на денежные знаки к обществу вместе с первым. Притязание на денежные знаки владельца предприятия к обществу зависит от того, предоставлены ли продукты производства или торговые товары в распоряжение общества и приняты ли они им. Этим исключаются владельцы товаров, нежелающие их продать (в рассчете на повышение цен) или не могущие продать (вследствие их ненужности). Создание денег на основе складочных свидетельств, как это однажды было предложено, несовместимо с назначением денег, ибо здесь пока еще не установлен момент полезности предложенных услуг или ценностей. Итак, только проданные товары могут служить базисом для создания денег.

Во-вторых, деньги должны быть такого рода, чтобы они исчезали с потреблением благ, созданию которых они служили. Олицетворяя собою потребительные блага, деньги не могут их переживать. Если мы представим себе все народное хозяйство в состоянии вымирания, т. е. в таком положении, когда новые блага не создаются, а потребляются накопленные запасы, то с последним куском должна была бы исчезнуть и последняя монета. Но каким образом возможно автоматическое исчезновение денег из народного хозяйства, подобное часто наблюдаемому исчезновению их в индивидуальном хозяйстве? Это возможно путем выпуска денег на определенный срок, соответствующий длительности процесса прохождения товара от производителей к потребителям.

Такие деньги существуют и они живут не только в царстве фантазии, но и в мире действительности. Это — банкноты рейхсбанка, базирующиеся на акцептованных товарных векселях.

Было бы только последовательным, основываясь на этом базисе, возложить на государство или учрежденные им центральные денежные учреждения обязанность создания денег. Государство должно заботиться о достаточной наличности денежных знаков, как свидетельств на встречные услуги, в объеме, обусловленном предшествующими услугами. Госу-

[1] См.—„Деньги“, перевод с нем. под ред. М. И. Боголепова, изд. „Право“.

дарство должно выступать, как создатель новых денег, когда вместе с прогрессом хозяйственной жизни увеличивается производство, и должно озаботиться изъятием денежных знаков при сокращении производства. Эту задачу оно фактически и выполняет. При повышенной конъюнктуре и увеличивающемся народонаселении, вследствие усиления учета векселей, количество обращающихся банкнот увеличивается. И, наоборот, в случае перевеса платежей Имперскому банку по векселям над новыми учетами, обращение банкнот суживается. Так, государство в лице своего Имперского банка выполняет задачу создания и уничтожения денег.

Обязанность государства выпускать свежие деньги коренится в потребности производителей в кредите. Удовлетворяя эту потребность, государство выполняет свою обязанность создания денег.

III. ЖИРО-ДЕНЬГИ

В качестве классических денег банкнотам равноценны жиро-счета, создаваемые Имперским банком на основе учтенных товарных векселей. Вместо уплаты вексельной суммы получателю банкнотами, рейхсбанк соответствующую сумму записывает на его жиро-счет, и он располагает своим счетом при посредстве чеков и жиро-переводов. С Имперским банком в этой операции конкурируют многочисленные частные банки, которые также выступают в роли создателей жиро-денег. Наличность годных для учета в рейхсбанке товарных векселей, приобретаемых частными банками, всегда может быть превращена в деньги путем учета их в рейхсбанке и служить, таким образом, резервом на случай исчерпания жиро-денег.

В Имперском банке жиро-счета обычно уменьшаются при увеличении обращения банкнот и наоборот. Это взаимное влияние векселей вскрывает внутреннюю связь между банкнотами и жиро-счетами. Имперский банк охватывает их общим названием „täglich fällige Verbindlichkeiten“. Для нас же и те и другие являются классическими деньгами, но различной формы. Деньги, в своем трехмесячном странствовании из банка в обращение и обратно в банк, в зависимости от круга, в который они попадают, выступают то в образе жиро-денег, то банкнот. Банк обеспечивает это превращение, так сказать, автоматически.

К. Маркс

ИДЕАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ДЕНЕЖНОЙ МЕРЫ

То обстоятельство, что товары в своих ценах превращаются в золото только в идее, а потому золото только в идее превращается в деньги, было причиной появления учений об идеальной единице денежной меры. Так как при обозначении цен функционируют только воображаемые золото и серебро, служащие при этом лишь счетными деньгами, то утверждали, что названия: фунт, шиллинг, пенс, талер, франк и т. д. не представляют каких-нибудь весовых количеств металла или иным способом овеществленного труда, но являются лишь идеальными атомами стоимости. Если бы, следовательно, стоимость одной, напр., унции серебра возросла, то она заключала бы больше таких атомов и должна была бы быть, поэтому, сосчитана и вычеканена в большем количестве шиллингов...

Епископ Беркли, напр., говорит: „Разве названия—ливр, фунт стерл., крона и т. д. не следует рассматривать только как названия отношений (именно отношений абстрактной стоимости, как таковой)? Разве золото, серебро и бумага не являются простыми билетами или знаками для счета, обозначения и перевода этих отношений стоимости? Разве власть, управляющая промышленным трудом других (общественным трудом) не богатство? Разве деньги, в действительности, представляют что-либо, кроме марки, или знака для перевода и обозначения таковой власти и, наконец, разве так важно, каков материал этих знаков“.

Здесь мы находим смешение, с одной стороны, мерила стоимостей и масштаба цен, с другой стороны, золота и серебра, как мерила стоимости и как орудия обращения. Из того, что материалы в процессе обращения могут заменяться знаками, Беркли выводит, что благородные знаки эти, с своей стороны, представляют ничто, именно абстрактное понятие стоимости.

Теория идеальной единицы денежной меры так полно развита у Джемса Стюарта, что его бессознательные последователи—бессознательные, так как они даже его не знали—не могли изобрести ни нового способа выражения, ни даже нового примера. „Счетные деньги—говорит он—есть ни что иное, как произвольный масштаб с равными делениями, изо-

бретенный для измерения относительной стоимости продающихся предметов. Счетные деньги—вещь, совершенно отличная от монетных денег (money coin), которые являются ценой; они могли бы существовать, хотя бы на свете не было никакой субстанции, которая была бы пропорциональным эквивалентом для всех товаров. Счетные деньги играют такую же роль для стоимости предметов, как градусы, минуты, секунды и т. д. для углов, или масштаб для географических карт и т. д. Во всех этих изобретениях мы принимаем некоторое определение за единицу. Полезность всех установлений этого рода ограничивается единственно тем, что они являются *показателями пропорции*; в том же заключается полезность и денежной единицы. Следовательно, она не может находиться ни в каком постоянном отношении к какой-нибудь части стоимости, т. е. не может быть исключительно приурочена к какому-либо определенному количеству золота, серебра или другого товара. Приняв же раз известную единицу, мы можем, через умножение ее, доходить до наивысшей стоимости. Так как стоимость товаров зависит от общей совокупности влияющих на нее обстоятельств и капризов людей, то следовало бы ее рассматривать только как изменяющуюся в отношении к этой единице. Все то, что препятствует определению пропорционального изменения, на основании некоторого всеобщего, установленного и неизменного масштаба, должно вредно отзываться и на торговле. Деньги—только *идеальный масштаб* с разными делениями. Если кто-нибудь спросит, что должно служить единицей для измерения стоимости по одному из этих делений, то в ответ я поставлю другой вопрос: что такое нормальная величина градуса, минуты, секунды? Ее не существует; но если одно деление установлено, то, соответственно природе данного масштаба, остальные должны быть приурочены к установленной части. Примером этих идеальных денег могут служить амстердамские банковые деньги и деньги, существующие в Анголе, по африканскому побережью“. [1]

Стюарт берет прямо форму, в которой деньги *являются* в обращении, как *масштаб цен* и как *счетные деньги*. Если цены различных товаров показаны в прейс-куранте в 15, 20 и 36 шиллингов, то, в сущности, при сравнении величины их стоимости, не интересны ни серебряное содержание, ни название шиллинг. Числовые отношения 15, 20 и 36 говорят здесь все, и число 1 сделалось единственной единицей меры. Чисто отвлеченное выражение пропорции есть вообще только сама абстрактная числовая пропорция. Чтобы быть последовательным, Стюарт должен был, поэтому, игнорировать не только золото и серебро, но также и их легаль-

[1] Stewart. l. c. t. II, p. 154, 299.

ные крестные имена. Не понимая превращения мерила стоимостей в масштаб цен, он, естественно, думает, что определенное количество золота, служащее единицей меры, относится, как мера, не к другим количествам золота, но к стоимостям, как к таковым. Так как товары, посредством превращения их стоимостей в цены, делаются одноименными величинами, то он отрицает качественные свойства того мерила, которое делает их одноименными, и так как, при этом сравнении различных количеств золота, количество золота, служащего единицей меры, условно, то он не признает, чтобы ее вообще следовало устанавливать. Вместо того, чтобы называть $^1/_{360}$ часть круга градусом, он мог назвать им $^1/_{180}$; прямой угол тогда измерялся бы 45°, вместо 90°; соответственно с этим определились бы измерения острых и тупых углов. Тем не менее, мера углов осталась бы и тогда: во-1-х, качественно определенной математической фигурой—кругом и во-2-х, количественно определенной частью круга. Что касается экономических примеров Стюарта, то одним из них он сам себя побивает, а другим ничего не доказывает. Амстердамские банковые деньги, действительно, были только счетным названием для испанских дублонов,[1] которые вполне сохранили свой вес, благодаря неподвижному лежанию в банковских подвалах, между тем как ходячая курсовая монета отощала, благодаря постоянному столкновению с внешним миром. Что же касается африканских идеалистов, то мы должны предоставить их их собственной судьбе, пока путешественники в своих критических писаниях не сообщат нам о них что-либо более точное.[2] Почти идеальными деньгами, в смысле Стюарта, можно было бы назвать французские ассигнаты: „Национальное имущество. Ассигнат на 100 франков“. Здесь, действительно, специфически была выражена потребительная стоимость, которую должен был представлять ассигнат, именно, конфискованное земельное имущество, но количественное определение единицы меры было забыто, поэтому „франк“ сделался выражением, лишенным смысла. Представлял ли франк ассигнатами много или мало земли зависело от результата публичных торгов. На практике, однако, франк ассигнатами обращался, как знак стоимости, вместо серебра, и, сообразно с этим серебряным масштабом, измерялось его обесценение. („К крит. пол. эк.“, стр. 87—89).

---

[1] Дублон—испанская золотая монета. Прим. к русск. перев.

[2] Во время самых ранних торговых кризисов, в Англии [illegible] прославляли, с определенной точки зрения, африканские идеальные деньги, после того как они были перенесены с берега в центр Берберии. Отсутствие у берберов торговых и промышленных кризисов объясняли идеальной единицей меры их Bars. Не проще ли было сказать, что торговля и промышленность суть conditio sine qua non для торговых и промышленных кризисов?

И. Трахтенберг

КРИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ[1]

Основные посылки учения Кнаппа могут быть сведены к трем утверждениям:

1. Какие именно предметы являются платежным средством, определяется исключительно государством.

2. Единица ценности устанавливается авторитарно государством.

3. Платежная сила денег произвольно устанавливается государственной властью.

С точки зрения Кнаппа понятие „ценности денег“ весьма неопределенно. Он отрицает реальность такой экономической категории. Изменение того, что обычно называют „ценностью денег“, — невозможно: когда по вздорожанию товаров судят об изменении ценности денег, совершают большую ошибку. Деньги не имеют ценности, они обладают только платежной силой (Geltung), эту же последнюю они имеют в силу веления государственной власти. Платежная сила денег номинальна, она устанавливается государством прокламаторно, исторически.[2]

Рассмотрим же указанные основные положения номиналистического учения Кнаппа.

Первое. Государство свободно определяет, какие именно предметы служат деньгами (или платежным средством, что для Кнаппа одно и то же).

Такое утверждение явно противоречит историческим фактам. Как доказывает история денег, огромнейший материал, собранный этнографами и нумизматиками, „свобода“ государства в выборе денежного материала до такой степени ограничена, что от свободы ничего не остается. Эта свобода целиком и полностью предопределяется всей хозяйственной эволюцией, процессом, происходящим вне воздействия государства.

На первый взгляд может показаться, что всякий платежный знак, который объявляется таковым государством, является

[1] И. Трахтенберг, — Бумажные деньги, III изд. 1925.

[2] G. Knapp, „Staatliche Theorie“... S. 436—448. Это положение Кнаппа не делает его теорию менее уязвимой; наоборот, в такой постановке вопроса основная ошибка Кнаппа, заключающаяся в том, что он деньги рассматривает только в одной из их функций, а именно в функции платежного средства, выступает еще более резко.

деньгами. Но для того, чтобы тот или иной знак выступал в роли денег, необходимо, чтобы оборот принял их в качестве таковых. В истории неоднократно бывали примеры, когда оборот, общество создавало вместо „прокламированных“ государством денег и рядом с ними свои собственные денежные знаки.

„Жизнь знакома с такими комбинациями:—пишет М. Бернацкий—на исходе средних и в начале новых веков, когда постоянные искажения денег от злоупотребления монетной регалией вынудили крупную торговлю почти что вернуться к обмену с помощью драгоценных слитков, появилось наименование монеты банковой, т. е. такое название приурочивалось к известному количеству золота или серебра“. [1]

А. Мануйлов совершенно справедливо замечает: „Если государство вздумало бы ввести в качестве платежного средства, например, каменные глыбы, то вследствие неудобства, которое представляли бы подобные деньги, жизнь, без сомнения, отвергла бы их и создала бы на-ряду с государственными деньгами свои, „общественные“ деньги. Золото и серебро взвешивалось бы и штемпелевалось бы частными лицами при совершении сделок, как это делается, например, в Китае, а государственное платежное средство не вошло бы в употребление“. [2]

Не потому благородные металлы сделались законным платежным средством, что это было „прокламировано“ государством, а государство „прокламировало“ золото и серебро потому, что и до его вмешательства золото и серебро выступали в роли всеобщего эквивалента. В этом отношении законодательство, по справедливому замечанию Конанта, „стремится только утвердить определившиеся уже суждения общества“. [3]

„Нельзя полагать,—читаем мы у Nervé-Basin'a,—что товары превращаются в деньги вследствие приказа правительства, Оно только утверждает единодушное суждение общества. Тот, кто в настоящее время захотел бы сделать деньгами зерно, муку или скот, потерпел бы полную неудачу“. [4]

Данный нами краткий исторический очерк показал, что государственная власть только фиксирует создавшиеся фактически отношения. Объективный ход вещей, стихийное развитие меновых актов выделяет тот или иной товар для выполнения функций денег.

В какой форме государство оказывает воздействие на материал, из которого делаются деньги? Оно прежде всего

---

[1] М. Бернацкий, „Современный капитализм и его денежный аппарат“ „Совр. Мир“, 1909, VI, стр. 172.

[2] А. Мануйлов, „Учение о деньгах“, стр. 44, 45.

[3] Charles A Canant. „The priciples of Money and Banking“, S. 366

[4] Hervé-Bazin, „Traité Elementaire d'Economie Politique“, p. 267.

чеканит монеты. И в этом случае оно „ничего не изменяет, кроме количественных подразделений золота, Если оно раньше делилось и измерялось по весу, то теперь—на основе какого-либо иного масштаба, произвольного, а потому неизбежно построенного на сознательном соглашении. Так как общество товаропроизводителей находит свою высшую сознательную организацию в государстве, то государство и должно санкционировать это соглашение, чтобы оно приобрело значение во всем обществе“.[1]

Государство чеканит монеты, но не создает деньги; и материал, из которого оно чеканит монеты, предопределяется всем ходом исторического развития, а не свободным выбором государственной власти. Не случайно то, что во всех государствах денежный материал одинаков, и это едва ли было бы возможным, если бы выбор его был свободным актом государственной власти.

Более приемлемым является в т о р о е положение общей теории Кнаппа, гласящее, что государство авторитарно устанавливает единицу ценности.

Но и это положение следует признать правильным только с большими ограничениями. Все существующие счетные монетные единицы устанавливались исторически, и корни этого установления надо искать не в свободном волеизъявлении государственной власти, а в глубинах народного творчества. Название счетной единицы, как и всякое другое название, слово, является продуктом стихийного массового творчества, а не государственной власти. Но, так или иначе, государство может проявить в этом случае инициативу, но может это сделать только потому, что название счетной единицы вполне условно и большого экономического значения не имеет.

Наиболее важное принципиальное значение имеет т р е т ь е положение: платежная сила (Geltung) денег номинальна, она авторитарно устанавливается государственной властью.

Это положение требует прежде всего следующего корректива. Поскольку веления государственной власти могут быть обязательными только в пределах государственных границ, постольку, очевидно, и прокламирование государством платежной силы денег имеет значение только для данного государства. За пределами государственных границ государственная власть авторитарно устанавливать платежную силу денег во всяком случае не может.[2]

Но и с таким ограничением основное положение теории Кнаппа не может быть признано правильным.

---

[1] Гильфердинг, „Финансовый капитал“, стр. 17.

[2] По мнению Кнаппа, государство может оказывать воздействие и в сфере внешнего оборота посредством активной валютной политики. Но этого вопроса, как не имеющего непосредственного отношения к нашей теме, мы здесь касаться не можем.

В самом деле. Что значит установить платежную силу денег? В чем выражается она?

Сказать, что пять рублей стоят пять рублей,—значит ничего не сказать. Определить платежную силу пяти рублей можно по тому количеству благ (ценностей), которые могут быть приобретены на эти пять рублей. Если вчера можно было за пять рублей купить пять пудов хлеба, а сегодня только три пуда, то это могло быть результатом или увеличения ценности хлеба или уменьшения покупательной силы денег. Предполагая факторы, влияющие на образование ценности хлеба, не изменившимися, предполагая, что ценность хлеба не изменилась, придется притти к заключению, что изменение цены хлеба явилось результатом уменьшения покупательной силы денег.

Впрочем, Кнапп такую постановку вопроса отрицает. Он говорит, что, может быть, с народно-хозяйственной точки зрения вопрос об отношении между деньгами и товарами имеет значение. С точки же зрения юридической теории денег, речь может итти при всяких условиях только об изменении ценности товаров, а не платежной силы денег. Рубль всегда остается рублем, марка—маркой, как бы ни изменились цены товаров. Но если вопрос поставить таким образом, то вся теория денег Кнаппа лишается какого бы то ни было народно-хозяйственного значения. Она может иметь только значение для формально-классификационных задач, но эта классификация, с точки зрения народно-хозяйственной, неизбежно будет бессодержательной. Вне анализа народно-хозяйственного эффекта социального явления денег, вся теория денег теряет жизненное содержание и смысл.

Едва ли следует подчеркивать неправильность самого утверждения, сводящегося к тому, что вздорожание товаров может быть результатом только увеличения ценности товаров, а не „платежной способности" (Geltung) самих денег. Если опыт денежного обращения во время и после войны должен был многому научить, то, во всяком случае, он должен был продемонстрировать реальное значение изменения „платежной силы" денег.

Поэтому надо полагать, что теория денег Кнаппа лишь в той мере имеет смысл, в какой она могла бы утверждать, что государство может не только формально (сохраняя, в сущности, только наименование), но и материально устанавливать покупательную силу денег.

Но такое утверждение противоречит фактам реальной жизни.

В самом деле.

Признать, что государство авторитарно устанавливает покупательную силу денег,—значит признать, что государственная власть имеет возможность устанавливать цены товаров,

может подчинить себе, управлять законами образования товарных цен.

Но мыслимо ли сознательное, преднамеренное установление товарных цен в современном индивидуалистическом капиталистическом хозяйстве? Капиталистическое хозяйство предполагает, да и не может не предполагать, формальную свободу отдельных хозяйствующих индивидов. И закономерность капиталистического строя устанавливается не как результат хотений, желаний отдельных индивидов, а как результат столкновения различных воль, причем результат получается вовсе не тот, какой входил в расчеты отдельных участников хозяйства.

Как бы ни был силен отдельный член современной хозяйственной системы, будь это даже государство, он не может, не нарушая, конечно, капиталистических отношений, сознательно регулировать, тем более устанавливать товарные цены.

И все попытки установления товарных цен, какие встречались в истории, неизменно терпели крах. „Короли и республики постоянно упускали это из виду,—говорит Людвиг фон-Мизес.—Знаменитый эдикт Диоклетиана de pretiis rerum venalium, средневековые постановления о ценах, максимум французской революции—таковы наиболее известные примеры неудачных попыток принудительного вмешательства в меновые отношения. Все эти попытки терпели крушение не потому, что их юридическое значение ограничивалось в пространственном отношении пределами территории государства и что они оставляли без внимания международный рынок. Было бы ошибкой допустить, будто бы в изолированном государстве подобные постановления могли бы достигнуть желанного результата. Причиной их неудачи была не географическая, а функциональная ограниченность государства. Лишь в социалистическом государстве, в рамках объединенной организации производства и распределения, они могли бы достигнуть цели. Теперь же, когда регулирование производства и распределения предоставлены отдельным индивидам, они должны остаться безрезультатными“.

Но разве не существует фиксированных цен на целый ряд продуктов и услуг? Разве, например, государство не „авторитарно“ устанавливает железнодорожные тарифы? Установление минимума заработной платы разве не является примером авторитарного вмешательства государственной власти в установление цены товаро-рабочей силы? Наконец, во время войны почти во всех странах проводилась политика твердых цен, такс—не выразилось ли в этом авторитарное прокламирование товарных цен?

Но и наличность всех этих фактов едва ли может побудить к признанию возможности авторитарного установления покупательной силы денег.

Во-первых, случаи эти чрезвычайно редки и умножились только в условиях военного хозяйства—специфических обстоятельствах, обычно не свойственных капиталистическому хозяйству.

Во-вторых, что самое важное, при установлении твердых цен государство исходит не из своей авторитарной воли, а из рыночных условий. Цены устанавливаются не произвольно, а посредством учета всех факторов, влияющих на образование рыночных цен. Установлением, так называемых, твердых цен государство (или общество) стремится бороться со спекуляцией, с искусственным злонамеренным взвинчиванием цен, а не изменить или сознательно воздействовать на цены, поскольку они являются объективным результатом объективно сложившихся условий. И политика установления твердых цен только в том случае дает какие-нибудь результаты, если при определении этих цен исходят из рыночных условий; в противном случае эта политика заранее обречена на неудачу.

Приспособляясь к рыночным условиям, можно устанавливать твердые цены, но в этом случае вряд ли можно говорить об авторитарном установлении цен. В меновом товарном хозяйстве стихийные условия рынка господствуют над волей человека, и воля эта может проявиться и осуществиться лишь в той мере, в какой она приспособляется к внешним объективным условиям, образующимся вне воздействия человеческого сознания.

К этому надо прибавить еще следующее. Как известно, современная последняя стадия развития капиталистического хозяйства характеризуется господством монополистических хозяйственных организаций, свобода конкуренции сменяется монополией; она может быть обозначена, как господство монопольных цен; крупнейшие синдикаты и тресты и т. д., захватывая большую часть определенной отрасли производства, монопольно и, как будто, авторитарно устанавливают товарные цены. Но на самом деле, так называемые, монопольные цены устанавливаются не „авторитарным“ их „прокламированием“, а посредством определенного воздействия на рынок, главным образом, и чаще всего ограничением предложения тех или иных товаров, нормированием (контингентированием) этого предложения. Не цены „прокламируются“, а оказывается возможное воздействие на факторы, влияющие на образование цен.

Авторитарно же устанавливать цены никакая отдельная хозяйствующая единица, как и государство, до тех пор, **пока существует капитализм**, не может.

П. Б. Струве в результате подробных исторических изысканий относительно сознательного регулирования цен, установления „указных“ цен, в противоположность ценам „вольным“, приходит к следующему заключению:

„И в социологической вытяжке, и в конкретно-исторической обрисовке материал исторической феноменологии цен учит еще вот чему. Социальное (властное, насильственное) регулирование цен сводится к ряду попыток превратить цену из гетерогенического явления, получающегося в результате столкновения множества человеческих произволов, в явление автогеническое—в заранее учтенное и построенное решение воли какого-либо индивидуального социального субъекта, субъекта хозяйствования и властвования. История учит тому, что при самых различных формах политического, социального и хозяйственного строя эти попытки плохо удаются. Цена и в самых примитивных, и в довольно сложных условиях хозяйствования и властвования упорно остается в общем и целом гетерогеническим явлением, сопротивляющимся рациональному социальному построению. Лишь новейшее время с его железнодорожными тарифами, с его принудительно-картельными ценами, с его регулированием заработной платы, расширяет поле рационального построения цен, создает, хотя бы на ограниченных пространствах, настоящее управление ценами. Но и в наше время цена остается все-таки по преимуществу явлением гетерогеническим, и идея полной рационализации цен и всецелого управления их царством представляется фантастической“. [1]

Перейдем теперь к соображениям историко-правового характера. Кнапп говорит, что платежная сила денег определяется исторически. При введении нового платежного средства отношение между его ценностью и ценностью старых платежных знаков авторитарно устанавливается государственной властью.

Должники платят своим кредиторам по прежним (на старую валюту обозначенным), не ликвидированным сделкам новыми платежными средствами. Каким же количеством новых

---

[1] П. Б. Струве, „Хозяйство и цена“, ч. I, стр. 312, 313.

Все до сих пор сказанное относится к чисто капиталистическому хозяйству. Несколько иначе обстоит дело у нас в Советской России: веление государственной власти является значительным фактором образования цен. Но и у нас этот фактор не является исключительным. Когда в марте с. г. (1924) в связи с денежной реформой поставлена была задача стабилизировать цены, то это достигалось не только „прокламаторным“ установлением, но и другими мерами воздействия, чисто экономического характера: товарной интервенцией, перебрасыванием товаров из одного места в другое и т. д. Такой метод воздействия тем более доступен и эффективен, что государство является крупнейшим (единственно крупным) хозяйствующим субъектом. Государство, таким образом, активным вмешательством в процесс стихийного образования цен стремилось изменить соотношение спроса и предложения. Какой из этих факторов—фиксирование цен Комвнуторгом или экономическое воздействие на рынок—сыграл решающую роль—сказать трудно. Но, во всяком случае, этот пример доказывает, что даже в Советской России, пока сохраняются еще товарные отношения, рыночные цены не складываются исключительно велением государственной власти.

денег ликвидируются старые обязательства? Это, по мнению Кнаппа, полностью определяется государственной властью. Она властна установить между ценностью старых платежных знаков (предположим, медных) и новых (предположим, серебряных) отношение, равное отношению между их ценами, как товаров, но может этого и не сделать.

В первом случае государственная власть приспособляется к рыночным условиям; поэтому говорить об авторитарном установлении ценности денег не приходится.

Во втором случае приспособления нет, но зато государство неизбежно нарушает интересы или должников или кредиторов; оно или узаконяет банкротство, хотя бы частичное, должников, или же вознаграждает кредиторов за счет их контрагентов. Такое „воздействие“ государственной власти безболезненно пройти не может. Банкротство можно объяснить, его можно оправдать, но оно не может быть нормой, регулирующей деятельность государства.

И всякие попытки устанавливать соотношение между ценностью старых и новых платежных знаков, не считаясь с рыночными условиями, кончались неизбежно крахом. Оборот находил способы реагировать на такое—с точки зрения капиталистического хозяйства, незакономерное, нарушающее основы товарного хозяйства—авторитарное воздействие на ценность денег.

Практика русского денежного обращения дает характерный пример такого авторитарного установления ценности денег.

В 1656 г. при Алексее Михайловиче правительство, ведя одновременно войну с Польшей и Швецией, чрезвычайно нуждалось в средствах. Средства эти обычно добывались посредством порчи монеты, уменьшения металлического содержания серебряных денег. Но этого было недостаточно. Тогда правительство решило пустить в обращение медные деньги. Медные монеты стали чеканить одного веса с серебряными того же наименования. Серебряный и медный рубль стали чеканить одинакового веса, „прокламированная“ ценность того и другого тоже была одинаковой. Но ценность не „прокламированная“, рыночная цена медного рублевика была в сто раз меньше цены серебра, заключавшегося в серебряном рубле. За пуд меди платили 3 р. 45,6 к. серебром, чеканили же из этого пуда монет на 345 р. 60 к.

Что же, властно ли было правительство пустить в оборот эти деньги, заставить их „иметь хождение“ по прокламированной ценности? Или же рынок нашел способ отбросить эти деньги? Как общий оборот реагировал на властное вмешательство государства в сферу товарного обращения, на авторитарное прокламирование государством ценности денег?

Прежде всего серебряные деньги исчезли из оборота. „В государстве, говорит Котошихин, серебряным деньгам учала быть скудость“...

Замена серебряной монеты медной при таких условиях обозначала, в сущности, освобождение должников от их обязательств, при чем на большую часть—на 0,99. Это, конечно, не могло не отразиться чрезвычайно отрицательно на обороте. Любопытно, впрочем, отметить, что своих должников государство от обязательств не освобождало. „А за прошлые государевы долговые деньги имать в государеву казну мелкими серебряными деньгами“... „Фабрикация“ фальшивых медных денег достигла колоссальных размеров, причем в производстве этих денег не отказывались принимать участие и высшие сановники, родственники царя, Матюшкин, Милославский и т. д.

„Богатые купцы, — рассказывает В. Ключевский, — даже московские гости, приставленные присяжными надзирателями медного дела, покупали сами медь; привозили ее вместе с казенной на денежный двор, переделывали в кредитную монету и отвозили на свои дворы“... „Следствие вскрыло, что плутни денежных мастеров и гостей за большие взятки покрывала московская приказная администрация, проявившая здесь всю свою обычную приказную недобросовестность, а во главе ее коноводили тесть царя, боярин Илья Милославский, да муж тетки царевой по матери — думный дворянин Матюшкин, которым поручено было медное дело“. [1]

Оборот определенным образом реагировал на „прокламаторное“ достоинство денег, дав им свою собственную оценку, и это выразилось в сильнейшем вздорожании товарных цен. „На медные деньги,—пишет Котошихин, — все было дорого, и многие помирали с голоду“... „Крестьяне не почали в город возить сена и дров и съестных припасов, и почала быть от тех денег на всякие запасы дороговь великая“. Даже солдаты „с голоду помирают, а полки медных денег брать не хотят, хотя бы их рубить велели, но всех не перерубить“. „Лошадей купить нам не на что, — пишут в одной челобитной,—на медные деньги не продают, а серебряных негде взять...“.

В результате в Москве вспыхнул знаменитый „медный“ бунт, в котором приняли участие различные классы населения—„были в смятении люди торговые и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские дети...“.

О размерах этого бунта можно судить по расправе „тишайшего“ царя с бунтовщиками. Безоружную толпу, которая

---

[1] В. О. Ключевский: „Курс русской истории“, часть III, изд. 1918 г., стр. [illegible]2 и 283.

отправилась к царю, „начали бить, и сечь, и ловить, а им было противиться не уметь, потому что в руках у них не было ничего ни у кого, начали бегать, топиться в Москва-реку, и потопилося их в реке больше 100 человек, а пересечено и переловлено больше 7.000 человек, а иные разбежались. И того же дня, около того села повесили со 150 человек, а достальным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги, и у рук пальцы, а иных били кнутьем, и клали на лице на правой стороне признаки, разжегши железо на-красно, а поставлено на том железе „буки", т. е. бунтовщик, чтобы было до веку признатен; и чиня им наказание, разослали всех в дальние города, в Казань, и в Астрахань, и на Терки, и в Сибирь, на вечное житье, и после по сказкам их, где кто жил и чей кто ни был, и жен их и детей потому ж за ними разослали; а иным пущим ворам того ж дня, в ночи, учинен указ, завязав руки назад, посадя в большие суда, потопили в Москва-реке".

„А за те деньги казнено в те годы смертною казнью больше 7.000 человек, да которым отсекли руки и ноги и чинено наказание и ссыланы в ссылки больше 15.000 человек московских и городовых, и уездных всяких чинов людей"...

В 1663 году чеканка медных монет была оставлена. Обращавшиеся же деньги были выкуплены по курсу, т. е. по рыночной цене. Так окончилось авторитарное установление соотношения между ценностью старой и новой платежной единицы.

Бунт, как форма реакции оборота на „воздействие" государства, — явление сравнительно редкое и необычное, но возвышение товарных цен, в котором выражается оценка денег вопреки прокламированной их ценности,—таков обычный ответ на претензии государственной власти регулировать рыночные отношения при сохранении товарного хозяйства.

Государство может „прокламировать" ценность денег, а рынок отвечает фактическим ее изменением. Данная монета может остаться при прежнем наименовании — не в слове дело—но на изменение действительной ценности денег рынок отвечает соответствующим изменением товарных цен.

Предположим, любую меновую сделку: шляпа по ценности приравнивается 87,12 долям чистого золота. Назовем пятью рублями не это количество золота, а вдвое меньшее — 43,56 долей.

Какова будет цена шляпы, каково будет денежное выражение ее ценности? Очевидно, в этом случае цена шляпы будет выражаться не пятью, а десятью рублями.

В 90-х годах прошлого столетия в России была произведена реформа денежного обращения: была введена новая золотая монета, по содержанию чистого металла в полтора раза меньше прежней. То количество золота, которое раньше име-

новалось десятью рублями (империал), получило название „пятнадцать рублей“.

Но разве от перемены названия ценность денег изменилась? Изменились цены товаров, выраженные, обозначенные в новых денежных единицах, соответственно изменению ценности этих последних; произошла номинальная переоценка товаров и только.

Здесь мы подходим к основной теоретической ошибке Кнаппа: сведение сущности денег только к одной из их, притом не такой значительной, функции — служить законным платежным средством.

В этой функции деньги выступают, как масштаб цен, как кратное (узаконенной) счетной единицы. Государство узаконяет платежное средство, устанавливает этим счетную единицу, но этим еще не определяется платежная сила денег. Счетная единица устанавливает только отношение отдельных монет друг к другу; можно изменить счетную единицу, можно сделать это произвольно, авторитарно, но сделать это можно только потому, что этим не затрагивается сущность денег, их ценность.

Правда, для Кнаппа деньги являются, в сущности, только платежным средством, следовательно, он имеет в виду не абстрактную единицу ценности, а хартальные платежные средства (знаки). Но даже и в такой ограниченной постановке вопроса его теория, если брать ее не только в формально-юридическом смысле, но и в народно-хозяйственном, приводит к ложным выводам. Наименование счетной платежной единицы авторитарно устанавливается государством, но наименование не определяет еще значимости ее в народно-хозяйственном обороте. Но самое главное заключается в том, что сущность денег не исчерпывается свойством их служить законным платежным средством. Выполняя отдельные функции, деньги устанавливают определенные социальные хозяйственные взаимоотношения, но деньги сами по себе выражают целый комплекс социальных связей, частью которых являются те хозяйственные взаимоотношения, которые устанавливаются деньгами при выполнении ими отдельных функций. Усматривая в деньгах выполнителей только одной из их функций, проблема ценности денег разрешена быть не может. В лучшем случае можно получить частичное разрешение проблемы, но это разрешение становится неправильным, если полагать его исчерпывающим разрешением вопроса во всей его полноте.

Кроме того, менее всего можно сводить сущность денег к функции законного платежного средства. Эта функция, во всяком случае, не может иметь первичного характера — она производна; это не только отчетливо вырисовывается в исто-

рической перспективе но и непосредственно вытекает из роли денег, как экономической социальной категории.

С другой стороны, проблема ценности денег не может быть разрешена и при отсутствии различения отдельных функций денег, как самостоятельных форм проявления денег, как форм выражения отдельных социальных актов, в своей совокупности образующих те сложные социальные хозяйственные отношения, вещным выразителем которых являются деньги.

Неразличение отдельных функций денег, как и сведение сущности денег к одной из них, неизбежно ведет к произвольным, теоретически хотя и стройным, но противоречащим фактам реальной жизни, а потому в значительной степени бесплодным, по своим результатам, построениям.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Гельферих Карл

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ДЕНЕГ.

1. ЗНАЧЕНИЕ ЦЕННОСТИ (Werteigenschaft) ДЛЯ ДЕНЕГ [1]

Анализ потребности оборота в деньгах и снабжения его деньгами неизбежно приводит к рассмотрению явления „ценности денег", которая, естественно, подобно ценности всех прочих благ, определяется размерами потребности в деньгах и снабжения ими, т. е. спросом и предложением денег. Но здесь мы неизбежно оказываемся перед одним вопросом, который заграждает наш дальнейший путь. Вопрос этот так же стар, как и наши попытки серьезного размышления о природе денег. Он гласит: должны ли деньги по самой своей природе иметь ценность? Находятся ли они—в отношении ценности—в таком же самом положении, как и все прочие хозяйственные блага? Являются ли они, по своему существу, хозяйственным благом, „товаром"? И не могут ли деньги, как таковые, существовать, не имея совсем ценности? Не противостоят ли они хозяйственным благам, как простой „знак" или „символ"? [2]

---

[1] Глава XII в книге: K. Helfferich—„Geld und Banken"; I Teil—Das Geld, umgearbeitete 6 Auflage Leipzig 1923 г. перев. А. Зеленко. Werteigenschaft, как в дальнейшем Wertqualität, мы переводим „ценность". Какое содержание вкладывает Гельферих в это понятие, видно из текста. *Л. Э.*

[2] В работе Кнаппа напрасно было бы искать исследования этой проблемы. Такой пробел является необходимым следствием чисто юридической точки зрения, усвоенной Кнаппом. Уже в других местах моей работы было указано на то, что при таком методе совершенно исключается экономическая точка зрения, которая, однако, не менее важна и существенна для понимания сущности денег, чем юридическая. Всего сильнее это обстоятельство должно проявляться при рассмотрении проблемы ценности, являющейся по своей природе экономической проблемой. Кнапп знает деньги лишь как „создание правопорядка", т. е. как некоторое регулированное правовыми нормами средство исполнения денежных обязательств (Geldschulden). Соответственно с этим ему знакома только исторически определяемая „ценность" (Geltung) денег, а не ценность, устанавливающаяся экономически.

Кнапп заходит так далеко, что оспаривает даже само существование проблемы ценности в применении к деньгам. Он прибегает при этом к следующей аргументации. Для того, чтобы представление о ценности было ясным, необходимо всегда привлекать некоторое благо для сравнения. Когда благо, служащее для сравнения, не называется прямо, тогда ценность вещи следует всегда рассматривать, как „литрическую ценность", т. е. как ценность, которая получается путем сравнения со всеобщим средством обмена Отсюда следует, что в этом смысле нельзя говорить о ценности самого ме

Воззрение, по которому деньги не имеют собственной ценности, или не обязательно должны иметь таковую, нашло яркое выражение как раз во время реакции против меркантилистических представлений, согласно которым деньги представляли исключительно воплощение ценности и богатства. Уже Локк высказал взгляд, что человечество пришло к соглашению относительно придания золоту и серебру воображаемой ценности (imaginary value). По его мнению, золото и серебро превратились, на основе общего соглашения, во всеобщий залог (common pledge), обладание которым гарантирует хозяйствующим индивидам получение в обмен на него

нового средства (стр. 7). Здесь еще сделана соответствующая оговорка: „в этом смысле". Но в дальнейшем изложении эта оговорка все-таки отпадает; Кнапп говорит несколькими страницами дальше (стр. 25): „поэтому понятие ценности определенно следует прилагать не к самим платежным средствам, а, следовательно, и не к деньгам, а только к вещам, не являющимся платежными средствами, т. к. в вопросе о ценности всегда предполагается наличие некоторого платежного средства, в качестве блага, служащего для сравнения".

Логический прыжок, с помощью которого проблема ценности денег элиминируется и, в известном смысле, переносится в царство метафизики, здесь совершенно очевиден. Оставаясь на вполне реальной почве и в кругу тех проблем, которые должны быть разрешены научным методом, следует поставить и рассмотреть вопрос о том: каковы факторы, определяющие изменчивую меновую пропорцию между деньгами и прочими объектами оборота,— а также, каким образом совершаются изменения этой меновой пропорции. В этом, и ни в чем ином, состоит проблема ценности денег. И, как раз, в наше время, — в эпоху беспримерной революции в ценности денег, — не может быть больше никаких сомнений в реальном, притом весьма осязательном, значении этой проблемы.

Во втором издании своего труда, вышедшем в 1917 г., Кнапп добавил заключительный параграф, озаглавленный: „К выяснению вопроса о ценности денег и ценах". Его взгляд нашел яркое выражение в следующих положениях:

„Государство предполагает, что во всех случаях, когда дело идет о цене, пользуются юридически признанными единицами ценности и что платежи производятся валютными деньгами. Те явления, которые устанавливаются хотя бы статистическим исследованием цен, не имеют, с юридической точки зрения, ни малейшего значения. Государство совсем не знает никакой изменчивости „ценности денег". В тот момент, когда его волеизъявлением устанавливается законная сила (Begültigung) денежных единиц, государство, в сущности, заявляет, что как существующие в этот момент долги, так и новые долги могут быть погашены только этими денежными единицами. При этом применительно к новым долгам предполагается, что вступающие в сделку стороны принимают меры к охране своих интересов". Наступившее во время войны изменение выраженных в золоте цен дает Кнаппу, между прочим, повод рассмотреть затронутые этим изменением интересы. „Интересы различных классов—это явление большой важности, но оно не затрагивает организации денежного обращения, рассматриваемой в г о с у д а р с т в е н н о й т е о р и и д е н е г. Разве не при всякой денежной системе возможно перемещение соотношения сил хозяйственных групп в связи с чудовищным изменением цен? Война вынуждает нас преобразовывать обычную буржуазную жизнь, и бумажные деньги—это лишь средства проведения такого вынужденного преобразования. Поэтому жаловаться только на бумажные деньги— значит обнаруживать удивительную ограниченность."

вещей, равноценных тем, которые они сами отдали в обмен на деньги.

Давид Юм изображал деньги в качестве исключительно „represantation of labour and commodities“ (представителя труда и товаров), как знак, служащий лишь для измерения и исчисления ценности труда и благ. Подобные же взгляды высказывал Монтескье и целый ряд более новых экономистов (Оппенгейм, Маклеод и т. д.).

Противоположное воззрение представлено, главным образом, у физиократов (Тюрго), у английских экономистов — классиков и их последователей во Франции и в Германии, а затем у Карла Маркса в его „Капитале“. Рошер, в одном, часто цитируемом месте, охарактеризовал противоположность этих обоих воззрений таким образом: „ложные определения денег можно разделить на две главные группы: те, которые считают деньги за нечто большее, — и те, которые считают их за нечто меньшее, чем товар“.

В совсем недавнее время спор о природе ценности денег возник вновь, благодаря явлениям бумажно-денежной валюты и валюты с ограниченной чеканкой.

Вопрос о том, должны ли деньги иметь „собственную ценность“ до сих пор рассматривался с точки зрения зависимости от этого условия функции денег, как мерила ценности. Такая постановка проблемы объяснялась чрезмерным значением, которое большинство теоретиков придавало до сих пор функции денег, как мерила ценности.

Так Книс пишет:

„Совершенно естественно, что для измерения, т. е. для установления количественного соотношения к некоторому количественно определенному объекту, годится только такой предмет, который сам содержит в известном количестве, то, что подлежит измерению. Тогда неизвестное количество, содержащееся в этом объекте, определяется путем сравнения с известным количеством его, содержащимся в однородном с ним орудии измерения. Известная величина длины может быть определена только при помощи такого средства измерения, которое само имеет известную длину как, например, фут, шаг, метр; размер какой-либо площади можно определить лишь посредством единиц площади, как квадратный фут или квадратный метр и т. п. Чисто словесная форма, относящаяся к пропорции величин, вполне может оказаться в противоречии с этим положением, но уже небольшой анализ был бы достаточен для устранения кажущегося противоречия. Это имеет место, например, когда пространственное расстояние указывается в „часах“ или в „днях ходьбы“, или, наоборот, когда время измеряется при помощи пространства, проходимого часовой стрелкой. По существу дела здесь измерение сводится к следующему. В первом случае извест-

ное расстояние измеряется при помощи единицы длины, равной числу шагов, которое можно было бы последовательно насчитать в течение одного часа или одного дня ходьбы. Во втором же случае, продолжительность времени измеряется посредством единицы времени (равной минуте или часу), в течение которой часовая стрелка передвигается от одной черты на циферблате к другой". „Столь же бесспорно, что для исчисления или измерения известного количества хозяйственной ценности, содержащегося в конкретных благах, пригоден только такой предмет, который сам обладает хозяйственной ценностью, сам является хозяйственным благом".

Предпосылкой этой, повидимому, убедительной аргументации является то понимание функции денег, как „мерила ценности", которое уже („Das Geld", 2 Buch, 3 kap. § 5) было подробно опровергнуто нами. Деньги, как раз, вовсе не служат, подобно измерительным приборам, средством определения объективно существующих, содержащихся в товарах, количеств ценности. Они скорее представляют по отношению ко всем прочим меновым благам только всеобщее выражение ценности (Wertausdruck), вытекающее из фактически осуществленных меновых сделок.

Прежде чем перейти, однако, к изложению следствий этого принципа, нужно указать на одну остроумную попытку опровергнуть выводы Книса, исходя из его собственных предпосылок относительно функции денег, как мерила ценности. Автором этой попытки является Зиммель, который приходит в своей „Philosophie des Geldes" к следующему выводу (Ph. d. G. 2 Aufl. S. 101 и далее).

Вполне справедливо, что количественную сторону двух различных объектов можно сопоставлять только в том случае, когда они одинаковы качественно. Поэтому, там, где измерение может происходить лишь путем непосредственного приравнения друг другу двух количеств, там для возможности его, действительно, необходимо качественное равенство. Но, кроме этого непосредственного сравнения, возможно также измерение другого рода. Там, где необходимо измерить изменение какого-либо количества, а также различие или соотношение каких-либо двух количеств между собой, там для полного определения измеряемого достаточно, чтобы пропорции сущностей, подлежащих измерению, отражались в уже измеренных субстанциях, хотя бы между теми и другими сущностями не существовало никакого равенства по их природе.

Зиммель разъясняет свой вывод при помощи следующих примеров. Силу ветра, сломавшего ветвь дерева, потому лишь можно сравнивать с силой руки, выполнившей то же самое действие, что одинакова качественная сторона действующей в том и другом случае силы. Но, кроме того, силу ветра

можно измерять и толщиной ветки, которую он сломал. Правда, толщина сломанной ветки не выражает сама по себе количество энергии ветра в том смысле, в каком могла бы его выразить затрата силы рукой. Но все-таки легко можно измерить соотношение силы двух порывов ветра, а, следовательно, и сравнительную силу каждого из них в отдельности, на основании того обстоятельства, что один из них переломил ветвь, которой другой не смог повредить. Следующий пример кажется Зиммелю имеющим решающее значение.

„Самые разнородные объекты, какие только нам известны, полярности мира, свести которые друг к другу не удалось ни метафизике, ни естествознанию, это — движения материи и явления сознания. Чистая экстенсивность одних, чистая интенсивность других не позволили до сих пор найти ни одной точки, в которой они ясно бы совпадали. Тем не менее, психофизик по изменениям внешних движений, действующих, как возбудители на аппарат нашего сознания, может измерить относительные изменения силы сознательных ощущений.“

Итак, если между количествами одного и количествами другого фактора существует постоянная пропорция, то величиной одного определяется относительная величина другого, при чем нет необходимости, чтобы между ними существовала какая-либо качественная связь или равенство. Этим, следовательно, разбит тот логический принцип, который устанавливал зависимость способности денег измерять ценность от наличия у них собственной ценности.

Не удаляясь сначала с почвы, на которой стоят Книс—Зиммель, подвергнем эту критику антикритике.

Необходимо, действительно, различать два рода измерения. При первом из них объект, подлежащий измерению, непосредственно сравнивается с тем, при помощи которого это измерение производится. В этом случае безусловно необходима однородность обоих сравниваемых объектов. Но существуют величины, которые невозможно измерять непосредственно при помощи величин того же рода, так как их нельзя поставить непосредственно рядом друг с другом, нельзя непосредственно сравнивать. Вследствие этого, мы вынуждены в большинстве случаев измерения прибегать к использованию некоторого промежуточного члена. Для этого мы должны сначала установить наличие неизменного соотношения между этими сравниваемыми, но непосредственно несоизмеримыми величинами и другими пространственными величинами и явлениями, которые можно непосредственно сопоставить друг с другом. Так, мы измеряем время по явлениям передвижения в пространстве. Точно также, температура измеряется по изменениям длины столбика ртути, вызываемым различными количествами тепла; соотношение веса двух тел измеряется по

движению в пространстве чашек весов. Точно также (пользуясь примером Зиммеля), можно измерять силу ветра толщиной ветки, которую ему удалось сломать,—а различия в силе сознательных ощущений—изменениями внешних движений.

Книс, очевидно, прав лишь постольку, поскольку дело идет об окончательной цели самого процесса измерения во всех случаях его, т. е. и при непосредственном и при опосредствованном сравнении; эта цель заключается в выражении неизвестного до сих пор количества, характеризующего некоторый объект, при посредстве другого количества однородного же объекта, при чем это последнее или известно, или же принимается за известное. Так, в примере Книса измерение некоторого количества времени при помощи часов приводит к выражению его посредством единицы времени, впродолжение которой часовая стрелка проходит определенный путь на циферблате. Точно также, в примерах Зиммеля, измеряя силу ветра толщиной сломанной ветки, выражают ее ввиде определенного количества энергии, необходимого для перелома ветви известной толщины,—а при измерении силы сознательных ощущений посредством двигательных явлений—выражают посредством силы некоторого другого ощущения, предпосылкой или следствием которой является определенное движение. Возражение Зиммеля нельзя, конечно, опровергнуть простым констатированием того, что конечный результат и смысл всякого измерения заключается только в установлении некоторого количественного соотношения между однородными величинами. То „орудие измерения“, „средство измерения“, о котором говорит Книс,—должно само обладать подлежащим измерению качеством, раз измерение происходит путем непосредственного сравнения. Так, метр должен иметь длину, мера объема—должна иметь пространственное содержание. Напротив, те пространственные явления и соотношения пространственных величин, при помощи которых измеряются: „промежуток времени“, количество тепла, количество энергии, сила ощущения и т. п.,—они всегда не однородны измеряемым при их помощи величинам.

Применение этого вывода к деньгам оставило бы, во всяком случае, открытым вопрос о том, служат ли деньги в качестве мерила ценности только для непосредственного сравнения с товарами, а, следовательно, по необходимости, должны иметь собственную ценность, или же они представляют только опосредствованное орудие измерения, служащее для сравнения ценности товаров между собой, а потому сами по себе могут и не иметь ценности.

Зиммель следующим образом представляет себе этот второй род измерения ценности хозяйственных благ посредством денег.

Он предполагает, что существует некоторое очень общее, им ближе не определяемое, отношение между количеством товаров и количеством денег. Отношение это проявляется, правда, в скрытой и изобилующей исключениями из общего правила, зависимости между увеличением количества денег и ростом цен, ростом количества товаров и падением цен. На этой зависимости (избегая всяких, более близких определений) он строит затем понятия общего количества благ и общего количества денег, а также понятие о зависимости между ними. Каждый отдельный товар рассматривается только как определенная часть этого наличного общего количества благ. Если обозначить это последнее через „a“, то первую можно будет представить, например, в виде: $\frac{1}{m}a$. Цена, которая на нее устанавливается, представляет соответствующую часть этого общего количества денег. Поэтому, если это последнее обозначить через „b“, то такая цена будет равняться $\frac{1}{m}b$. Если бы величины „a“ и „b“ были нам известны, а затем, если бы мы знали, какую по ценности часть суммы поступающих собственно в продажу товаров, составляет данный определенный товар, то тем самым мы знали бы его денежную цену и обратно. Определенная сумма денег может определять и измерять ценность некоторого предмета совершенно независимо от того, имеют ли деньги и этот ценный объект обмена, что либо качественно однородное, безразлично, следовательно тому, являются ли первые сами по себе ценностью или нет.

Прослеживать это представление во всех его деталях не имеет смысла.[1] Основная ошибка всего этого построения, которую, очевидно, почувствовал и сам Зиммель, обнаруживается достаточно ясно из всего сказанного до сих пор. Она заключается в том, что предположенное общее соотношение между общей суммой денег и общей суммой товаров (если даже вообще допустить подобное соотношение), мыслимо только в форме некоторой ценностной пропорции, реализо-

---

[1] Гипотеза Зиммеля оказывается несостоятельной, например, уже при следующем размышлении, которое удачно привел С. П. Альтман Zuvdeuschen Geldlehre in 19 Jahrhundert в юбилейном издании ко дню рождения Шмоллера в 1908 г.

„Выражение $\frac{1}{m}a$, принимаемое для обозначения ценности отдельных товаров, предполагает, что ценность всех товаров приведена к одному общему знаменателю. Только этим путем можно получить сравнимость отдельного товара и общего количества товаров. Но общий знаменатель представляет собой ни что другое, как выражение ценности ввиде известного количества денег, которое находит свое выражение в цене товара. Таким образом, предпосылкой количественной сравнимости отдельного товара и общей товарной массы является существование денежных цен, тогда как Зиммель хочет вывести денежную цену товара из соотношения его и общей товарной массы или, по крайней мере, считает такое выведение возможным.

ванной в возможном обмене. Правда, Зиммель утверждает, что его построение свободно от порочного круга, состоящего в том, что способность определенной денежной суммы измерять ценность отдельного товара основана на равенстве всей суммы денег всей сумме товаров, тогда как это уже само предполагает их взаимную соизмеримость. Он указывает, что взаимное измерение относительных количеств некоторых величин становится возможным уже на основе того, что их абсолютные количества стоят в некотором отношении друг к другу, при чем это отношение вовсе не обязательно должно состоять в измерении или уравнении. Однако, Зиммель не указал, какое еще отношение может существовать между общими количествами денег и товаров, кроме равенства по ценности. Когда время измеряется по пространственным соотношениям, через посредство процесса движения, то соотношение между пространственным мерилом и измеряемым временем дано тем, что по своей природе всякое движение в равной мере принадлежит обеим категориям-пространству и времени. Когда определенные ощущения измеряются по внешним явлениям движения, то в основе этого лежит, правда, невыясненное в своей внутренней сущности, но эмпирически вполне установленное соотношение причины и действия. То же самое имеет место и в других случаях, например, когда сила ветра измеряется по толщине ветви, которую он способен сломать, или температура—по удлинению ртутного столбика. Но какого рода может быть соотношение между общими количествами денег и товаров, если мы не хотим принять существование здесь ценностной пропорции, реализуемой в обмене? Даже Локк, который рассматривал деньги исключительно, как залог с фиктивною ценностью, все же в другом месте выставил положение, что ценность общего количества денег всегда должна равняться ценности общего количества товаров. Таким образом, он косвенно признал необходимость наличия у денег ценности. Пока не будет указано другое мыслимое соотношение между общей суммой денег и общей суммой товаров, не совпадающее с ценностной пропорцией, реализуемой в обмене, до тех пор, даже по ходу мысли самого Зиммеля будет вытекать, что деньги должны обладать ценностью (Wertqualität). [1]

Отбросим теперь ту гипотезу, на основе которой аргументируют как Книс, так и Зиммель, и которая сводится к при-

[1] Д-р. Август Коппель („Für und wieder Karl Marx", Karlsruhe 1905, S. 85) смешивает ценность, как качество (Wertgualität) и внутреннюю ценность (Substanzwert), когда он из моего изложения в 1-м издании заключает, что я считаю необходимым для денег наличие „ценности материала" (Substanzwert), Коппелю следовало бы прочитать в следующих параграфах выводы о субстанциональной и функциональной ценности денег, чтобы убедиться, что понятие ценности (Wertqualität) я понимаю гораздо шире того, что обычно вкладывается в понятие „ценность материала" (Substanzwert).

знанию, что товары содержат в себе определенные „количества меновой ценности“, и что деньги представляют собственно орудие измерения этих количеств меновой ценности. Возврат к более реалистическому воззрению на явления лучше выясняет вопрос о сущности ценностного свойства денег, чем могли бы сделать все более или менее искусственные гипотезы и конструкции. „Меновая ценность“ или „ценность в обороте“ (Verkehrswert) объектов обмена представляет собой исключительно абстракцию, построенную на том факте, что эти объекты обмениваются друг на друга в каких-то количественных пропорциях. Субъективной оценке вещей, протекающей в психике индивида, противостоит в качестве единственного объективного факта, служащего опорой для понятия меновой ценности, та пропорция, в которой обмениваются друг на друга разнородные объекты обмена. Мы строим здесь на самом факте обмена и на осуществляющихся в нем количественных пропорциях его объектов друг к другу абстрактный вывод о том, что каждому из двух объектов меновой сделки свойственно определенное количество объективной ценности, обозначаемой термином „меновая ценность“. Подобная абстракция не представляет, конечно, вульгарный оборот речи, она вполне допустима и в научном методе, но необходимо всегда помнить, что это—лишь абстракция, покоющаяся на определенных фактических предпосылках.

Для каждого из обоих обмениваемых объектов выражение или мерило его меновой ценности представляет тот другой объект, который отдают за него в качестве эквивалента. А так как все прочие объекты обмена обмениваются почти исключительно на деньги, то цена, выраженная в деньгах, и является всеобщим мерилом ценности, а сами деньги представляют всеобщее мерило других меновых благ. Функция денег, как мерила ценности, строится поэтому вполне последовательно на их функции быть всеобщим средством обмена. Если, кроме того, меновая ценность представляет собой лишь абстракцию от самого факта существования меновых сделок, то за деньгами нельзя не признать меновой ценности на том же основании, как и у всех прочих меновых благ. Эта ценность основывается, прежде всего, на их функции менового средства, а затем, косвенно, и на их функции мерила ценности, которая сама обусловлена этой функцией менового средства.

Но если отказаться от этого, полученного путем абстракции, понятия меновой ценности и обратиться к первоначальному феномену ценности, то и тогда приходим к выводу, что нельзя отрицать у денег наличия ценности (Wertqualität). Мы следуем за Зиммелем, который указал, что всякое определение и дедукция ценности—только устанавливает те условия, на основе которых эта последняя складывается, не выводя,

однако, ее из них, и что все доводы в пользу ценности некоторого объекта обозначают только необходимость признать ценность, предположенную у какого-либо другого объекта, также и за данным. Если мы предполагаем наличие ценности у товаров, то какой довод может сильнее говорить в пользу признания этой ценности также и у денег, как не самый факт непрерывно совершающегося обмена денег и товаров друг на друга? Если ценность, во всех формах ее проявления, сводится к суждению субъекта о значении соответствующих объектов внешнего мира для него самого или для человеческого общества, и если этот субъект соглашается отдавать или принимать деньги в определенной пропорции взамен за товар, то это значит, что деньги в такой же мере, как и товар, представляют объект ценностного суждения. Деньги, следовательно, обладают и не могут не обладать ценностью уже для самой возможности выполнения ими функции всеобщего средства обмена. [1]

Возможно только одно возражение против этого вывода (оно мельком упоминалось уже выше), а именно, что в форме

---

[1]) Роберт Лифман („Gold und Geld“, Stuttgart und Berlin 1916, S. 134) сделал к этому месту моего изложения следующее примечание: „О том, какой вред причинили рассуждения о „ценности“ или „покупательной силе“ денег, можно судить по некоторым цитатам из лучшей систематической работы о деньгах, именно из книги Гельфериха, которая, несмотря на все ее заслуги, в частных вопросах учения о деньгах, все же оказывается неспособной дать теорию денег, ввиду отсутствия в ней правильной общей экономической теории. В ряде мест своей книги, Гельферих говорит о ценности денег, о том, что они имеют „качество ценности“ (Wertqualität). Конечно, деньги также служат объектом ценностных суждений, но надо еще установить, каким образом это происходит, а от этого бесконечно далека и существовавшая до сих пор теория, все равно субъективная или объективная, а вместе с ней и Гельферих. Этого можно достигнуть лишь путем понятия психологической ценности, но это понятие целиком отсутствует во всех существовавших до сих пор теориях. Гельферих, хотя и отрицает „внутреннюю ценность“, все время говорит о „качестве ценности“, „независимом качестве ценности“—и т. п. вещах, как будто бы вообще возможна абсолютная ценность. Так, на стр. 523 он (Гельферих) говорит: „Когда субъект соглашается отдавать или принимать деньги в известной пропорции взамен за товар, то это обозначает лишь то, что деньги в такой же мере, как и товар, являются объектом ценностных суждений или должны обладать ценностью ради самой возможности исполнять функции средства обмена“. Нетрудно заметить, что не одно и то же— „быть объектом ценностных суждений“ и „обладать ценностью“. Как раз применение этого последнего термина и вводит Гельфериха в заблуждение, превращая его разсуждения в ошибочные и „лишенные ценности“. В основе их, конечно, лежит понятие абсолютной ценности...“

Я должен признать, что и сейчас я все-таки не понимаю, как может быть „объектом ценностных суждений“ „предмет, не имеющий ценности“. Мне кажется, что суждение о том свойстве предмета, которого этот последний вообще лишен, скорее заслуживает характеристики „лишенного ценности“, чем критикуемое Лифманом мое рассуждение. Мои заключения о необходимости для сущности денег наличия у них свойства ценности так же мало имеют общего с „абсолютной ценностью“ (которую я достаточно определенно отверг), как мало можно найти у меня отожествления понятий „свойства ценности“ (Wertqualtät) и „субстанциональной ценности“ (Substanzwert).

денег в обмене передается не само по себе некоторое благо, а лишь известное свидетельство на получение такового (Anweisung), т. е. представитель или символ других благ. Это значило бы, что при обмене товара на деньги собственно происходит обмен одного товара на другой (так как место переданных в обмене денег должен бы занять товар, который за них можно получить), а сами они представляют только промежуточное звено такого обмена, лишенное самостоятельного содержания.

Такое возражение, однако, не оправдывается положением денег в современном хозяйственном строе. Если бы деньги представляли не благо само по себе, а лишь знак или свидетельство на получение других действительных благ, в таком случае, всегда получали бы за деньги определенные блага в определенных количествах от определенных инстанций. Свидетельство (Anweisung), т. е. представитель, или символ чего-либо, не имеет смысла, если твердо не установлено то, на что оно дает право, что представляется или символизируется им. Чисто теоретически, действительно, мыслима форма обмена, при которой место денег, как средства обмена, заняли бы свидетельства на получение благ. На этом принципе покоится идея менового банка. Но как раз сторонники этого принципа противополагают его (при том вполне правильно) принципу осуществления обмена при посредстве денег, господствующему в современном хозяйственном строе.[1] В форме

[1] Коппель пишет: „Таким образом, Гельферих пришел к отрицанию возможности функциональной ценности денег, для которой деньги—лишь свидетельство, символ, или представитель других благ. Он отрицает такую возможность простым указанием на „положение денег в современном хозяйственном строе". Итак, на том основании, что деньги в настоящее время представляют „вещь в себе", „ценность в себе",—оказывается невозможным превратить их в промежуточное звено. Но до сих пор еще ни разу не удалось опровергнуть простой ссылкой на существующий хозяйственный строй такую теорию, которая занимается рассмотрением иных возможностей. Придется или игнорировать подобные попытки или объявлять их предпосылки неосуществимыми, другая полемика против „меновых банков" и „свидетельств" бесполезна". Эта критика дает мне подходящий повод заострить и развить приведенные выше выводы. Я никогда не отрицал теоретическую возможность иного хозяйственного строя, отличающегося от существующего, а теоретическая возможность замены денег системой свидетельств, лежащая в основе идеи „менового банка",—определенно признана мною в тексте. Я ограничиваюсь здесь следующими замечаниями:

1. Система менового банка и осуществление обмена при помощи свидетельств на получение товаров диаметрально противоположна осуществлению его посредством денег.

2. Деньги, диаметрально противоположные простому свидетельству на получение товаров, составляют существенную часть современного хозяйственного строя и могут быть поняты лишь в связи с ним.

3. Осуществление теоретически возможной системы менового банка и осуществление обмена исключительно посредством свидетельств на получение товаров невозможно в пределах существующего хозяйственного строя, покоящегося на разделении труда, частной собственности и самоопределении индивидов, оно возможно лишь после изменения хозяйственного строя.

денег индивид не получает ничего такого, что давало бы ему на какую-либо другую вещь притязание, имеющее принудительную силу. Он получает нечто такое, что подлежит свободной расценке по сравнению с другими вещами, поскольку оно принимается в обмен на них так же, как и любой товар, обмениваемый на всякий другой. То обстоятельство, что в современном хозяйственном строе в обмен на деньги можно получить все вообще товары,—представляет лишь различие в степени по сравнению с товарами, которые производятся для сбыта на рынке. Но это не есть различие по существу. Точно так же, как деньги приобретаются, главным образом, с тем, чтобы добыть за них другие блага, так и товары производятся в нашем хозяйственном строе лишь с целью приобретения за них других благ, которые, собственно, и нужны отдельным хозяйствам. Если же лишить свидетельство его конкретного содержания, как притязания к определенным лицам и на определенные вещи, оставив в содержании его лишь понятие о получении каких-то неопределенных вещей, в неопределенных количествах и от неопределенных лиц, то, конечно, не только деньги, но и всякий товар можно признать свидетельством в таком смысле. Подобное определение этого понятия ведет к тому, что придется или отрицать у всех поступающих на рынок товаров существование самостоятельной ценности, или же признать самостоятельную ценность и за „свидетельствами", в уже высказанном более широком смысле. Но если не насиловать смысла слов и не стирать границ понятий, то необходимо остаться на той точке зрения, что свидетельство должно иметь всегда определенное содержание в указанном выше смысле, оно, следовательно, не может обмениваться на блага в изменяющихся пропорциях. Такая изменчивость расценки при обмене представляет скорее неустранимую предпосылку самостоятельного независимого ценностного характера обмениваемых объектов. Поэтому, деньги, как таковые, не являются свидетельством на получение каких бы то ни было ценностных объектов, а представляют сами по себе предмет, обладающий ценностью.

Такое положение, разумеется, не предрешает еще ни в какой мере результат исследования тех особых условий и предпосылок, на которых покоится ценность денег, а также и прочих меновых благ.

---

2. „СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ“ (Substanzwert) и „ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ“ (Funktionswert) ДЕНЕГ [1]

Положение, что деньги, по самой своей природе, должны обладать ценностью, приводит нас к дальнейшему вопросу о характере ценности денег.

Вопрос, который подлежит здесь разрешению, заключается в том—может ли служить деньгами только сам по себе ценный материал, или же можно представить себе существование денег, как таковых, на основе материала, не имеющего самостоятельной ценности. Его достаточно часто смешивали с той проблемой необходимости для денег свойства ценности (Wertqualität), какая была рассмотрена в предшествующем параграфе этой главы. Благодаря этому, в обсуждение этих обоих, подлежащих разграничению вопросов, проникло немалое количество неясностей.

Правильность воззрения, согласно которому ценность является одним из конституирующих признаков денег, совершенно не зависит от того, идущего гораздо дальше положения, что ценность денег может быть обусловлена только „ценным в себе“ материалом, или, как обычно формулируют эту идею, что ценность денег должна быть „субстанциональной ценностью“ (Substanzwert). Точно также из наблюдения того, что существуют деньги и без материальной ценностной основы, вовсе не следует, что возможны деньги, вообще не имеющие ценности. В этом случае скорее возникает вопрос о возможности найти другую основу ценности денег, помимо ценности денежного материала.

В противоположность господствовавшему прежде представлению о необходимости для денег „субстанциональной ценности“ все более и более прокладывает себе путь признание, что в определенных условиях ценность денег может существовать сама по себе, независимо от ценности денежного материала. Этот переворот во взглядах вызван наблюдением современной организации „свободных валют,“ т. е. как бумажно-денежного обращения, так и валют с ограниченной чеканкой.

При существовании бумажно-денежного обращения, материал, из которого состоят деньги, лишен совершенно ценности, кроме того, бумажные знаки не дают совершенно права требовать обмена их на какой-либо полноценный материал. И, тем не менее, бумажные деньги, поскольку они принимаются

---

[1] Сравни с этим параграфом—кроме 2-й главы Зиммеля: „Philosophie des Geldes“ также книгу Отто Гейн: „Papierwährung mit Goldreserve für den Auslandsverkehr“, 1894 г., а также „Irrtümer auf dem Gebiete des Geldwesens“ 1900.

в обмен на какие-либо другие объекты менового оборота, все же имеют некоторую ценность, изменчивую по отношению ко всем прочим ценностям, а, следовательно, и независящую от предметов, на которые они обмениваются. Эта ценность, в виду невозможности какого либо другого хозяйственного употребления бумажных знаков, может основываться исключительно лишь на функционировании их в качестве денег. Далее, при наличии серебряной валюты с ограниченной чеканкой—ценность денежной единицы может оказаться выше ценности того количества серебра, которое положено в основу этой денежной единицы. Эту более высокую ценность такой серебряной монеты можно объяснить также лишь тем, что она исполняет функции денег, которые, согласно существующей организации денежного обращения, не могут быть выполнены нечеканным металлом.

В виду этого стали говорить о „функциональной ценности“ денег, в противоположность их „субстанциональной ценности“.

Упомянутые явления из области современного денежного устройства дают практическое доказательство возможности ценности денег, независящей от ценности материала. Теоретический же анализ соотношения между „субстанциональной ценностью“ и „функциональной ценностью“ денег должен привести к заключению, что оба вида ценности, кажущиеся в своей основе различными, на самом деле, коренятся в одних и тех же общих предпосылках, на которых строится вообще всякая хозяйственная ценность. Благодаря этому, совершенно устраняется кажущаяся антиномия между функциональной и субстанциональной ценностью.

Ценность не является свойством, присущим какому-либо предмету по самой его природе, подобно протяжению, твердости, окраске и т. п. Она основана на отношениях человеческого субъекта к внешнему миру. Ценность предметов поэтому не представляет собой чего-либо такого, что было бы дано самой их природой и содержалось бы в составляющем их веществе. Условия, на которых основана хозяйственная ценность предметов, мы нашли скорее в том, что, с одной стороны, данный предмет внешнего мира является объектом человеческой потребности, а с другой,—что приобретение его наталкивается на препятствия, устранение которых связано с затратой труда и жертвами. Объектами потребности являются не только предметы, служащие непосредственному удовлетворению человеческих нужд. Ими служат, кроме того, и все те вещи, какие находят употребление в качестве средств производства и приобретения непосредственно потребляемых благ. Предметы питания и одежда, украшения и жилища находятся в этом отношении в совершенно одинаковом положении с орудиями, машинами, сырьем и вспомогательными материалами, служащими производству благ для непосред-

ственного потребления. Такую же роль играют транспортные средства, используемые как в самом процессе производства, так и для перевозки на место потребления готовых продуктов. К этому же ряду явлений принадлежат также и деньги, выполняющие важную задачу служить средством, при помощи которого совершается переход от одного лица к другому благ, прав пользования и услуг.

Деньги служат удовлетворению потребностей точно таким же образом, как и прочие виды посредствующих благ,—именно, соединяя в процессе производства материальные факторы его с рабочей силой и переводя готовые товары из рук производителей в руки потребителей. Различие заключается только в том, что потребляемые блага, а также собственно средства производства и средства транспорта являются объектами потребности при всяком хозяйственном строе, тогда как деньги удовлетворяют потребность, присущую только современному хозяйственному строю, основанному на свободе самоопределения индивидов, на частной собственности и на разделении труда. С другой стороны, у всех благ общим с деньгами является то свойство, что они имеют ценность — не в силу своего бытия, не благодаря своей материальной сущности, но вследствие исполнения ими определенной хозяйственной функции, благодаря чему они прямо или косвенно содействуют удовлетворению человеческих потребностей. Даже ценность благородных металлов, поскольку они применяются в качестве денег, проистекает в такой же мере из этой их денежной функции, как и из их пригодности служить сырьем для украшений и посуды. При точном анализе всякая хозяйственная ценность оказывается функциональной ценностью, субстанциональной же ценности совершенно не существует.

Вторая предпосылка хозяйственной ценности,—зависимость приобретения их от затраты труда,—безусловно, свойственна и деньгам. Именно, в одних случаях, материал, из которого состоят деньги, может быть произведен лишь с большими издержками. В других же случаях, денежный материал, с одной стороны, редок, а с другой,—является одновременно объектом значительного спроса также и для других целей, кроме использования в качестве денег. Этот второй случай имеет место как раз для благородных металлов.

Но спрашивается, соответствуют ли этой второй предпосылке хозяйственной ценности и те деньги, которые получаются из материала, не имеющего почти никакой ценности, по сравнению с их ценностью (бумага)?

Здесь необходимо понять, что трудность, связанная с приобретением, вовсе не обязательно заключается в сопротивлении и скудости природы, предоставляющей в распоряжение людей средства удовлетворения их потребностей, лишь после затраты ими труда и жертв, притом в количестве, недоста-

точном для полного удовлетворения всех их потребностей. Трудность приобретения может быть вызвана правовым порядком данного общества или народного хозяйства. Такой случай имеет, например, место, когда один человек или некоторая корпорация имеет монопольное право производства известных объектов, являющихся предметом потребности других лиц, или право монопольного владения ими. Тогда все другие лица вынуждены соглашаться на исполнение известных услуг в качестве эквивалента за получение данных предметов, если они им нужны. На место естественной трудности добывания, или в дополнение к ней, здесь возникает трудность, коренящаяся в общественном строе, социальная трудность, которая, однако, вполне достаточна для придания соответствующим объектам ценности или для повышения таковой. Деньги представляют как раз наиболее яркий пример этого случая. Согласно нашему правопорядку, государство имеет исключительное полномочие производства или передачи права производства монеты или билетов, имеющих значение денег. Индивид может получить деньги только от государства, отдавая или исполняя что-либо взамен за них. Государство поэтому, без сомнения, в силах, пользуясь своей монополией создания денег, устроить для своих денег искусственную трудность приобретения, хотя бы естественная трудность такого получения их (т. е. их „издержки производства“) была не выше нуля. Таким образом, деньгам обеспечивается вторая предпосылка хозяйственной ценности.

На основании этих выводов кажущаяся принципиальной противоположность денег, имеющих „субстанциональную ценность“, и денег, обладающих исключительно лишь „функциональной ценностью“, разрешается следующим образом.

Ценность денег того и другого рода основана на двух основных предпосылках всякой вообще хозяйственной ценности: на способности удовлетворять человеческие потребности и на трудности приобретения. Между ними продолжает существовать лишь различие в степени. Деньги, обладающие лишь функциональной ценностью, по самой своей природе, могут служить лишь в качестве денег, тогда как у денег с т. н. „субстанциональной ценностью“, денежный материал может быть употреблен также и для удовлетворения других потребностей.

Против такого объяснения можно все-таки возразить, что возможность исполнения денежных функций предметом, который непригоден ни для какой другой цели, представляет собой petitio principii. Возражение это, в известном смысле, справедливо, в виду того, что деньги отличаются от всех прочих хозяйственных благ в следующем отношении. У всех прочих хозяйственных благ способность служить средствами удовлетворения потребности представляет только одну

из двух вышеуказанных предпосылок ценности. Для них невозможно обратное соотношение вещей, т. е. чтобы им была присвоена ценность исключительно в силу одной лишь трудности их добывания, при чем уже эта ценность (выражающаяся в том, что эти предметы принимаются и отдаются в обмен на другие ценные объекты) явилась бы предпосылкой их полезности. Вода служит удовлетворению жажды совершенно независимо от того, представляет ли она ценность в силу ее редкости и трудности ее добывания, или же нет. Только для одних денег положение вещей иное. Деньги, очевидно, могут исполнять свои функции в качестве средства передачи ценности только при предпосылке, что они имеют ценность. Деньги, лишенные ценности, за которое, следовательно, никто ничего не дает, не могут служить ни орудием обмена, ни мерилом ценности, ни средством передачи капитала. В подобных деньгах не могут быть выражены заключаемые платежные обязательства; точно также их нельзя считать носителем ценности во времени и в пространстве. Но, если деньги могут выполнять полезные действия всякого рода лишь постольку, поскольку они обладают ценностью, то может показаться недопустимым выводить их ценность исключительно из их полезных действий в роли денег. Может показаться, что скорее в качестве денег могут функционировать только такие вещи, которые уже имеют ценность в силу других своих полезных действий.

Действительно, сначала в качестве орудий обмена, платежного средства, а также мерила ценности служили блага, обладавшие ценностью в качестве потребительных ценностей. Лишь после того, как употребление подобных благ в качестве денег видоизменило хозяйственную организацию, сделав деньги, как таковые, необходимыми, — только после этого ценность денег могла быть основана на их денежных функциях. Но для построения денег исключительно на основе их функций,—для этого потребовалось еще государственное регулирование денежного обращения и наличие платежных обязательств. Нельзя не признать, что никто не примет предмет, не имеющий вовсе ценности, в обмен на ценную вещь. Кроме того, известно, что законодательство не может вынудить народнохозяйственный оборот принять некоторый предмет в качестве средства обмена, если свободный от регулирования обмен отказал ей в такой функции. А это значит, что предмет, который не имеет ценности по другим основаниям, не может получить ее и в силу добровольного или вынужденного применения его в качестве средства обмена. Иначе обстоит дело с функцией денег, как платежного средства. Конечно, никто не согласен выговорить себе в будущем передачу предмета, лишенного всякой ценности. Но раз выраженные в деньгах платежные обязательства между отдельными членами народ-

ного хозяйства получили значительное развитие и раз законодательство государства в силах установить, в каких вещах должен кредитор принимать платеж долга, тогда возможно снабдить этой законной платежной силой также и такие предметы, которые сами по себе не представляют никакой потребительной ценности. Им государство придаст при этом полезность, которая способна стать самостоятельной основой ценности, влияя совместно с монопольным правом государства создавать деньги. Тот, кому предстоят платежи, не нуждается в выяснении вопроса о самостоятельной полезности того предмета, посредством которого он может произвести платеж. Итак, возможность служить средством исполнения, существовавшего уже до того платежного обязательства, придает вещи недостающую ей потребительную ценность. Если такой предмет, пригодный исключительно в качестве платежного средства, может быть приобретен должником лишь при условии преодоления некоторой трудности (а это подходит к случаю, когда выпуск его в оборот ограничен), то такая трудность является достаточным условием для приобретения этим предметом некоторой ценности. На основе такой ценности, созданной исключительно ее законной платежной силой и трудностью ее приобретения, этот предмет может затем получить применение и в качестве средства обмена, а равно и для выполнения прочих функций денег. Правда, исторически деньги возникли, должно быть, раньше, чем могли возникнуть платежные обязательства, выраженные в деньгах, и, следовательно, прежде чем создалась, таким образом, почва для денег, обладавших годностью только в своей денежной форме. Возникновение денег должно было поэтому начаться описанным уже путем с применения потребительных ценностей, в качестве менового и платежного средства. Но как только на более поздней стадии развития денег возникли выраженные в них платежные обязательства и как только государство присвоило себе право издавать распоряжения относительно исполнения денежных долгов и создания денег вообще, то образовалась логическая и практическая возможность создания таких денег, которые представляли годность и ценность только в своей денежной форме. [1]

Эта возможность, естественно, тем больше, чем шире распространены, в связи с развитием кредитного оборота, платежные обязательства и чем большее значение приобретает функция денег, как платежного средства, по сравнению

[1] Эта точка зрения совпадает с таковою же Кнаппа, который формулирует ее так: „Ранее приходилось определять единицу ценности реально; отсюда возникли долги, выраженные в единицах ценности; теперь долги выражены в прежних ценностных единицах и на основе уже этих долгов получает определение новая единица ценности, определение историческое, а не реальное“.

с функцией их, как средства обмена, т. е. такой функцией, на которую не распространяется влияние законодательства. Кроме того, возможность эта тем больше, чем более совершенна государственная организация и чем сильнее она подчиняет своему влиянию хозяйственные отношения индивидов между собой. Но все же описанная возможность никогда, ни на какой стадии развития государства и народного хозяйства, не является безусловной. Живой меновой оборот может, наоборот, уничтожить ее предпосылки, если только деньги, доставляемые ему государством, не соответствуют его потребностям. Если государство неспособно, путем умелого использования своей монополии создания денег, внушить деловому миру то доверие к своим деньгам (произведенным из лишенного ценности или малоценного материала), какое встречают деньги с „субстанциональной ценностью", то меновой оборот (как показывают многочисленные исторические примеры) может создать для вновь возникающих платежных обязательств формы исполнения, освобождающие их от воздействия государства. Этим путем меновой оборот может создать для себя новые деньги. Примерами могут служить возврат оборота к применению металла в слитках вместо чеканной монеты в периоды сильной порчи монеты правительствами, или применение иностранной монеты в странах с сильно обесценившимися бумажными деньгами. Если больше совсем не заключаются новые платежные обязательства в государственных деньгах, то постепенно исчезает основа, на которой исключительно мыслимы деньги, лишенные „субстанциональной ценности". [1] Иллюстрацию этого дает как раз развитие германского денежного обращения в самое последнее время. [2]

В таком освещении, на основе данных новейшего развития денежного обращения и денежной теории, выступает теперь проблема ценности денег и старый, еще Аристотелем поставленный вопрос, —являются ли деньги—номос или же физеи, т. е. покоятся ли они на созданном законом, или на существующем от природы порядке вещей.

---

[1] Эта условность власти государства над денежным обращением осталась незамеченной Кнаппом.

[2] Здесь мы опускаем примеры, иллюстрирующие хорошо известные в странах с сильно обесцененной валютой факты, а именно, что товарооборот в этих странах, несмотря на все усилия государственной власти, вытеснял государственные деньги и ставил на их место свою „валюту". *Л. Э.*

ЛИТЕРАТУРА К IV И V ГЛАВАМ

1) *Кнапп Г.* — Очерки государственной теории денег, пер. под ред. проф. Тиктина.

2) *Кнапп Г.*—Государственная теория денег, Новыенде и в экономике № 6.

2а) *Рыкачев*—Деньги и денежная власть.

3а) *Бендиксен*—Деньги, также сб. „Основные проблемы теории денег" под ред. Дена.

3) *Knapp.*—Die Staatliche Theorie des Geldes.

4) *Palyi M.*—Der Streil um die staatliche Theorie des Geldes.

5) *Soda K.*—Geld und Wert.

6) *Singer K.*—Das Geld als Zeichen.

7) *Bendixen Fr.*—Währungspolitik und Geldtheorie im Lichte des Weltkrieges, Geld nnd Kapital.

8) *Elster*—Die Seele des Geldes.

9) *Dalberg K.*—Die Entvertung des Geldes.

10) *Simmel G.*—Philosophie des Geldes.

11) *Liefmann K.*—Geld und Gold.

13) *Heyn O.*—Jrrtümer auf dem Gebiete des Geldwesens; Erfordernisse des Geldes.

13) *Helfferich K.*—Geld und Banken, I Teil, Das Geld.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

К. Диль

ТЕОРИЯ БЕНДИКСЕНА О СУЩНОСТИ ДЕНЕГ [1]

Бендиксен в своих основных воззрениях о сущности денег исходит из определенных положений Кнаппа. Он причисляет себя к числу сторонников номиналистической теории в противовес металлистам, т. е. теории, утверждающей, что единство ценности (следовательно, марки, франка, гульдена, рубля и т. д.) должно определяться по „номиналу", а не по „металлическому" содержанию, одинаково в странах и с золотой и с бумажной валютой. „Употребляется ли металл при создании платежных средств или нет, для понятия денег совершенно безразлично". [2]

Не надо закрывать глаз на то обстоятельство, что понятие денег не зависит от их материального свойства и не следует искать основу ценности денег в металле. В действительности, мы встречаем в странах с упорядоченной валютой, хотя бы и бумажной, какой, например, несомненно была Австрия в 80-х годах прошлого столетия, полное доверие к ценности денег, и при отсутствии золотых монет и металлического покрытия банкнот. Но что же придает ценность деньгам, если не материальное содержание их? Бендиксен полагает, что война ясно показала правильность денежной теории Кнаппа: „Я считаю замечательной заслугой Кнаппа, что он доказал номинальность единицы ценности и для стран с золотой валютой. Текущая война, которая сделала невозможной идентификацию имперской марки с определенным установленным законом количеством золота, дала „государственной теории" эмпирическое оправдание"... [3] „Война будет концом научного металлизма; все убедятся, что государственная теория является элементарной теорией денег, которую можно так же мало оспаривать, как таблицу умножения, и что ее обязательно следует знать, если желают научно разрабатывать проблему денег". [4] Бендиксен желает дополнить эту теорию, он желает юридическо-догматическое учение о деньгах Кнаппа дополнить своей экономической теорией; рядом

---

[1] К. Диль. „Золото и валюта", пер. с нем. А. С. Когана, под редакцией М. И. Боголепова. Птб., Изд. Право 1921 г.

[2] Wesen des Geldes, стр. 4.

[3] Währungspolitik, стр. 87.

[4] Там же, стр. 86.

с государственной теорией денег он полагает создать хозяйственную теорию денег. Бендиксен усматривает задачу хозяйственной теории денег в определении существа денег в смысле их экономической функции и отсюда развить основные положения созидания денег и даже конструкции денег, каковыми они должны быть, чтобы быть „классическими" деньгами. Под „классическими деньгами" Бендиксен разумеет деньги, которые не подлежат никаким изменениям ценности и, следовательно, не вызывают изменения цен, так что при изменении цен причина лежит всегда на стороне товаров, а не денег. [1] Какую же функцию выполняют деньги? Бендиксен рассматривает наш индивидуалистический хозяйственный строй в качестве чудесного социального механизма, в качестве совместной работы всех на основании принципа равновесия услуг. Этот механизм требует двух предпосылок: 1) всеобщей способности считать при помощи ценностей, пользуясь всеми признанными единицами ценности; 2) употребления знаков, которые выражают такое единство ценности и всеми признаны, как удостоверения оказанных услуг и ценности последних. [2] Эти предпосылки должны быть, чтобы деньги могли служить посредником между производителем и потребителем. „Так, деньги, юридически выступающие как платежные средства, в экономическом отношении представляют собою приобретенное путем предварительного труда право на пригодные к продаже и потреблению продукты прозводства". [3]

По Бендиксену необходимы две презумпции для „классических денег" и их создания: 1) денежная система должна быть так устроена, чтобы каждый за свои труды получал деньги; 2) деньги должны иметь такой характер, чтобы они исчезали при потреблении благ, для приобретения которых они служат. Так как деньги олицетворяют потребительные блага, то они не должны быть более долговечными, чем последние. Такие деньги существуют уже: это—имперские банкноты, покоящиеся на акцептированных товарных векселях. Эти имперские банкноты и являются „классическими деньгами". „Владелец акцептированного товарного векселя претендует на денежные знаки Имперского банка, основываясь на создании в соответствующем объеме ценностей и предоставлении их обществу". [4] Бендиксен полагает, что, исходя из этого основания, можно приписать государству или учрежденным им денежным установлениям обязанность создания денег; государство должно заботиться о наличности денежных знаков, как и о праве на возмездие в объеме, определяемом предшествующими услугами. Государство, следовательно,

---

[1] Wesen des Geldes, стр. 19.
[2] Там же, стр. 22.
[3] Там же, стр. 23.
[4] Там же, стр. 35.

должно выступать в роли созидающего элемента, когда с прогрессом хозяйственной жизни производительность возрастает, и должно заботиться об изъятии денежных знаков при падении производительности. Здесь мы имеем дело с „классическими деньгами", которые возникают и исчезают параллельно с появлением и исчезновением потребительных благ и выполняют, независимо от ценности своей материальной сущности, служебную функцию, которую им надлежит выполнять без влияния их собственной ценности на подлежащие измерению ценности различных благ.[1] Банкноты, как „классические деньги", стоят наравне с кредитами, которые Имперский банк создает на основе учета векселей. Деньги, билонные и кредитные документы должны образовать „классические деньги". Создание „классических денег" отмечается как обязанность государства: „Деньги, независимо от материи, являются государственным законным платежным средством. Государство, или действующий от его имени центральный эмиссионный банк обязан предоставлять необходимые для оборота денежные знаки, которые в руках отдельных лиц являются свидетельствами на требования за предварительно оказанные услуги. Потребность оборота заключается не в золоте, а в деньгах".[2] Бендиксену кажется, как он выражается в своем последнем труде, что с точки зрения чистой логики совершенно бессмысленно связывать деньги с металлом, раз была допущена номинальность единицы ценности: „эта бессмыслица характеризует золотую валюту просто как единицу ценности, все равно будет ли золото концентрировано в центральном банке и в обращение выпускались бы банкноты с принудительным курсом и без размена, или—что до сих пор было обычным—оборот „насыщается" золотыми монетами. Последнее содержит еще особый логический изъян. Оно приравнивает денежные знаки, представляющие свидетельства на услуги, к вещественной ценности, которая равноценна этим услугам. Театральный билет за 4 марки, который содержит на 4 марки серебра, был бы таким же глубокомысленным открытием. И съедобные требования на хлеб были бы подходящей параллелью.[3] Этим исчерпываются и опровергаются все выводы о влиянии редкости металла, служащего валютой, на высоту цен, уничтожаются все ученые изыскания, стремящиеся установить ценность денег, устраняется сложившееся в денежных уставах и государственных финансовых установлениях мнение, что бумажные деньги являются сами по себе злом, опрокидывается мнение, что бумажным деньгам сообщается их „ценность" вследствие

---

[1] Там же, стр. 36.
[2] Währungspolitik, стр 12.
[3] Währungspolitik, стр. 91.

редкости, уничтожаются все исследования об изменении ценности денег. Деньги не являются объектом оценки и кажущееся представление об их ценности является только рефлексом цены, деньги вообще не являются хозяйственным благом, но как в одном месте формулирует Бендиксен, признанным государством знаком ценности“.[1] „Если мы обращаемся к существу денег, то мы не должны думать о неясности, сопровождающей их появление вследствие придатка в виде субстанции ценности“.

КРИТИКА

Основная ошибка в теоретических выкладках Бендиксена, из которой вытекают все прочие, заключается в его теории создания денег, в представлении, что собственно создание денег заключается в „классических“ деньгах, выпускаемых центральным банком в виде банкнот против товарных векселей. Положение, что, „при выпуске Имперским банком банкнот против учета, векселей, банк выпускает деньги“ содержит большую и чреватую последствиями ошибку. В действительности, банк создает не деньги, а кредит. Банкноты вообще не являются деньгами, а кредитными бумагами. На основе различных обеспечений, которые банк получает в отношении векселедателя, последнему предоставляется кредит, и публика, принимающая к платежу банкноты наравне с наличными деньгами, в свою очередь, предоставляет кредит, принимая во внимание большую обеспеченность, даваемую банком. Как и насколько этот кредит открывается, зависит как для банка, так и для публики, от вещественных, реальных гарантий, лежащих в основе бумажных денег. Для банка дело вовсе не обстоит так, что товарный вексель является просто товарным эквивалентом означенного на банкнотах денежного эквивалента, но так, что кредит прежде всего открывается в силу надежных подписей, которыми должен быть снабжен вексель. Также ошибочно утверждение, что „или товарные векселя пригодны служить фундаментом для классических денег, тогда они безотносительно являются таковыми, независимо от количества их и рядом стоящего золотого покрытия, или они непригодны для этого, и тогда, хотя бы самая незначительная эмиссия банкнот под товарные векселя, без полного золотого покрытия, является ошибкой денежной политики, созданием не настоящих денег, против которых владельцы настоящих денег имеют основание энергично протестовать“. (Wesen des Geldes, стр. 39).

Товарные векселя не являются базисом для „классических“ денег, вообще для денег, но могут только служить базисом

[1] Там же, стр. 97.

для кредитных бумаг, выполнять платежные функции, если, конечно, в наличности имеются необходимые гарантии. Но последние вовсе не требуют полного золотого покрытия банкнот; если удачным законодательством о банкнотах эти гарантии будут созданы иным путем, то банкноты могут выполнять денежные функции или служить суррогатом денег. Но почему же обладатели золотых денег признают эти суррогаты равноценными с деньгами? Бендиксен отвечает: потому, что обладатели золотых денег обращают внимание не на золото, но на функцию денег, быть посредником при приобретении благ. Они вовсе не сознают своего преимущества пред обладателями банкнот или кредитных документов (там же стр. 40). Но не посредничество при приобретении благ, но как раз золотое покрытие сообщает банкнотам свойства денежного суррогата. Бендиксен дает „упрощенный“ пример для объяснения процесса дисконтирования векселя: „Фабрикант обратил свой капитал в товары при производстве в течение трех месяцев. Его средства приходят к концу. Он нашел покупателя для своих товаров, но тот просит дать ему в кредит, ибо должен иметь время, чтобы, в свою очередь, раздобыть покупателей, от которых тоже не получит немедленно денег. Покупатель акцептирует вексель сроком на три месяца, который предъявляется фабрикантом для учета в Имперский банк. Теперь фабрикант снова имеет деньги, может купить сырье, оплатить своих рабочих и изготовлять новые товары. Спустя три месяца покупатель уплачивает свой вексельный долг банку из сумм, инкассированных за товар. Одновременно он приобретает новую партию товара и дело повторяется с начала“. (Wesen des Geldes, стр. 33).—Этот пример как раз является характерным для построений Бендиксена. Он берет случай, который должен нам показать, что все вертится вокруг сбыта, что деньги играют лишь „символическую“ роль, что весь товарооборот протекает гладко и без затруднений. — Но как быть, когда покупщик не может уплатить свой долг по векселю из инкассированных за товары денег, вследствие того, что товары не были проданы. В этом случае, совершенно независимо от сбыта товаров, его имущество должно дать гарантию всем прочим „платежеспособным фирмам и лицам“, что банкноты, действительно, „наравне с деньгами“ будут приниматься в обороте. Как отсюда явствует, нельзя в „классическом“ создании денег усмотреть простую, вытекающую из товарного оборота, задачу, где деньги, равно как и банкноты, являются лишь единицей счета, только символом для обмениваемых товаров; реальная безусловная уверенность в получении обладателем банкнот денег, а не „товара“ за банкноты и сообщает им их важную роль в денежном обращении. Следовательно, банкноты не потому являются денежными знаками, что в соответствующем размере созданы „ценности“, а потому, что обла-

датель банкнот считает кредитоспособным выпускающий их банк. Все, что относится к разменным деньгам, относится к чековому и жирообороту. Чеки и жиро—операции могут также выполнять функции денег, ибо и эти орудия кредита опираются на реальный денежный базис; на основе сумм, которыми обладает вкладчик, или на основе предоставленного ему кредита может образоваться широкий платежный и рассчетный оборот, неизменно, однако, в конечном счете, имеющий свою истинную базу в денежной системе, на почве которой и могут лишь возникнуть эти платежные средства. Поэтому совершенно невозможно считать разменные или жироденьги за первичные деньги; дело идет исключительно об орудиях кредита, о „деньгах по банковским книгам", предполагающих существование реальных денег. Бендиксен допускает большую ошибку, желая объяснить сущность денег в качестве орудия обращения, исходя не из сферы обращения, а из сферы кредита, который и возникает лишь на почве обращения.

Как должны возникнуть сами „реальные" деньги, на это можно ответить лишь тогда, когда мы уясним себе функции, выполняемые деньгами. Бендиксен различает лишь одну функцию денег, как платежного средства, или как счетной единицы, и полагает, что для этого достаточно любого бумажного знака. Но это слишком одностороннее и узкое объяснение, оно упускает из виду другие значительно более важные функции денег. Можно, конечно, признать, что при известном хозяйственном строе деньги могут быть только платежным средством или счетной единицей, могут рассматриваться только как чек на получение ценностей, как символ. Таково, напр., будет положение в коммунистическом строе. Когда все блага планомерно создаются центральной общественной властью, когда отдельные предметы производства, по предписанию центральной власти, доставляются в определенном количестве и определенного качества в магазины и предоставляются членам коммунистического государства, то возможно, напр., каждому сочлену за произведенную им работу выдавать свидетельство на определенное число проработанных часов, и на основании этого свидетельства он может получать известные предметы из магазинов, соответствующие определенному количеству рабочих часов. Здесь, таким образом, оказываются возможными деньги без самостоятельной ценности, деньги, материально лишенные всякой ценности, деньги-свидетельства. Но это является совершенно невозможным в распыленной индивидуалистической хозяйственной системе, в которой мы живем. В общественном строе, опирающемся на частную собственность и свободную конкуренцию, деньги выполняют важнейшую функцию, являясь средством сравнения ценностей, средством установления цен. Эту важную функцию денег Бендиксен совершенно упустил из виду и, даже более, он считает

ее бесполезной, когда он утверждает, что деньги вообще могут не иметь никакой ценности, что весь вопрос о ценности денег является праздным.

Так мы подходим к теории ценности денег Бендиксена. Ценность денег, полагает Бендиксен, не является самостоятельной, но производной и означает ни что иное, как ценность покупаемых на них товаров или услуг, ибо „понятие ценности не охватывает деньги сами по себе, как объект“. Судить о ценностях, значит сравнивать цены с помощью общего денежного знаменателя. Но как можно сравнивать ценности без tertium comparationis? Но им и являются деньги, и когда Бендиксен полагает, что деньги имеют только символическое значение, отражая движение ценности товаров, то на это можно возразить, что ценность товаров не фиксируется по распоряжению свыше, но образуется в свободном хозяйственном обороте. Но как может иметь место свободный хозяйственный оборот без определенного товара, при помощи которого можно было бы измерять изменения ценности других товаров? Следует признать, что и этот товар, т. е. деньги, и сами изменяются в ценности, но по известным причинам их ценность подлежит сравнительно гораздо меньшим колебаниям, чем ценность всех прочих товаров. Если Бендиксен утверждает, что деньги не имеют никакой самостоятельной ценности, но выявляют только ценность прочих товаров, то о каких же товарах он говорит. За деньги можно приобрести хлеб, велосипеды, стальные перья, хлопок, ваксу и проч.

Все эти ценности, следовательно, должны отразиться в ценности денег. Но поскольку такое отражение имеет место, это возможно лишь потому, что среди всех разнообразных перечисленных мною товаров есть один специфический товар со свойствами, делающими его способным быть денежным товаром.

Поэтому повторяем: до тех пор, пока хозяйственный строй будет индивидуалистическим и будет покоиться на свободной конкуренции, до тех пор один, всеми признанный товар, необходим для выполнения роли денег, т. е. функции мерила всех прочих товаров. Я сознательно избегаю выражения „масштаб ценности“, чтобы не вызвать предположения о постоянстве ценности денег. Только деньги, имеющие сами материальную ценность, могут в индивидуалистическом хозяйственном строе выполнять роль мерила ценности. Я это так формулировал в другом месте: [1] „Когда государство регулирует все производство и фиксирует товарные цены, то оно может создать и лишенные ценности денежные знаки, кото-

---

[1] „Deutschland, als geschlossener Handelsstaat im Weltkrieg“, Stuttgart und Berlin, 1916.

рые представляют собой лишь свидетельство на получение определенной части из товарных запасов. Но когда производство вручается отдельным частным хозяйствам, выбрасывающим по своему усмотрению товары на рынок, то в таком случае должно быть и мерило ценности. Производители должны иметь возможность обратиться к покупателям с предложением: определите в общепризнанном предмете, напр., золоте, сколько вы готовы нам дать за наши товары! (стр. 21).

Бендиксен пытается опровергнуть это обоснование ценности денег ценностью золота указанием, что подобного рода оценка вовсе не свойственна людям (Wesen des Geldes, стр. 7). Каждый сам может проанализировать на себе самом, как он размышляет, когда он желает купить вещь или только составить себе представление о ее ценности. Еще должен родиться человек, у которого с виллой, стоящей 70.000 марок, сочеталось бы представление о 50-фунтовом золотом слитке... Следовательно, если люди не думают о ценности золота, то она не может иметь решающего значения. Как будто люди вообще отдают себе отчет во взаимоотношениях явлений в области народного хозяйства.

Совершенно неправильно утверждение Бендиксена, что „металлистам" свойственна иллюзия „постоянства ценности денег". Он выражает надежду, что теория Кнаппа разрушит ошибочное учение металлистов и говорит далее (Geld und Kapital, стр. 97): „Иллюзия имманентного постоянства ценности всеобщего ее мерила будет, повидимому, преодолена". Эту иллюзию металлисты никогда не питали, но ее разделяет Бендиксен, который неоднократно говорит о „постоянстве ценности" денег, смешивая ценность и цену и упуская из виду важное различие между внутренней и внешней ценностью денег. Я цитирую буквально следующие места у Бендиксена: „Не золото сообщает деньгам ценность, но золото получает свою ценность от денег, т. е. от монетного кодекса. Государство создает единицу ценности и определяет содержание монеты; установив далее свободную чеканку металла, являющегося валютой, государство сообщает ему прочную ценность. Только отмена свободной чеканки золота во всех странах разрушила бы постоянство ценности золота... [1] Никто из желающих получить золото не должен платить более высокую цену, ибо в находящихся в обороте деньгах он находит этот чистый вес. Таким образом, ценность золота не может превысить эту цену..." [2] Но если допускают, что не ценность металла, а авторитет государства сообщает деньгам их свойство, то отпадает пригодность денег к обмену. [3] Так как зо-

---

[1] „Geld und Kapital," стр. 36.
[2] Там же, стр. 37.
[3] „Währungspolitik".

лоту, по мнению Бендкисена, ценность сообщается денежной системой, то деньги получают свою ценность не от золота. Здесь мы видим фатальное смешение понятий ценности и цены. Цена, которую государство фиксирует, является лишь чисто номинальной, внутренняя ценность золота, которая в особенности зависит от условий добычи этого металла, этим совершенно не затрагивается. У Бендиксена сложилось удивительное представление, что государственная власть может создать ценность золота и даже устойчивую ценность. Он не обращает внимания на то, что государство выполняет лишь совершенно второстепенную функцию, дает н а и м е н о в а н и е определенной весовой единице металла. Какая ценность скрывается, однако, за этим наименованием, зависит от ценности металла. Государство, таким образом, может фиксировать только цену, но не ценность денег, поэтому утопичным является взгляд Бендиксена, что государство может создать неизменяющиеся в ценности деньги, и что такими деньгами являются обеспеченные товарными векселями банкноты. Понятие неизменных в ценности денег заключает в себе противоречие. С этой точки зрения неправильно и различение денег, как национального и международного средства. Бендиксен рассматривает золото, как платежное средство для определенных международных платежных нужд, во внутреннем же обороте являются пригодными платежные средства, лишенные самостоятельной ценности. Принципиально здесь нет никакого различия. И во внутреннем обороте—при предпосылке частно-хозяйственного товарооборота — должны обращаться металлические или иные деньги с материализованной ценностью, ибо в противном случае были бы невозможны фиксация и сравнение цен.

Так же мало, как и качественную денежную проблему, теория Бендиксена разрешает и количественную. Как государство может регулировать выпуск бумажных денег, избегая чрезмерного насыщения, сопровождаемого ухудшением денег (инфляцией), с одной стороны, и недостатка денег, т. е. нехватки платежных средств, с другой? Бендиксен полагает, что недостатком старой бумажной валюты являлось, что печатный станок из финансовых соображений слишком сильно работал и этим были обусловлены известные нам дефекты бумажно-денежного хозяйства. Иначе обстоит дело, когда печатание денег не является финансовой мерой, но когда оно систематически практикуется, как акт государственного управления. В этом случае количество денег может быть выпускаемо в разумных пределах. Как раз важнейший вид денег—банкноты—покрываемые товарными векселями, отвечает требованию выпускать деньги лишь постольку, поскольку новые товары появляются в обороте. Помимо того, что эта автоматическая зависимость между количеством банкнот и коли-

чеством товаров вовсе не имеет места, не следует забывать, что всегда только часть товарооборота совершается путем кредита, другая же часть за наличный расчет, на основе которого уже создается кредит. Если весь этот платежный оборот, сделки за наличные и в кредит, совершался бы при помощи бумажных денег, то государство только тогда могло бы авторитарно правильно фиксировать количество их, если бы и количество произведенных товаров и их оборот могли бы быть им авторитарно определены. Если государство фиксирует количество выпускаемых денег, то оно должно фиксировать и количество производимых товаров. Но так как в нашем индивидуалистическом хозяйственном укладе производство товаров и их обращение как в количественном, так и в качественном отношении целиком предоставлены свободному усмотрению производителей и потребителей, то должны быть и деньги, приноровленные в количественном отношении к этому свободному обороту и его меняющимся потребностям в средствах обращения. Это осуществимо лишь при совершенно свободной чеканке обращающегося металла и возведенной на этом валютном базисе возможно эластичной системе кредитных документов (банкнот, чеков и т. д.).

В. Лексис

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ДЕНЕГ [1]

Деньги в широком, чисто хозяйственном, смысле являются меновым благом, пользующимся всеобщим признанием и выполняющим функции мерила ценности, равно как средства обмена, платежного средства и средства накопления ценности.

Наше общественное хозяйство основано на многочисленных, постоянно возобновляющихся сравнениях меновых ценностей. Отношение разных величин друг к другу легче всего уяснить себе, сравнивая их с какой-нибудь третьей, уже известной нам величиной. Поэтому, при возникновении общественного хозяйства, основанного на обмене и купле, необходимо должна была выявиться потребность в благе, ценность которого была бы всем известна и которая поэтому могла бы служить мерилом для сравнения меновых ценностей. Кроме того, хозяйство, основанное на товарном обмене, нуждается в средстве для перенесения общей способности к приобретению самых разнообразных благ (т. е. общей имущественной силы) от одного лица к другому, от одного периода времени к другому, ибо потребности различных хозяйств не соответствуют друг другу таким образом, чтобы всякое хозяйство могло непосредственно за отдаваемые им блага получать те блага, которые соответствуют его потребностям и к которым стремится хозяйствующий субъект. Потребности эти бывают чрезвычайно различны по качеству и количеству, во времени и в пространстве. Производители, выносящие произведенные ими хозяйственные блага на рынок, находят для них покупателей, которые, однако, с своей стороны не могут дать им эквивалента в тех благах, в которых нуждается продавец, а дают ему вместо того другие блага, в которых он не нуждается. Если же при обмене бывает, что потребности продавца и покупателя соответствуют друг другу качественно, то они большей частью расходятся количественно. Ценности тех благ, которые каждая из обменивающихся сторон выносит на рынок, не равны между собой. Бывает еще и так, что одна из обменивающихся сторон же-

[1] Статья эта представляет переработанную проф. Лексисом для IV издания „Schönberg's Handbuch der politischen Oekonomie" статью проф. Hacce о деньгах. Перевела А. Айзенштадт.

лает или вынуждена выбросить свой товар на рынок тотчас-же, потому, что этот товар скоропортящийся или же потому, что сбыт его является выгодным в данный момент, но вместе с тем она желает только в будущем получить эквивалент его для удовлетворения своих потребностей. Акт обмена, таким образом, должен быть разложен на два акта, расходящихся во времени. Или же, наконец, лицо, выступающее на рынке, находит сбыт своим товарам, но не находит товара, который оно желало бы приобрести в обмен и который найти можно только в другом месте. Оно нуждается в средстве, при помощи которого оно могло бы перенести свою покупательную способность в другое место. Все перечисленные нами случаи легко можно иллюстрировать бытовыми примерами.

Из функций денег служить средством обмена, развивается функция их как платежного средства. Обменом отнюдь не исчерпывается количество актов передачи благ, в которых деньги служат наилучшим посредником. Существует целый ряд актов передачи благ, которые, правда, нуждаются в посредствующей роли денег, однако, сами по себе не являются актами обмена, (Книсс).—Таковыми являются: возмещение убытков, имущественные траты, налоги, платежи, вытекающие из семейственно-правовых отношений, выдача и получение займов, уплата процентов. Всеобщее средство обмена, во всех этих случаях, становится всеобщим платежным средством.

Платежное средство, точно так же, как и средство обмена, одновременно является средством для перенесения ценностей от одного лица к другому, от одного места к другому. Поэтому, мы не считаем необходимым прибавить еще третью функцию денег, как средства передачи ценности, к его функциям, как средства обмена и как платежного средства. Всякий платеж является, в большей или меньшей степени — перенесением ценности в пространстве.

Точно также функция денег — переносить наиболее удобным и безопасным способами ценность из одного периода времени в другой вытекает из их функции средства обмена и платежного средства. Деньги сохраняются для будущего, потому что они, придают хозяйствующему субъеку общезначимую покупательную силу и платежную способность, но как мы выясним потом, эта функция денег, в некотором отношении, противоположна функции их служить средством накопления ценности.

Все эти функции денег, в особенности же функцию мерила ценностей, может выполнить только благо, тождественное в своих ценностных свойствах с благами, с которыми оно сравнивается и на которые обменивается. Ибо две вещи, сравнимые между собой и могущие служить мерилом

друг для друга, необходимо должны обладать одинаковыми свойствами. Поэтому и деньги можно сравнивать с другими благами только постольку, поскольку и те и другие обладают меновой ценностью. Иногда пытались выражать эту истину в мало удачной форме, говоря, что „деньги являются товаром". Это предложение плохо выражает мысль, так как при покупке деньги противопоставляются товару и это противопоставление, поскольку оно связано с ценностной природой денег, имеет свое значение и свое оправдание. Товар, для того, чтобы выполнить свое назначение, должен быть потреблен и, следовательно, исчезнуть с рынка; деньги же, как средство обмена, выполняют свои функции тем, что они затрачиваются и остаются на рынке. Потребность в платежных средствах, равно как и определение ценности денег по этой причине очень существенно отличаются от потребности в товарах. К этому нужно прибавить еще и то, что на более высокой ступени культурного развития, государственная власть оказывает сильное влияние как на выбор того блага, который употребляется в качестве денег, так и на его суррогаты, в то время как потребность в товарах только весьма косвенно меняется под влиянием государственных мероприятий.

Хотя деньги возникли из потребностей оборота, а не по государственному декрету, однако денежное обращение имеет большое значение для правового порядка и нуждается, во многих отношениях, в правовом утверждении со стороны государственной власти. Прежде всего, государственным законом устанавливается, какое именно благо служит всеобщим платежным средством. Государство уже по одному тому нуждается в законном платежном средстве, что оно устанавливает целый ряд причитающихся ему с населения платежей (например, денежные штрафы, налоги и все платежи, вытекающие из государственного бюджета) и, поэтому, должно определить, какое именно благо должно употребляться для всех этих платежей.

Всеобщее платежное средство по закону является и окончательным принудительным ликвидационным средством для всех обязательств, даже и для тех, которые первоначально не носили денежного характера. При развитых хозяйственных отношениях может случиться, что должник не в состоянии, или не желает выполнить обязательство, взятое на себя в какой либо иной форме. Поэтому, непременно должно существовать такое благо, передачей которого можно было бы ликвидировать связывавшее его обязательство. Государство, придавая всеобщему платежному средству свойство принудительного средства по ликвидации обязательств, признает, таким образом, способность денег замещать собой все другие блага. Этим свойством деньги обладают при развитом уже денежном хозяйстве, ибо за деньги можно иметь

в обмен все другие блага и путем передачи денег можно переносить общую имущественную силу (Савиньи).

Наконец, и способность денег служить общим мерилом ценности нуждается в законном признании и установлении. В многочисленных случаях правопорядок предписывает оценку меновых благ, и тогда наперед должно быть известно то благо, которое служит мерилом при оценке.

Признанные, таким образом, государственным правопорядком в качестве законного платежного средства, ликвидационного средства, а также и мерила ценности—деньги являются деньгами и в правовом смысле или же валютными деньгами государства.

Валютные деньги, таким образом, не исключают применения всякого рода других денег, могущих служить средством обмена, платежным средством и средством накопления ценности; однако, никто не обязан принимать платежа в этих окончательных деньгах, если это не было предварительно оговорено в условиях сделки, и даже, если бы было оговорено, должник имеет право погасить свое обязательство в валютных деньгах.

Старые запутанные суждения, по которым меновая ценность денег будто бы основана на необъяснимой фантазии человека или на произволе государственной власти, с чем мы встречаемся в каноническом учении о деньгах, могут теперь считаться преодоленными. Меновая ценность только косвенно подвергается известному влиянию государственных мероприятий, поскольку политика чеканки монет может увеличить спрос на один или оба драгоценных металла, а также поднять меновую ценность монеты выше ценности содержащегося в ней благородного металла.

Меновая ценность металлических денег устанавливается путем спроса и предложения, а причины, определяющие объем и интенсивность спроса и предложения, в последнем счете одинаковы для всех меновых благ. Это—пригодность для хозяйственных целей человека (потребительная ценность) и трудность добывания (издержки производства).

Всякие рассуждения о ценности денег поэтому должны быть направлены на те специфические причины, которыми определяется образование ценности самих денег, а именно: с одной стороны, на те затруднения и препятствия, которые мешают созданию и умножению денежной массы и которые преодолеваются путем хозяйственных затрат, т. е. издержки производства в широком смысле этого слова, а с другой стороны, на отношение денег к человеческим потребностям, иначе говоря, на значение денег для хозяйственных целей человека, т. е. потребительную ценность в широком смысле этого слова.

ЛИТЕРАТУРА К VI ГЛАВЕ

1) *Диль К.*—Золото и валюта.

2) *Лексис В.*—Статьи о деньгах в „Handwörterbuch der Staatswissenschaften."

3) *Бунге.*—О восстановлении металлич. обращения в России.

4) *Вагнер А.*—Русские бумажные деньги.

5) *Wagner A.*—Theoretische Socialoekonomie, II t. Geld und Geldwesen.

6) *Knies.*—Geld und Kredit, I.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Р. Гильфердинг

О СУБЪЕКТИВНОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ [1]

Господа теоретики предельной полезности преисполнены столь возвышенного мнения о своем учении, что они,—в силу психологического процесса, который, в отличие от процессов, изучаемых школой, обладает живой динамикой,—переносят его на самих творцов учения. Они полны святой веры в откровение, и даже бесплодное блуждание по пустыне бесплодной спекуляции, длящееся вот уже скоро 40 лет, не в состоянии поколебать этой святой веры. Действительно, учение это кажется бессмертным—больше того, это—бессмертие, возведенное в квадрат. Школа предельной полезности живет, можно сказать, самоубийствами. Всякий теоретик предельной полезности непременно начинает с того, что он безошибочно отмечает все тяжкие промахи мысли, совершенные его предшественниками, и читатель с благодарностью произносит: „упокой ты прах их, Господи". Но, вслед за этой положительной частью, идет часть отрицательная, в которой счастливый критик дает столь же благодарный материал для критики своим преемникам. Таким образом, ряд никогда не прерывается. В благочестивой Австрии установился обычай воздвигать вехи в память о всех таких несчастных случаях; приват-доцентские и профессорские места отмечают страдный путь, по которому шла школа, после того как Менгер, придумавший ее по образу и подобию Госсена, вместе с Бем-Баверком стал полновластно разрешать вопрос о замещении профессорских кафедр. Ибо школа предельной полезности является поклонницей монополии не только в теории. Она и на практике весьма умеет ценить значение монополии, и, быть может, это единственное звено, крепко связывающее ее с действительностью.

Между всеми проблемами, неразрешенными школой—и по существу она не разрешила ни одной — проблема денег, естественно, занимает самое выдающееся место. Она для этих теоретиков истый крест, под тяжестью которого они все сваливались, не выводя, однако, своим падением блуждающее человечество на верный путь.

---

[1] Рецензия на книгу: L. Mises. „Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel", „Neue Zeit" 1912 г., II Band, пер. А. Айзенштадт.

Вопрос сводится к следующему: как можно, исходя из субъективной теории ценности, определить отношение, в котором деньги обмениваются на товар? „Ценность“ товара определяется его предельной полезностью, т. е. той пользой, которую можно извлечь из последней доли запаса товара. Или же, прибегая к классическому примеру, так верно отражающему происходящие ежедневно на мировом рынке процессы, мы можем сказать следующее: „Если у меня есть только один мешок хлеба, то я, конечно, буду придавать ему чрезвычайно высокую ценность, так как он служит для удовлетворения моих самых насущных потребностей; если же у меня их целых пять, то пятый мешок, служащий мне для кормления попугаев,—ибо все остальные мои потребности удовлетворены предыдущими четырьмя мешками — будет обладать для меня минимальной ценностью. Эта ценность пятого мешка, последней доли моих хлебных запасов, и есть предельная полезность“. Ею-то, для счастливого владельца хлеба, и определяется ценность всего количества товара. Однако, как же обстоит дело с предельной полезностью самих денег? Полезность денег выражается ни в чем ином, как в полезности того блага, которое я получаю в обмен на деньги. Или же, как выражает ту же истину профессор Визер: „Меновая ценность денег есть антиципированная потребительная ценность тех благ, которые можно купить за эти деньги“. Но вопрос о том, сколько я получу благ за свои деньги, решается в зависимости от ценности, т. е. от полезности денег. Мысль вращается в заколдованном кругу.

Заслуга Мизеса заключается в том, что он в первой (положительной) части своего труда разбирает все теории измерения ценности „психологической“ школы и указывает на причины их неуспеха. Он, следующим образом, формулирует тупик, в который зашли субъективные теоретики ценности: „Рассуждения о субъективной ценности денег невозможны без понимания их объективной меновой ценности; в противоположность товарам, деньги для своего обращения должны непременно обладать объективной меновой ценностью, известной покупательной силой. Субъективная ценность денег заставляет нас заключать обратно к субъективной ценности тех благ, которые можно получить за эти деньги; она есть понятие производное. Кто хочет оценить значение определенной суммы денег для удовлетворения известных потребностей, не может сделать этого иначе, как опираясь на определенную объективную меновую ценность денег. Всякая оценка денег, таким образом, основана на определенном мнении об их покупательной способности“ (стр. 95).

Казалось бы, нельзя более ясно констатировать полнейшую несостоятельность субъективной теории ценности, ее совершенную неспособность разрешить основную проблему поли-

тической экономии. Но когда оказывается несостоятельной теория, за стол садится история. И нас угощают басней, идущей из седой старины. „Определение субъективной ценности денег возможно только при допущении объективной меновой ценности денег; оно нуждается в такой опорной точке (!), чтобы перекинуть мост (!) от удовлетворения потребностей к „лишенным полезности деньгам". (Богатство образов, конечно, прикрывает собой полную расплывчатость понятий. Раз дана меновая ценность денег, то уже нет места для субъективной оценки. Вместо „опорной точки" у нас было бы тогда незыблемое определение, но вместе с тем и не меняющаяся ценность денег. Такая ценность, как мы увидим впоследствии, однако, совершенно непригодна для целей Мизеса). „Так как деньги, как таковые, не имеют прямого отношения к удовлетворению человеческих потребностей, то человек не может составить себе представления об их полезности,—а, следовательно, и об их ценности, иначе, чем исходя из определенной их покупательной способности. Это представление, конечно, по необходимости, будет соответствовать тем меновым отношениям, которые существуют на рынке между деньгами и товарами".

„Раз установившееся на рынке меновое отношение между деньгами и товарами, таким образом, распространяет свое действие и за пределы настоящего момента; оно дает базис, исходную точку для дальнейшей оценки денег в будущем. Таким образом, объективная меновая ценность п р о ш л о г о приобретает значение для оценки денег в н а с т о я щ е м и б у д у щ е м. Денежные цены сегодняшнего дня неразрывными узами связаны с денежными ценами, которые господствовали на рынке вчера и позавчера, а также с теми ценами, которые будут господствовать завтра и послезавтра".

„Констатировав эту связь, мы, однако, еще не дошли до полного объяснения переданной нам в наследство от истории денежной ценности, мы только отсрочили это объяснение (совершенно верно!)" Но слушайте дальше!

„Наиболее древней, исторически унаследованной ценностью денег, повидимому, является ценность тех благ, игравших роль денег, которой они обладали в тот момент, когда впервые выступили, как всеобщее средство обмена (в силу той непосредственной полезности, которую они представляли в смысле удовлетворения известных потребностей). Когда человек впервые (!) оказался в состоянии приобрести предмет не для собственного потребления, а как средство обмена, он стал ценить его, прежде всего по той объективной меновой ценности,—которой тот, по причине своей промышленной пригодности, обладал уже на рынке (!),—и только во вторую очередь (позвольте спросить вас: н а с к о л ь к о именно ниже он ценил его, ведь это-то и интересно!) за способность

его служить средством обмена. Наиболее древняя ценность денег сводится к товарной ценности материала, из которого сделаны деньги". (стр. 108 и след.).

Какое душевозвышающее рассуждение! Когда мы в пивной Ашингера [1] покупаем бутерброд за 10 пфеннигов, какие-то таинственные узы, природа которых выяснилась только теперь, связывают нас с прошлым. Не потому, конечно, чтобы черствость бутерброда наводила нас на мысли о его древности: нет, не низменная потребительная ценность, а одна только объективная меновая ценность кует цепь, связывающую нас с прошлым, когда какой-либо из варварских наших предков впервые вынимал из кованого сундука золотое кольцо, чтобы купить себе на такие деньги вола. Или, быть может, нам следует вернуться к еще более седой старине?—Нет ли, как сказал бы Кнапп, „рекуррентной связи" между связками раковин, между скотом, служившим деньгами и между золотой монетой? Читатель видит, „история" школы стоит на высоте ее „психологии".

К сожалению, Мизес недолго останавливается на своей забавной выдумке—сделать психологию первобытного человека предпосылкой для экономических оценок ныне живущих хозяйствующих субъектов. Он торопится оставить эту свою „опорную точку" и перекинуть мост к современности. Правда, он признает, что между происхождением меновой ценности денег и других хозяйственных благ существует принципиальная разница (стр. 111), которая, по существу, есть ни что иное, как принципиальное противоречие между его „историческим" объяснением ценности денег и психологической основой всей его теории, цельность которой сразу нарушается, если отношения, в которых совершается обмен, определяются не оценками живущих, а отчасти (любопытно, в какой именно степени) оценками давно умерших людей. Для дальнейшего развития явления, эта „объективная" ценность денег, восставшая из гроба, вообще лишена всякого значения, ибо „исторически унаследованная ценность денег преобразуется рынком без всякого уважения к ее исторически сложившейся сущности" (стр. 119). Это происходит следующим образом.

Запас денег в народном хозяйстве изменяется—предположим, что увеличивается. Это всегда означает увеличение количества денег, денежного имущества, находящегося в распоряжении известного количества хозяйствующих субъектов; эти последние могут выпускать бумажные деньги, или кредитные знаки или же заниматься производством того вещества, из которого делаются деньги, обладающие материальной

[1] Ашингер—владелец пивоваренного завода и пивных в Берлине.
Примеч. перев.

сущностью. В результате этих мер меняется отношение между их потребностью в деньгах и между запасом денег, которыми они обладают; у них относительное изобилие денег и относительный недостаток в других хозяйственных благах. Ближайшим последствием двух вышеупомянутых обстоятельств является тот факт, что предельная полезность денежной единицы для соответствующих хозяйствующих субъектов падает. Это неминуемо сказывается на их поведении на рынке. Они стали „более способными к обмену", „покупательные способности" их выросли. Вследствие этого на рынке сильнее проявляется спрос их на предметы потребления; они могут предложить больше денег за товары, которые они желают приобрести. Неизбежным выводом отсюда является то, что соответственные блага подымаются в цене и, что объективная меновая ценность денег по отношению к ним падает". (стр. 151). Только что нам говорили: „Так как деньги, как таковые, не имеют прямого отношения к удовлетворению человеческих потребностей, то человек не может составить себе представления об их полезности, а, следовательно, и об их ценности, иначе, чем исходя из определенной их покупательной способности". Теперь оказывается, что изменение в количестве денег непосредственно отзывается на предельной их полезности. Логический круг, разомкнувшись от исторических рассуждений Мизеса, снова безнадежно смыкается под действием его теории.

При этом все построение автора вполне произвольное. *А* у которого раньше было 100 марок, теперь владеет 200 марками. Он знает исторически сложившиеся отношения обмена и у него нет ни малейшего повода отступать от них. Если мой запас одежды из одного костюма вырастает до двух костюмов, предельная полезность обоих костюмов падает. Иначе обстоит дело с деньгами. Предельная полезность денег равна предельной полезности тех предметов, которые я могу приобрести на них. Предельная же полезность костюма не изменилась от того, что у меня удвоился запас денег. Если 100 марок эквивалентны одному костюму, то 200 марок эквивалентны двум костюмам. Ничто не побуждает меня платить за костюм больше, чем я платил раньше; для продавца костюма предельная полезность его не изменилась, он отдаст мне его по старым „исторически установившимся меновым отношениям". Мизес выходит из затруднения, обращаясь к простому объяснению, основанному на законе спроса и предложения. Если он этим только хочет сказать, что при росте богатства усиливается спрос на товары, то такие утверждения принадлежат к разряду само собой разумеющихся истин. Не является новостью и то утверждение, что усиление спроса временно приводит к повышению цен! Но обыкновенно в таких случаях производство, в свою очередь,

также растет до того момента, пока не восстановится прежний уровень цен. Такое объяснение совершенно непригодно для длительных изменений в отношениях обмена.

Если Мизес, таким образом,—как это вытекает из самого существа теории предельной полезности, после долгого блуждания снова возвращается для объяснения экономических явлений к старому закону спроса и предложения,—он этим вполне отдается во власть старой количественной теории, все выводы которой он принимает и все заблуждения которой он доводит до абсурда. Было бы совершенно бесполезно следовать за ним во всех его рассуждениях. Смешно, когда Мизес, например, бранит капиталистов за то, что они в своих делах не считаются с постоянно меняющейся ценностью денег. Комизм его позы еще усиливается от того, что сам Мизес хорошенько не знает, как они могли бы сделать это и, повидимому, Тиссен и Гвиннер, по одной этой причине, должны и в дальнейшем отказываться от всякого заключения сделок на основании теории предельной полезности.

Курьеза ради отметим и то обстоятельство, что Мизес, как прямолинейный последователь количественной теории, держится того мнения, что банки могут произвольно и беспредельно увеличивать количество средств обращения. Так как он разделяет взгляды Бема, утверждающего, что высота процента на капитал зависит от величины национального потребительного фонда, то он лишен возможности выяснить те специфические условия, которыми определяется размер денежного процента на капитал. Таким образом, он приходит к нелепому заключению, что банки, путем понижения процентов по своим активным операциям, могут до бесконечности расширить требования публики и удовлетворить их путем увеличения эмиссии средств обращения. В этом, по Мизесу, заключается серьезная опасность для капитализма. Современная организация обмена „в самой себе носит зародыш разрушения. Развитие средств обращения неминуемо должно вести к ее гибели“. (стр. 472). И на этом новейший теоретик Zusammenbruch'a (катастрофического крушения капитализма) покидает нас, давая нам утешительное заверение, что тут „заключены проблемы, которые, весьма возможно, через индивидуалистическую организацию производства и распределения приведут нас к новым, быть может, коллективистическим организационным формам общественного хозяйства“. (стр. 476). Поэтому, никакой вражды!

Право, нам жалко господина Мизеса. Это писатель, не лишенный знаний, и он отчасти доказал это своим отличным трактатом о „Проблеме легального возвращения к наличным платежам в Австро-Венгрии“. (Schmollers Jahrbücher 33 и 34 Band); и в только что разобранной книге попадаются места, не лишенные интереса. Но, именно потому книга своей пол-

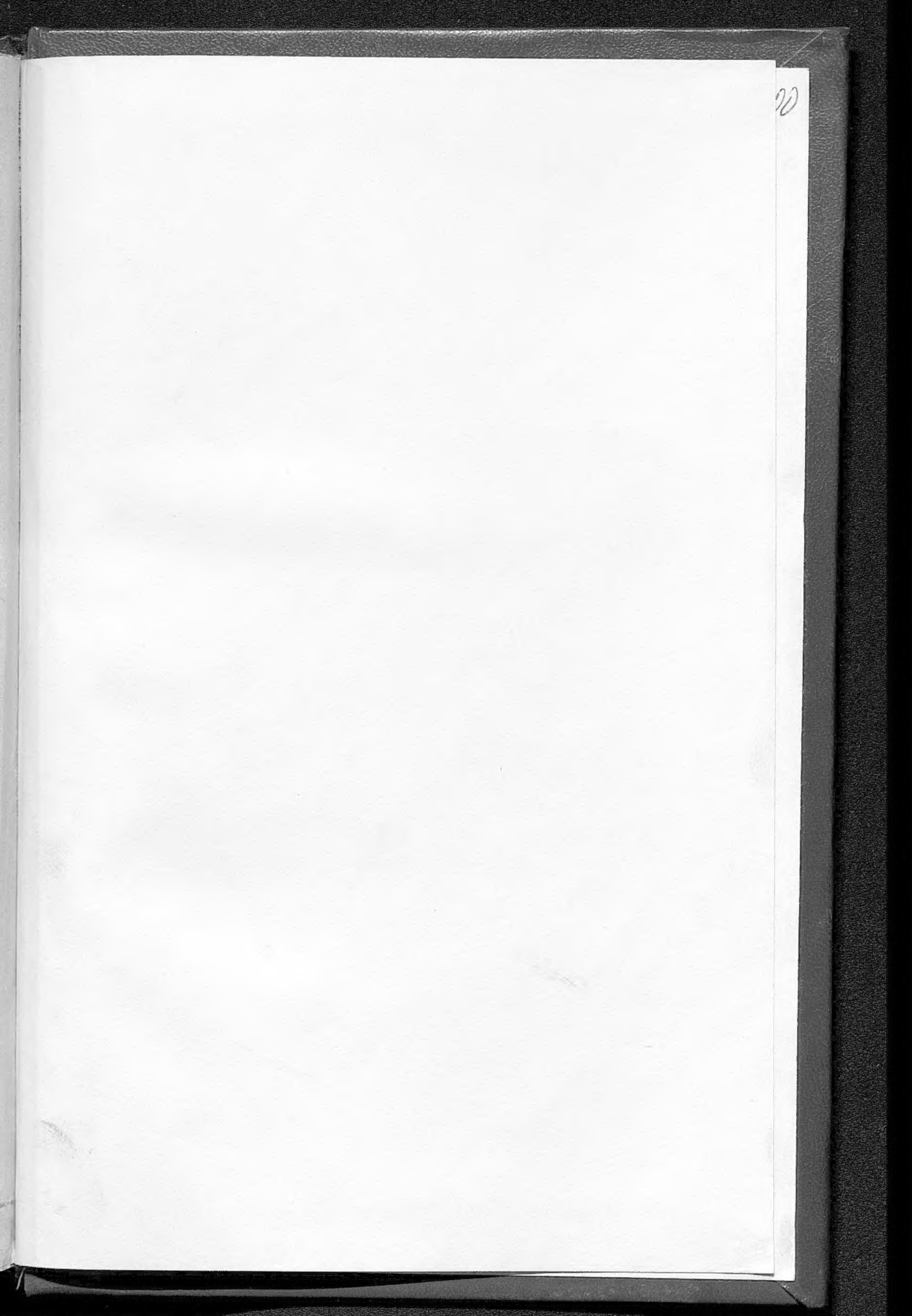
нейшей теоретической безрезультатностью является доказательством совершенной бесплодности теории предельной полезности. Именно потому, что Мизес с большой логической последовательностью, правда, и с полной беспечностью относительно соответствия его умозаключений действительности, развивает все выводы, вытекающие из его предпосылок; результат, к которому он приходит, является осуждением ложной исходной точки—субъективной теории ценности.

ЛИТЕРАТУРА К VII ГЛАВЕ.

1) *Menger*—Ст. „Geld" в „Handwörterbuch der Staatswissenschaften".
2) *Wieser*—Der Geldwert und seine Veränderungen.
3) „ —Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft.
4) *Mises*—Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel.

Heyn O.—Erfordernisse des Geldes. — Ein Beitrag zur Geldtheorie, Leipzig. 1912.
Helfferich K.—Geld und Banken, I Teil—Das Geld.
Hawtrey K.—Currency and credit, New-Jork, 1923.
Hildebrand K.—Die Theorie des Geldes, Jena, 1883.
Kemmerer Ed.—Modern Currency Reforms (денежные реформы в Индии, Порто-Рико, Филлипинских о-вах, Мексике и др.).
Kemmerer Ed.—Money and Prices, New-Jork, 1907.
Kautsky K.—Das proletarische Revolution und ihr Programm.
Kaulla K.—Die Grundlagen des Geldwerts, Stuttgart, 1920.
Knapp G.—Die Staatliche Theorie des Geldes, 2 Ed.—К этому изданию приложен обширный указатель литературы pro и contra Кнапп, почему мы опускаем ее перечисление.
Knapp G.—Über die Theorien des Geldwesens („Jahrbûcher f. Gesetzg." XXXII).
Kirmaier—Die Quantitätstheorie, Jena, 1922.
Knies.—Geld und Kredit, I, 1895.
Lotz W.—Goldwährung, Jena, 1906.
Lotz W.—Geld, Jena, 1906.
Laughlin J. L.—The principles of money, London, 1921.
Laughlin J. L.—The history of Bimetallism in Un. States, New-Jork, 1886.
Lexis W.—Статьи о деньгах в „Handwört. der Staatswissenschaften."
Liefmann K.—Geld und Gold.
Machlup Fr.—Die Goldkernwährung, Halberstadt, 1925.
Moll.—Logik des Geldes, Leipzig, 1922.
Mises.—Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel.
Menger K.—Статья Geld в „Handwörterbuch des Staatsw."
Palyi M.—Der Streit um die Staatliche Theorie des Geldes, Leipzig, 1922. Приложен обширный указатель литературы о госуд. теории денег.
Simmel.—Philosophie des Geldes, Leipzig, 1917.
Singer I.—Die Zukunft des Rubels, Berlin, 1918.
Singer K.—Das Geld als Zeichen, Jena, 1920.
Schumpeter J.—Der Socialprodukt und die Rechenpfennige, Arch, für Socialwissenschaft und Socialpolitik, Bd. 44, 1917—1918.
Spiethoff.—Die Quantitätstheorie als Hausstheorie, Festgaben für Ad. Wagner.
Soda K.—Geld und Wert, Tübingen, 1909.
Schmidt Alf.—Das russische Geldwesen während der Finanzverwaltung des Grafen Cancrin von 1822—1844, St.-Petersburg, 1875.
Took T.—An Inquiry into currency, London, 1844.
Took und Newmarch—History of prices.
Vegelin W.—Tauschsocialismus und Freigeld, Berlin, 1921.
Wieser Fr.—Der Geldwert und seine Veränderungen, Schriften d. Verein für Socialpolitik, B. 1—11.
Wieser Fr.—Theorie der gesellscheftlichen Wirtschaft, Grundriss der Socialoekonomie, B. 1—II.
Walter R.—Der Segen des Geldes oder ein kommunistisches Geldsystem, Leipzig—Berlin, 1919.
Walras L.—Theorie de la monnaie, Leipzig, 1886.
Wagner Ad.—Theoretische Socialoekonomie, II.—Geld und Geldwesen.
Wagner Ad.—Geld und Kredittheorie der Peelischen Bankacte.
Walker Fr.—Money in its relations to trade and industry, N.-Jork, 1899.
Withers H.—War-time financial problems, London, 1920.
Wicksell K.—Geldzins und Güterpreise, Jena, 1898.
Wicksell K.—Vorlesungen über National Oekonomie, II Band.
Withers. H,—Wan and dembard Street, London, 1924.

СОДЕРЖАНИЕ.

585,00

